

Искуп. Шингев.
близко

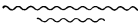
О ТЕОСОФІИ.

Критическій очеркъ доцента Богослов-
скаго факультета Института Св. Владиміра
— прот. АРИСТАРХА ПОНОМАРЕВА. —

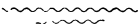
Г. ХАРБИНЪ.
1936 г.

Игорь Иванович
Бундугуз

О ТЕОСОФІИ.

Критическій очеркъ доцента Богослов-
скаго факультета Института Св. Владими-
ра прот. АРИСТАРХА ПОНОМАРЕВА.

Г. ХАРВИНЪ.

1936 г.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Близится срокъ возвращенія нашего на Родину.

Долгіе мучительные годы пребыванія внѣ Родины многому научился и многое понялъ Русскій изгнанникъ.

Уроки революціи не прошли даромъ. Купленный страшной цѣной опытъ спасетъ и предохранитъ Русскаго человѣка отъ роковыхъ ошибокъ въ будущемъ.

Тамъ, въ подъяремной Россіи, стихійно растетъ и ширится національное самосознаніе, яркимъ пламенемъ разгорается религіозное чувство.

Но нѣтъ туда доступа религіозной и національной мысли, некому предостеречь Русскихъ людей отъ тѣхъ безконечныхъ ухищреній и обмановъ, къ которымъ прибѣгаетъ неутомимый и лукавый врагъ, стремящійся отравить душу и разумъ не только открыто, но и по-таенно.

И нашъ долгъ, долгъ Русскихъ людей, имѣющихъ возможность свободно мыслить и говорить, учиться и учить другихъ, сказать все то, что мы знаемъ про эти ухищренія и соблазны.

Рано ли, поздно ли, но воскреснетъ Великая Россія, вернутся на лоно матери-Родины бывшіе въ изгнаніи вѣрные сыны ея.

И вотъ тогда-то придется держать отвѣтъ,—что мы сдѣлали въ изгнаніи, что принесли мы съ собой, чѣмъ послужили ей?

Великія событія творятся во всемъ мірѣ. Врагъ выявленъ и опознанъ, планы его открыты. Но Русскій народъ, придавленный неизбывнымъ кошмаромъ сатанинской власти, лишь инстинктивно чувствуетъ этого врага, не знаетъ про него всей ужасающей правды.

И эту правду должны ему рассказать мы, должны

предостеречь и научить его, указать ему, что врагъ многоликъ и коваренъ, и что онъ опасенъ не только тамъ, гдѣ идетъ открыто и на проломъ, но еще болѣе опасенъ тамъ, гдѣ идетъ потаенными тропами.

Здѣсь, въ эмиграціи, должны мы, Русскіе, собирать и копить всѣ тѣ знанія, которыя помогутъ родному народу нашему скорѣе и легче выйти на прямую и свѣтлую дорогу.

Наша твердыня—наша Православная вѣра. И эту твердыню должны мы пуще жизни хранить во всей ея блистающей чистотѣ.

Предлагаемая книга преслѣдуетъ именно эту цѣль.

Авторъ ея—Православный русскій священникъ, отдавшій на служеніе Церкви тридцать лѣтъ своей жизни.

Во всеоружіи знанія вопроса и глубокой, непоколебимой вѣры выступаетъ онъ на борьбу съ развѣдающей душу теософской доктриной, блестяще доказываетъ всю ея несостоятельность и вскрываетъ подлинныя цѣли и намѣренія теософовъ.

Сокрушая теософскія лжемудрствованія, авторъ одновременно утверждаетъ читателя въ правильномъ и истинномъ пониманіи вѣчныхъ основъ Православной вѣры, подкрѣпляя свою аргументацію ссылками на Священное Писаніе, на творенія Святыхъ Отцевъ и учителей Церкви, и тѣмъ создаетъ точное и ясное понятіе о положительныхъ идеалахъ Православной Вѣры и Церкви.

Тяжкіе годы изгнанія не сломили твердую волю автора предлагаемой книги. Прямо и смѣло, почти безъ всякой поддержки, а порой и при наличіи прямого противодѣйствія, служилъ и служить онъ дѣлу Православія, поучаетъ неразумѣющихъ, наставляетъ заблудшихъ, приращаетъ отступниковъ.

Кто хоть немного задумывался надъ вопросомъ о томъ, какія силы обрушились на Православную вѣру и Русскій народъ, и каковы были методы и пріемы борьбы этихъ силъ, тотъ знаетъ, въ какихъ невѣроятнo трудныхъ условіяхъ приходилось вести борьбу съ ними и какія препятствія на своемъ пути встрѣчалъ каждый, кто имъ сопротивлялся.

Но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

Близится часъ разсвѣта, надъ измученной Россіей встаетъ заря свѣтлой, религіозной инаціональной жизни.

И коли не одолѣлъ ее врагъ тогда, когда напалъ на нее врасплохъ, уведя предварительно съ ея исконныхъ, Самимъ Господомъ предначертанныхъ ей, историческихъ путей, то ужъ теперь-то не одолѣтъ ему Русскихъ людей, тяжелой мукой и океанами крови заплатившихъ за всѣ свои ошибки и прегрѣшенія, понявшихъ и осознавшихъ, въ чемъ ихъ сила и кто ихъ врагъ.

Крѣпкая, несокрушимая вѣрой и духомъ воскреснетъ Святая Русь, а предлагаемый трудъ будетъ однимъ изъ камней того фундамента, на которомъ будетъ воздвигнуто прекрасное зданіе Великой Россіи.

В. А. Морозов.

Введеніе.

„Проповѣдуй сіе и учи“ (1 Тим. 4, 1-11).

„Горе міру отъ соблазновъ: ибо надобно придти соблазнамъ; но горе тому человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ“ (Матѳ. 18, 7).

„Горе тѣмъ, которые идутъ въ Египетъ за помощью... а на Святаго Израилева не взирають и къ Господу не прибѣгають“ (Исаія 31, 1).

„Горе вамъ, вожди слѣпыя“... (Мѳ. 23, 16).

„О, исполненный всякаго коварства и всякаго злодѣйства, сынъ діавола, врагъ всякой правды, перестанешь ли ты совращать съ прямыхъ путей Господнихъ“ (Дѣян. Ап. 13, 6-10).

Только что успѣли сдать въ „архивъ русской безкровной революціи“ сослужившій службу російскому бунту соціалистическій лозунгъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“, какъ на смѣну ему выдвигается подобный же лозунгъ, но обращенный уже не къ подонкамъ общества, а... къ религіямъ міра и звучащій приблизительно такъ: „Религіи всѣхъ странъ, соединяйтесь“...

Намъ памятно, когда заманивали русскихъ крестьянъ и рабочихъ на бунтъ противъ царя земного, то нерѣдко ссылались на слова Царя небеснаго—на Св. Библию, хотя и не вѣровали въ Ея Божественное происхождение.

Приводя тексты изъ св. Библии, агитаторы внушали народнымъ массамъ, что будто бы въ первой іерусалимской христіанской общинѣ—церкви царили коммунистическія начала (Дѣян. 2, 44-45;—IV гл., 32 ст.), (не потому ли начало исторіи анабаптическаго движенія въ Германіи—ярко коммунистическое?)

„Прогрессивная“ часть русскаго общества и лѣвая печать, стоявшія на сторонѣ т. н. „освободительнаго“

движенія, заглушали голосъ пастырей и вѣрныхъ сыновъ Россіи, предупреждавшихъ въ порядкѣ охраны ослабѣвшій подѣ идейнымъ натискомъ враговъ народъ отъ грозящей ему, со стороны сектантской и политической пропаганды, смертной опасности.

Раздавались, подчасъ, пророческія рѣчи, вызывавшія одни глумленія со стороны соблазнительей.

Такъ, приснопамятный, покойный нынѣ митрополитъ Владиміръ въ 1906 г. въ Москвѣ на пастырскомъ собраніи сказалъ по поводу этихъ лже-ученій: „Я никогда не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы можно было защищать ту или другую экономическую систему во имя христіанства. Всякому искушенію и попыткѣ поставить христіанство и слово Божіе (Библію) въ служеніе извѣстной соціальной теоріи, можно противопоставить ясное слово Спасителя, коимъ Онъ рѣзко отклонилъ отъ Себя подобное вмѣшательство въ житейскія дѣла: „другъ, кто поставилъ Меня судьей или раздѣльщикомъ надъ вами“, сказалъ Онъ, когда нѣкто просилъ Его приказать его брату, чтобы выдалъ ему принадлежащую ему часть имѣнія“ (Лук. 12, 14). „Но въ этомъ движеніи—и это самое опасное въ соціаль-баптизмѣ, демократизмѣ и коммунизмѣ—дѣло идетъ не объ экономическихъ только вопросахъ, но о совершенно опредѣленномъ религіозно-нравственномъ, или, точнѣе, безнравственномъ и безрелигіозномъ міровоззрѣніи. Соціалистическое движеніе — насквозь движеніе религіозное, хотя далеко не христіанскаго и даже противохристіанскаго характера. Въ немъ мы видимъ открытый походъ не только противъ православія, не только противъ христіанства, но и противъ всякой религіи вообще. А этотъ фактъ налагаетъ на служителей церкви самую священную и непремѣнную обязанность занять въ ней свое мѣсто, чтобы предотвратить тотъ нравственный ядъ, которымъ оно (движеніе) хочетъ окончательно погубить во всемъ мірѣ православный народъ. Никто изъ насъ не въ правѣ спокойно смотрѣть, какъ врагъ съѣтъ плевелы въ сердцахъ тѣхъ, кои ввѣрены нашему пастырскому попеченію“. (Матѣ. 13, 25-29).

Еще ранѣе митрополита Владиміра блаженнѣйшій Антоній (Храповицкій) сказалъ поистинѣ пророческую

рѣчь въ 1905 г. въ Петербургскомъ Исаакіевскомъ соборѣ. Въ этой исторической рѣчи, юный еще тогда, іерархъ Русской православно-христіанской церкви предугадалъ Россію и весь міръ: „начнутъ съ упраздненія Закона Божьяго въ школахъ, а кончатъ убійствомъ благочестивѣйшаго монарха Всероссійскаго. А съ потерей послѣдняго, не только въ Россіи, но во всемъ мірѣ не станетъ мира“.

Такъ, или приблизительно такъ, говорилъ Антоній, духовный Вождь всего православнаго зарубежья.

Пророчествовалъ и отецъ Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій), въ духѣ и силѣ пророка Божія обличавшій анархическое толстовство съ его пресловутымъ „непротивленчествомъ“, анахроническій расколъ съ безчисленными толками, соціалистически настроенное сектантство всѣхъ наименованій, какъ религіозное, такъ и политическое, постыдный папизмъ съ его политическими домогательствами и завуалированное разными „библейскими“, „евангелическими“, „филантропическими“ и „просвѣтельными“ тайными, по замысламъ своимъ, обществами богоборное іудо-масонство.

Родной намъ по плоти и духу Ѳ. М. Достоевскій въ свое время, точно также, пророчески говорилъ: „евреи сгубятъ Россію и станутъ во главѣ анархіи“. „Верхушка еврейства воцаряется надъ человѣчествомъ все сильнѣе и тверже и стремится дать міру свой обликъ и свою суть“.

Въ чемъ же суть современнаго еврейства?

Въ его искаженной мессіанской идеѣ и вытекающемъ отсюда бунтѣ противъ Истиннаго Мессіи, Господа нашего Іисуса Христа и созданной Имъ Церкви.

Извѣстный масонъ Луи Бланъ пишетъ въ „Исторіи революціи“ (французской 1789 г.) т. III, гл. 3: „Слѣдуетъ ввести читателя въ ту яму, которую рыла подъ алтарями (церкви) и престолами (государства) группа революціонеровъ, гораздо болѣе глубокихъ и дѣятельныхъ, чѣмъ энциклопедисты. Представьте себѣ сообщество разныхъ странъ, разныхъ вѣроисповѣданій, разныхъ сословій; они связаны между собой символическими (значками), совмѣстными ритуалами, обязаны подъ присягою нерушимо хранить тайну внутренней ихъ организаціи; они подвер-

гаются (при вступленіи) испытаніямъ, занимаются (по известной, нами далѣе указанной программѣ) въ таинственныхъ собраніяхъ мистическими церемоніями, а въ то же время и благотворительностью, и держатъ себя равными другъ другу, хотя и раздѣлены на три разряда: учениковъ, товарищей и мастеровъ. Это и есть масонство, — то таинственное учрежденіе, которое нѣкоторые связываютъ съ древними египетскими мистеріями, а другіе относятъ къ братствустроителей, образованному въ III вѣкѣ“.

Справедливость требуетъ сказать, что въ масоны поступаютъ не только бунтари и ересіархи, идетъ туда, по невѣдѣнію, и благомыслящая часть населенія, относящаяся враждебно ко всякому плану общественнаго переворота; „тогда, говоритъ историкъ Луи Бланъ, были основаны тайныя ложи (аррьеръ-ложи), предназначенныя только для избранныхъ „пылкихъ“ душъ; были также установлены высшія степени, въ которыя адептъ попадалъ послѣ долгихъ испытаній, рассчитанныхъ такимъ образомъ, чтобы можно было убѣдиться въ прочности его революціоннаго воспитанія, провѣрить постоянство его революціонныхъ убѣжденій и открыть тайники его сердца“.

...„И все таки, благодаря ловкому веденію дѣла, масонство нашло среди государей и вельможъ больше покровителей, чѣмъ противниковъ. Монархи, даже самъ великій Фридрихъ, не гнушались брать въ руки лопату и надѣвать передникъ. Существованіе высшихъ степеней было тщательно отъ нихъ (отъ монарховъ) скрывается, и они знали о масонствѣ лишь то, что можно было имъ безъ опасности сообщить. Имъ ничто не могло внушить опасеній, пока они находились въ низшихъ степеняхъ, куда суть масонскихъ вожделѣній проникала смутно и была затемнена аллегоріями; большинство видѣло здѣсь лишь развлеченіе магіей да веселые банкеты, тѣшилось непримѣнимыми къ жизни формулами и игрою въ равенство. Но игра обратилась въ глубоко-жизненную драму. Случилось такъ, что самые гордые и все презирающіе люди покрыли своимъ именемъ тайныя замыслы, направленные противъ нихъ же самихъ, и вліяніемъ своимъ слѣпо служили тѣмъ, кто желалъ ихъ гибели“.

„Среди масоновъ „королевской крови“ былъ герцогъ Шартрскій, будущій другъ Дантона, Филиппъ Эгалите, столь извѣстный въ расцвѣтѣ революціи. А когда онъ сталъ подозрителенъ, то его убили. А масонство соблазнило его посулкой ему власти, обѣщавъ вести его по скрытымъ дорогамъ въ народные вожди... Онъ, повѣривъ соблазнителямъ, принялъ званіе великаго мастера, какъ только ему это предложили, а затѣмъ въ слѣдующемъ (1772) году масонство во Франціи сплотилось подѣ главенствомъ одного центрального управленія, которое поспѣшило уничтожить несмѣняемость мастеровъ стула, устроило ложи на началахъ чисто демократическихъ и приняло названіе „великаго востока“. Явился центральный пунктъ общенія всѣхъ ложъ, гдѣ собирались и засѣдали делегаты городовъ, охваченныхъ тайнымъ движеніемъ; отсюда шли инструкціи, особый шифръ или таинственные условные знаки, въ смыслъ которыхъ не давали проникнуть непосвященнымъ. Съ этого момента масонство стало вербовать (набирать) тѣхъ дѣятелей, которыхъ находимъ въ рядахъ революціоннаго движенія“ (А. Селяниновъ. „Тайная сила масонства“ стр. 75. выд. изъ „Войны темныхъ силъ“ Н. Е. Марк. стр. 74).

„Для любителей игры въ масонство, особенно изъ числа царственныхъ фамилій, очень поучительна судьба принца-масона, прозваннаго: Филиппъ-Равенство.“

„Въ декабрѣ 1782 г. герцогъ Орлеанскій сложилъ съ себя званіе великаго мастера. Отставка его была принята 13 мая 1793 г. герцогъ изложилъ письменно причины своего ухода: „я поступилъ въ масонство, которое явилось для меня залогомъ равенства въ такое время, когда еще никто не могъ предвидѣть нашей революціи; точно также поступилъ я въ парламентъ, который я считалъ олицетвореніемъ свободы. Но съ тѣхъ поръ пришлось мнѣ оставить эти мечты и обратиться къ дѣйствительности... Не зная, изъ кого состоитъ „великій востокъ“ (вотъ, какая таинственная работа масонства— даже „великій мастеръ“, т. е. первое, главное лицо не знаетъ, кто подѣ его предсѣдательствомъ и около него работаетъ) я считаю, что республика, особенно при самомъ своемъ возникновеніи, не должна терпѣть ничего

скрытаго, никакихъ тайныхъ обществъ. Я не хочу имѣть боѣе ничего общаго ни съ неизвѣстнымъ мнѣ „великимъ востокомъ“, ни съ собраніями масоновъ“ (Нисъ: „Друа Интернаціональ“ стр. 85—по Марк. 74 ст.)

„Въ этомъ заявленіи предавшаго монархію принца вскрывается вся изнанка франъ-масонства:— даже великій мастеръ „великаго востока“, болѣе 20 лѣтъ пробывшій въ этомъ званіи, не зналъ, изъ кого собственно состоитъ предсѣдательствуемое имъ тайное общество. Герцогъ Орлеанскій прозрѣлъ слишкомъ поздно. Онъ нашелъ въ себѣ однако мужество честно указать мотивы своего ухода изъ состава масоновъ.

Вскорѣ тайная власть его обвинила и ему отрубили голову.

Глубже проникалъ въ сущность масонства зачинщикъ революціи Мирабо. Причиной его большей осѣдомленности была его близость къ хозяевамъ всѣхъ революцій въ мірѣ— евреямъ.

„Мирабо сблизился съ иллюминатами въ Берлинѣ въ еврейскомъ салонѣ Мендельсона и далъ рѣшительный обѣтъ стать по своему возвращеніи во Францію ходатаемъ эмансипаціи евреевъ; дѣйствительно, онъ открылъ свою революціонную дѣятельность книгою: „Политическая реформа евреевъ“ (Грецъ. „Истор. Евр.“ т. V стр. 162, по Марк. 74 стр.). По авторитетному мнѣнію историка Карлейля („Опыты“—„о Мирабо“) весьма важнымъ обстоятельствомъ въ жизни Мирабо былъ фактъ, что онъ съ раннихъ лѣтъ сильно задолжалъ евреямъ“.

Среди „великихъ“ революціонеровъ такимъ „влюбленнымъ“ въ евреевъ былъ далеко не одинъ Мирабо, и потому революція прежде всего говорила о „равноправіи“ евреевъ и не касалась ни одного еврейскаго владѣнія и ни мало не задѣла интересовъ іудейской вѣры. Когда же были пущены въ продажу „конфискованные“ замки дворянъ, то еврейство скупило задешево множество владѣній. Злоба и ненависть злодѣевъ революціи была направлена тайной силой исключительно противъ христіанства и христіанскаго духовенства, которое во множествѣ было истреблено вмѣстѣ съ аристократами изъ христіанъ“.

„Система массоваго убійства лучшихъ людей Франціи вырабатывалась группой филантропической, т. е. „человѣколюбивой“. По истинѣ это было сатанинское издѣвательство надъ человѣколюбіемъ. Замѣчательно и то, что занятія по выработкѣ террора происходили въ ма-сонской ложѣ „соединенныхъ друзей“ у герцога де-Ла-рошфуко и въ домѣ герцога Авмонскаго; знатнѣйшіе аристократы не только предоставляли свои дома для выработки лучшаго способа ограбленія и истребленія аристократовъ, но и сами лично участвовали въ этихъ обсужденіяхъ“ (Бертранъ де Молевиль: „Исторія французской рев.“ IV, стр. 181, по Марк. 75).

По плану французской прошла и русская революція. Какъ кричавшіе предъ преторіей Пилата вожди еврейскаго народа: „распи, распи Его“ — не отражали воли своего народа, такъ и вожди (тѣ-же по крови, Іоан. 19, 6-15; Лук. 23, 21, 23; Марк. 15, 11, 13; Матѳ. 27, 20, 22) французской и русской революцій не отражали воли народа.

„Стоить ли намъ („вождямъ“) бояться, говорилъ „товарищамъ“ Мирабо, несочувствующей большей части населенія, которое не знаетъ истинныхъ нашихъ намѣреній и не расположено придти къ намъ на помощь. Сидя у своего очага, въ своихъ кабинетахъ, конторахъ, промышленныхъ заведеніяхъ, большинство обывателей, домохозяевъ, можетъ быть, найдутъ наши планы слишкомъ смѣлыми, ибо они могутъ потревожить ихъ покой и ихъ интересъ. Но если они даже и будутъ порицать насъ, то сдѣлаютъ это робко, безъ шума“.

Къ тому же, развѣ нація можетъ знать сама, чего она желаетъ? (На Уралѣ въ 1917 г. въ разгаръ „безкровной“ прибылъ въ село пьяный комиссаръ и приказалъ: „выбѣлить трубы“. Проснувшись рано, онъ съ удивленіемъ спрашивалъ: „почему у васъ всѣ трубы бѣлые“. Приказано—сдѣлано...) Ее заставляютъ желать, заставляютъ говорить то, о чемъ она никогда даже и не помышляла. Нація—это большое стадо, которое стремится только пастись; пастухи съ помощью вѣрныхъ собакъ ведутъ ее, куда хотятъ“ (А. Селяниновъ. „Тайн. сила мас.“ стр. 63 по Марк. 76).

Мирабо, какъ и всѣ неевреи-революціонеры, считалъ себя „пастухомъ“, но, какъ и всѣ прочіе показные главари революціи, онъ страшно заблуждался: и онъ, и всѣ остальные (наши Керенскіе, Львовы, Ульяновы-Ленины, Сталины и ко.) служили лишь собачью службу, — съ помощью окровавленныхъ невинной кровью вѣрныхъ псовъ революціи настоящіе „пастухи“—*евреи* сгоняли стадо обреченнаго народа съ его историческаго пастбища и загоняли въ стойла (колхозы) рабочаго скота всемірнаго царя—Израиля. (А нынѣ посредствомъ „теософіи“ сгоняютъ въ „храмъ Соломоновъ“...).

Когда Мирабо понялъ (а наши, кажется, еще не могутъ понять), что онъ не „пастухъ“, а только презрѣнная собака—да еще на цѣпи, и попытался остановить кровавый бѣгъ начатой подъ его руководствомъ революціи, это оказалось уже невозможнымъ. И какъ только настоящіе „пастухи“ замѣтили невѣрность этой ихъ „собаки“, они ее немедленно обезвредили и погубили.

Трудно повѣрить, будто король Луи XVI и королева Марія Антуанетта вначалѣ сами состояли въ масонскихъ ложахъ.

Еще 27 февраля 1781 г. она писала сестрѣ Маріи-Христинѣ: „Мнѣ кажется, вы слишкомъ много придаете значенія масонству во Франціи; оно далеко не играетъ у насъ той роли, какъ въ другихъ странахъ, благодаря тому, что здѣсь всѣ къ нему принадлежать, и такимъ образомъ намъ все извѣстно, что тамъ происходитъ; вѣдь это общество существуетъ только для *благодѣтельности* и для *развлеченія*; также нельзя назвать масонство обществомъ убѣжденныхъ безбожниковъ, ибо я слышала, что *тамъ постоянно говорятъ о Богѣ*; кромѣ того тамъ *раздаютъ много милостыни*, воспитываютъ дѣтей бѣдныхъ или умершихъ членовъ братства“.

(Таково же мнѣніе о масонахъ и у части нашей интеллигенціи).

Не прошло и десяти лѣтъ, какъ королева Марія Антуанетта была вынуждена писать своему брату австрійскому императору Леопольду II (17 августа 1790 г.) слѣдующее: „Прощайте, дорогой братъ, вѣрьте нѣжности вашей несчастной сестры. Главное, остерегайтесь всяка-

го масонскаго сообщества; этимъ путемъ всѣ здѣшнія чудовища стремятся во всѣхъ странахъ къ достиженію одной и той же цѣли"... (Арнетъ: „Марія Ант., Іосифъ II и Леопольдъ II. Ихъ переписка“, стр. 135 по Марк. 79).

Увы, чудовища іудо-масонства всегда вылъзаютъ изъ за поддѣльныхъ декорацій „благотворенія и развлеченія“ на кровавую сцену революцій и цареубійствъ не ранѣе, какъ увѣрившись въ томъ, что одураченные ихъ показными фокусами (согласно модѣ) зрители уже не могутъ спастись отъ хищныхъ лапъ и прожорливой пасти темной силы.

Не такъ ли, дорогіе соотечественники?!

Почему французская революція названа „великой“? Потому, что она необычайно укрѣпила силу іудейскаго интернаціонала. Отсюда еврейство быстрыми шагами пошло по пути захвата міровыхъ богатствъ, силы и подчиненія своему деспотическому вліянію ослабѣвшихъ морально отъ римскаго соблазна и неистоваго лютеранства западнаго христіанскаго міра.

„Почти во всѣхъ странахъ Европы, писалъ Фихте, распространено могущественное, враждебно настроенное государство, ведущее постоянную войну со всѣми остальными и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ особенно тяжело гнетущее гражданъ—это еврейство“... (Грецъ. Исторія Евреевъ т. V стр. 207 по Марк. 80).

Но темная сила — страшная сила. Она не только умѣетъ творить злыя дѣла, но умѣетъ представлять ихъ въ видѣ дѣлъ добрыхъ. Она достигаетъ того, что заставляетъ человѣческую толпу закрывать глаза на дѣйствительно бывшее и вѣрить—по слову темныхъ обманщиковъ — въ то, чего никогда не будетъ,—(хотя бы этого сліянія-синтеза религій).

Темная сила чрезъ масоновъ—ученыхъ историковъ—извратила и поддѣлала всю исторію революцій, замолчала всѣ честныя разоблаченія современниковъ и навязала учащимся поколѣніямъ христіанской и иной молодежи ложныя, ведущія къ дальнѣйшему ослѣпленію и послѣдующимъ безумствамъ, историческія представленія и политико-философскія убѣжденія, вродѣ „теософическихъ“...

Въ дѣлѣ лжи и обмана у темной еврейской силы, отмѣченной евреемъ Савломъ—Ап. Павломъ (2 Фесс. 2 и 7 ст.) нѣтъ соперниковъ. Даже о.о. іезуиты не могутъ съ ней сравниться, хотя и стремятся вырвать изъ ея рукъ ключи къ царству антихриста...

Объ этой силѣ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ, обращаясь къ евреямъ: „вашъ отецъ діаволъ, и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Онъ былъ челоуѣко-убійца отъ начала и не устоялъ въ истинѣ, ибо нѣтъ въ немъ истины. Когда говоритъ онъ ложь, говоритъ свое, ибо онъ лжецъ и отецъ лжи“. (Іоан. 8, 44 ст.).

Всѣ смуты ереси, расколы и революціи, начиная съ первыхъ вѣковъ и до нашихъ дней такъ или иначе проходятъ чрезъ масонство—это наслѣдіе секты фарисеевъ и саддукеевъ, заклятыхъ враговъ Христа, вторгшихся въ безобидныя корпораціи средневѣковыхъ „каменьщиковъ“ и направившихъ „союзъ“ этотъ на борьбу с алтарями и тронами.

Многіе историки знали эту тайну беззаконія, но молчали.

Такъ, *„Тѣмъ прекрасно зналъ относительно значительной роли масонства въ французской революціи: онъ не скрывалъ, что молчаніе по этому поводу составляетъ огромный пробѣлъ въ его трудѣ; но онъ прибавилъ, что ему не хватило смѣлости, и что онъ опасался мщенія со стороны масонства“.*

Но если не хватило смѣлости у Тэна, то Генри Фордъ мужественно заявилъ въ своей нашумѣвшей книгѣ „Международное еврейство“ стр. 144: „Первый натискъ еврейства направленъ противъ коллективныхъ мнѣній, т.е. противъ группы идей, которыя, въ силу присущаго имъ внутренняго совпаденія, сплачиваютъ большіе союзы людей въ политическое, расовое, религіозное и соціальное единство.

Иногда эти идеи обозначались словомъ „принципы“, иногда словомъ „идеалы“. Но какъ бы ихъ ни называли, несомнѣнно одно: они являются невидимою связью единства, общею вѣрою и связующей силой союзовъ, основанныхъ на единеніи и вѣрности. Извѣстные „Сіон-

скіе протоколы“ высказываютъ мысль, что противъ этихъ духовныхъ силъ долженъ быть направленъ первый ударъ. Соотвѣтственно съ этимъ еврейская пропаганда во всемъ мірѣ направлена къ тому, чтобы поколебать этого рода коллективные устои. Въдѣ „колебать“ въ общепринятомъ смыслѣ вовсе не значить дѣлать дурное или безчестное...

Большое вліяніе всякой ереси, всякаго протеста противъ отжившаго основывается на томъ, что новыя мысли влекутъ къ себѣ также и людей честныхъ и склонныхъ къ добру. Объясненіе, почему явленіе, по природѣ своей ложное, нашло для себя такую твердую почву в современной жизни, заключается въ томъ, что всѣ мнимыя истины убѣждаютъ, воодушевляють и съ виду представляются доброкачественными и справедливыми. Только послѣ долгой работы во имя ложныхъ идеаловъ, которые выражаются, однако, въ убѣдительной, воодушевляющей и съ виду моральной формѣ, становятся ясными дурные плоды этой работы, которые проявляются въ неразумныхъ, разлагающихъ и въ корнѣ дурныхъ поступкахъ и создаютъ около себя такую же обстановку. Всякій, кто возьметъ на себя трудъ прослѣдить идею свободы въ ея постепенномъ развитіи въ русской жизни, начиная съ философски*) обоснованнаго исходнаго пункта ея до конечнаго этапа, выразившагося въ современной дѣйствительности, можетъ составить себѣ ясное мнѣніе о ходѣ такого процесса“.

Въ виду двойственности въ своихъ дѣйствіяхъ представители масонства не были щедры никогда въ своихъ печатныхъ изданіяхъ. Да и выпущенное ими для „широкой“ публики подлежитъ большому сомнѣнію, ибо ложь—это основной стимулъ дѣйствій этой таинственной организаціи. Единственный способъ распознаванія этихъ „лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные“, (Іер. 23, 16; Мѣ. 24, 4; 1 Ін. 4, 1) указанъ Самимъ Іисусомъ Христомъ—это: „по плодамъ ихъ узнаете ихъ“. (Мѣ. 7. 15-16). Плоды ихъ: соблазнъ и погибель...

А потому, обращаясь къ исторіи россійской, видя

*) Припомнимъ С-П-ское „Религіозно-философское О-во“.

эти историческіе революціонные пожары политической и соціальной войны, классовую борьбу и ненависть, эти полунаучныя книги, брошюры и прокламаціи—листки, рисующія туманныя возможности устройства насильственнымъ методомъ счастливой жизни на землѣ, мы узнаемъ и авторовъ ихъ.

Исторія французской и російской революцій поучительна...

На примѣрѣ Франціи и Россіи можно видѣть осуществленіе еврейско-масонскаго плана. Кто теперь не видитъ, что двѣ нѣкогда глубоко религіозныя, монархическія и богатые національной культурой страны лежатъ у ногъ Израиля, навязывающаго всему міру черезъ „трудъ и капиталъ“ и прочую полунаучную литературу, свои „прогрессивныя“ идеи...

Проповѣдуй сіе и учи.

Авторь.

ГЛАВА I.

Pro domo sua.

Русскому просвѣщенному человѣку претитъ всякаго рода насиліе, даже моральнаго порядка, потому, что онъ отъ рожденія—въ купели крещенія, окруженъ былъ атмосферой свободы, какъ носитель и исповѣдникъ истины православія (Іоан. 8, 31-32; Псал. 32, ст. 1).

Если намъ не повѣрятъ и будутъ ссылаться на „безкровную революцію“, то мы скажемъ нашимъ противникамъ, что при обслѣдованіи того, или иного явленія изъ жизни народа берется не единственно этотъ моментъ его бытія, а вся его исторія и, при томъ, въ образцахъ совершеннѣйшихъ, въ примѣрахъ цѣлостно-полныхъ, въ представителяхъ достойнѣйшихъ и при условіяхъ жизни болѣе свободнаго вынаруженія силъ и способностей, чѣмъ при семъ большевитско-интернаціональномъ игѣ, съ молчаливаго согласія всего цивилизованнаго міра, терзающемъ тѣло и душу Россіи православной уже около двухъ десятковъ лѣтъ...

Русскимъ претитъ всякое насиліе, чѣмъ и объясняется наличие за рубежомъ русской эмиграціи, не пожелавшей участвовать въ кровавомъ пиру отбросовъ міра и обречшей себя на изгнаніе и скитанія...

И если въ послѣдніе дни русскіе эмигранты все чаще и чаще упоминають въ числѣ своихъ враговъ „масоновъ различныхъ ритуаловъ“, то это не значитъ, что происходитъ, какъ принято было въ подобныхъ случаяхъ въ лѣвой прессѣ кричать, — „натравливаніе одной части населенія на другую“, — ибо тутъ уже не „часть населенія“, а цѣлый „избранный“, но не Богомъ, а Его врагомъ — сатаной, „народъ“ (Іоан. 8, 44) возсталъ на народы міра.

Очевидно, приблизилось время исполненія пророчества Христа: „возстанетъ народъ на народъ“ (Матѣ 24, 7).

Подъ „народомъ“ разумѣется здѣсь не національное и кровно-объединенное собраніе людей на извѣстной территоріи, ибо такіе народы были всегда; но теперь встаетъ новый „народъ“ на народъ въ одномъ и томъ же государствѣ, какъ, напр., въ Испаніи, возсталъ идейный соціаль-интернаціональный „народъ“ на испанскій народъ.

Такое вкрапленіе сего „народа“ существуетъ уже во всѣхъ народахъ. Очевидно мы, современники Россійской всенародной кровавой драмы, будемъ, по волѣ судьбы, и свидѣтелями міровой драмы, открывающей нынѣ свое первое апокалипсическое дѣйствіе въ пылкой Испаніи.

Мы, русскіе, не сторонники насилія, и эта наша характерная черта національная не только мѣшаетъ намъ въ настоящее время оружіемъ сбросить со своего народного хребта международнаго паразита, „избранный народъ“, но даже и вооружаетъ дѣйствительно одну часть слѣпотствующаго населенія на „прозрѣвшихъ“, увидѣвшихъ всеобщаго врага и поднимающихъ тревогу.

Мы сами слышали, какъ въ адресъ доблестныхъ нашихъ соотечественниковъ, рискнувшихъ честно назвать по имени убійцъ Россіи и ея царя, сыпались изъ „праваго“ даже лагеря не одобрительные отзывы: „у И... ва всѣ масоны, всѣ враги отечества“... и т. п.

Внѣ сомнѣнія, что будутъ „сыпать камушки“ и въ нашъ „огородъ“; мы это знаемъ, ибо уже не разъ получали довольно неблагозвучные опредѣленія — на страницахъ одной „правой“ газеты. — Богъ имъ Судія. Но мы, слава Богу, вышли изъ того юнаго возраста, въ коемъ

русскіе студенты, бывало, опасались произнести вслухъ слово: «іудо-масонъ», чтобы не получить отъ агентовъ лѣваго лагеря „обидное“ наименование: „черносотенецъ“, „мракобѣсъ“ и пр. клички, посредствомъ устрашенія коими, стыдно вспомнить, загоняли юнцовъ, а иногда и пожилыхъ въ лѣвое стадо „козлищъ“ (Мѡ. 25, 33).

Если бы мы не ознакомились съ „сіонскими протоколами“ въ 1911 г., то послѣ заключенія, кажется, въ Женевѣ, „авторитетовъ“ объ ихъ „миѡичности“, подумали бы, что дѣйствительно протоколы „списаны“ уже съ Русской революціи 1917 г., а не эта лицемѣрная революція произведена по протокольной программѣ „сіонскихъ мудрецовъ“... Быть можетъ, болѣе другихъ, мы, русскіе, православные, смущаемся тѣмъ обстоятельствомъ, что потомки патріарха Авраама, „отца вѣрующихъ“, занимаются такими дѣлами, какъ міровой мятежъ.

Послѣ же ознакомленія съ исторіей масонства даже въ редакціи г. Финделя намъ становится понятна эта перемѣна въ сынахъ Израиля, послѣ плѣна Вавилонскаго радикально измѣнившагося въ лицѣ своихъ „вождей“ — книжниковъ и фарисеевъ, о коихъ и Библія начинаетъ говорить только послѣ этого плѣненія (Флавіанъ Бренье).

ГЛАВА II.

Новоіудейство и Каббала.

Слѣдовательно, нынѣ человѣчество имѣетъ дѣло съ новоіудействомъ, не Библію имѣющимъ въ своихъ религіознонравственныхъ основахъ, а талмудъ и каббалу.

Талмудъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ Мишны, т. е. толкованія на Библію и Гемары — толкованія (на толкованіе) Мишны.

Знакомство іудеевъ еще съ плѣна вавилонскаго съ языческой философіей привело ихъ къ первой теософіи — синтезу своего ученія съ послѣдней.

Находясь въ плѣну, іудеи почувствовали опасность распыленія среди поработителей и полного своего истребленія, какъ націи. Въ такомъ положеніи они ухватились, „какъ утопающій за соломинку“, за свой законъ, который прежде постоянно нарушали и въ исполненіи кото-

раго теперь, на краю политической, національной гибели, увидѣли единственное средство спасенія.

Но, при ближайшемъ знакомствѣ съ закономъ они, очевидно, не удовлетворились его Богодухновенными (2 Петр. 1, 21) положеніями, требовавшими отъ исполнителей не только дѣлъ — жертвоприношеній и пр., но и возвышеннѣйшей вѣры въ Грядущаго Избавителя. Духовный обликъ Царя пророчествъ, очевидно, мало говорилъ ущемленной національной гордости іудейской интеллигенціи, и она рѣшила, что нужно „иначе понимать и исполнять“ законъ, чѣмъ какъ было до плѣна, и что только подъ этимъ условіемъ іудейство займетъ надлежащее ему, господствующее международное положеніе. Слѣдствіемъ сего явились новыя толкованія закона, кодексы правилъ и наставленій старцевъ (Матѳ. 15, 2), искусственно извлеченныхъ изъ закона и приспособленныхъ ко всѣмъ случаямъ жизни еврея.

Пунктуальностью ритуала еврей думалъ, т. с., обязать Бога къ милости, вынудить у Него помилованіе и возстановленіе себя въ правахъ, обѣтованныхъ патріархамъ и перетолкованныхъ книжниками и фарисеями, подъ вліяніемъ вавилонской религіи и философіи.

Сбылось на евреяхъ крылатое слова философа Аристотеля: „человѣкъ творить внѣшній видъ и жизненныя отношенія своихъ боговъ по своему собственному подобию“ („Политика“ 1, 7).

„Обращаясь къ вѣроученію талмуда, мы находимъ его обезображеннымъ сравнительно съ ветхозавѣтнымъ откровеніемъ. Ученіе о Богѣ искажено здѣсь самымъ крайнимъ антропоморфизмомъ. Возможныя снисхожденія Бога въ міръ и Его отношенія къ человѣку, имѣвшія особую дѣлу, необходимую для представленія человѣка, талмудъ признавалъ самимъ Божествомъ и сталъ разсматривать божественную жизнь во времени и пространствѣ, и самого Бога представлять въ образѣ человѣка (Шехины—божества видимаго, осязаемаго) громаднѣйшей величины. Талмудъ математически высчиталъ величину плечъ, рукъ, ногъ, шеи, бороды и глазъ Шехины и распредѣлялъ время и родъ его человѣческихъ занятій“.

„Шехина нѣсколько часовъ въ сутки посвящаетъ на

изученіе талмуда, на игру съ левіаѳаномъ; всякое утро кладетъ на себя тефилины (еврейскіе значки, употребляемые при моленіи) и молится о томъ, чтобы гнѣвъ его не пересидиваль его милости; часто плачетъ о разореніи Іерусалима, рычитъ, подобно льву, три раза въ день... для того, чтобы показать, что ночь должна быть дѣлима на три стражи, а не на четыре, какъ думаль равви Іегуда, и т. п.“

„Міры твориль Шехина отъ вѣчности; но они были несовершенны, и онъ разрушалъ ихъ всякій разъ тотчасъ послѣ сотворенія, пока, наконецъ, не сотвориль настоящаго міра... Онъ сотворенъ для того, чтобы приложить къ дѣлу законъ обрѣзанія: безъ этого Шехинѣ незачѣмъ было бы и творить міръ. Шехина сотвориль и человѣка; но собственно только евреи должны считаться происходящими отъ Бога; всѣ же прочіе народы происходятъ отъ семидесяти низшихъ божествъ, живущихъ на семи планетахъ. Души евреевъ сотворены Богомъ прежде созданія міра, который назначался для ихъ обладанія,—сотворены всѣ вмѣстѣ (въ количествѣ 600 тысячъ), посредствомъ особаго процесса въ самомъ божескомъ существѣ, весьма близкаго къ естественному рожденію. Сотворивши души евреевъ, Богъ и промышляетъ собственно только о евреяхъ; всѣ прочіе народы состоятъ подъ управленіемъ тѣхъ семидесяти князей, или боговъ, отъ которыхъ они произошли.

Хотя неевреи взяли теперь верхъ надъ евреями и управляютъ ими, но придетъ мессія и настоящій порядокъ вещей измѣнится. Воцаренію мессіи будетъ предшествовать междоусобная война Гога и Магога, въ которой будутъ истреблены всѣ враги евреевъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, которые будутъ оставлены для того, чтобы служить рабами (СССР.) въ царствѣ „мессіи“¹⁾).

Далѣе, въ Іосафатовой долинѣ наступитъ воскрешеніе всѣхъ вѣрныхъ евреевъ; трупы же евреевъ (съ значкомъ Мохинѣ Довидѣ), умершихъ внѣ Палестины, перекатятся къ Іосафатовой долинѣ, какъ бочки, подземными

1) Не адвентисты-ли 7-го дня?

трубами. Посредствомъ удара палкой по устамъ Ангель смерти будетъ воскрешать каждого изъ евреевъ и спрашивать его имя. Каждый долженъ будетъ сказать имя свое текстомъ Библии, первая и послѣдняя буквы коего соотвѣтствуютъ первой и послѣдней буквѣ имени спрошеннаго. Отсюда необходимо еще при жизни подобрать текстъ и хоть по разу въ день повторять его въ своихъ молитвахъ.

Другіе народы не будутъ воскрешены. Слѣдовательно, не будутъ участвовать съ вѣрными израильтянами въ возстановленномъ Іерусалимѣ и храмъ въ „тысячелѣтнемъ царствѣ“... (Архим. Августинъ, „Руководство къ основному Богосл.“ Вильна 1876 г., стр. 215-216).

Это принятое по преданію старцевъ (Мѣ. 15, 2) ученіе извѣстно подъ именемъ каббалы (дѣйствіе принятія).

ГЛАВА III.

Перевоплощеніе.

По каббалѣ, душа нисходитъ на землю чистою, разумною и, при томъ, на нѣкоторое малое время, для своего воспитанія и укрѣпленія въ добродѣтели. Лишь только чистый и разумный духъ приходитъ въ соприкосновеніе съ чувственнымъ міромъ, „онъ, вспоминая небесное и сверхчувственное, получаетъ ясное сознаніе о самомъ себѣ, жаждетъ возвращенія къ своему божественному источнику. Если извѣстная душа дѣлаетъ здѣсь только злое, то ея загробная жизнь—вѣчное мученіе. Душа же, исполняющая волю Божию, по смерти получаетъ вѣчную жизнь“. Для еврейскихъ душъ добрыхъ, но падающихъ, каббалисты принимаютъ за гробомъ средство: „очищенія—душепереселенія—перевоплощенія“.

„Въ Адамѣ 600.000 еврейскихъ душъ вмѣстѣ съ нимъ согрѣшили. Онѣ должны, для исправленія, вращаться въ различныхъ человѣческихъ тѣлахъ до пришествія мессіи“.

„Весь міръ вѣровалъ, что души преходящи, и человѣкъ не имѣетъ никакого преимущества предъ животнымъ, пока Авраамъ не открылъ всѣмъ, что души живутъ и по смерти и изъ одного тѣла переходятъ въ другое. Душа Авеля перешла въ Сіѳа, а душа Каина — въ

тѣло египтянина, убитого Моисеемъ. У Каина было три души: одна вошла въ Іоѳора, другая—въ Корей, а третья—въ египтянина. Душа Іафета вошла въ Сампсона, душа Сарры—въ Іова, душа Евы—въ Исаака и т. д.“

„Души же другихъ людей, смотря по степени грѣховности и нужды въ очищеніи, переселяются въ животныхъ—львовъ, змѣй, свиней, собакъ, ословъ и т. п. Души евреевъ безбожныхъ, убившихъ еврея или измѣнившихъ іудейской вѣрѣ, по смерти переходятъ въ растенія и животныхъ, потомъ мучатся въ аду въ теченіе 12 мѣсяцевъ, а послѣ переходятъ, для исправленія, сначала въ неодушевленные предметы (минералы), потомъ въ звѣрей, далѣе—въ язычниковъ и, наконецъ, опять—въ евреевъ“.

„Послѣ всѣхъ переселеній, душа съ поцѣлуемъ пріемлется Богомъ и переходитъ въ седьмую палатку жизни—святую святыхъ“. Такимъ образомъ только весь іудейскій народъ сдѣлается участникомъ вѣчной жизни. Всѣ его души соединятся съ Высочайшей Душею, объемлющей и проникающею весь міръ. Тогда все придетъ въ единство (синтезъ) и совершенство, все смѣшается въ одной мысли, обнимающей и наполняющей вселенную. Тварь не будетъ отличаться отъ Творца (пантеизмъ); у нея будетъ та же мысль, та же воля; она будетъ („будете, какъ боги“) повелѣвать вселенною, и Богъ будетъ исполнять ея повелѣнія“ (окультизмъ)...

ГЛАВА IV.

„Каббала—выше Библии“.

„Послѣ работъ Мюнка никѣмъ болѣе не оспаривается, пишетъ Флавіанъ Бренье, что секта фарисеевъ зародилась именно во время вавилонскаго плѣненія, какъ слѣдствіе вліянія, которое халдейская философія оказывала на нѣкоторыхъ еврейскихъ ученыхъ, по большей части левитовъ. Но если выводы Мюнка на этотъ счетъ достаточно доказательны, то онъ, какъ намъ кажется, недооцѣниваетъ важность заимствованій, сдѣланныхъ этими учеными евреями, изъ доктринъ ихъ учителей“.

„Они въ дѣйствительности заимствовали отъ нихъ не только долю суевѣрій, касавшихся сущности вещей.

ихъ перевоплощеній и свойствъ первичныхъ началъ, но также и самую основу пантеистическаго ученія, которую они, правда, передѣляли на еврейскій ладъ и которую постарались согласовать съ гордостью „избраннаго народа“. Изъ этого-то вклада халдейскаго мышленія въ еврейскую мысль и образовалась Каббала (или преданіе) фарисеевъ, долго передаваемая изъ устъ отъ учителей къ ученикамъ (отъ посвященныхъ къ непосвященнымъ), вдохновившая восемьсотъ лѣтъ спустя изданіе Талмуда и нашедшая свое полное отраженіе на Сеферъ-ха-Зогаръ“.

Эта каббала преданіе поставлена фарисеями выше закона Моисеева, даннаго Самимъ Богомъ. Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ своемъ обличеніи фарисеевъ указаль міру на это преданіе; у евангелиста Матфея въ 15 главѣ читаемъ: „Тогда приходятъ къ Іисусу Іерусалимскіе книжники и фарисеи, и говорятъ: зачѣмъ ученики Твои преступаютъ преданіе старцевъ ибо не умываютъ рукъ своихъ, когда ѣдятъ хлѣбъ“.

„Онъ же сказалъ имъ въ отвѣтъ: зачѣмъ и вы преступаете заповѣдь Божию ради преданія вашего. Ибо Богъ заповѣдалъ: „Почитай отца и мать“, и „злословящій отца и мать смертію да умретъ“. Вотъ законъ Божій, что говоритъ. (Исх. 20, 2: 21, 17; Лев. 20, 9; Втор. 5, 16; Притч. 20, 20; Сир. 3, 7; Марк 7, 10; Еф. 7, 6) „А вы, (книжники и фарисеи) говорите: если кто скажетъ отцу или матери: (когда они попросятъ у васъ) — даръ Богу то, чѣмъ бы ты отъ меня пользовался“, тотъ можетъ и не почитать отца своего или мать свою. Такимъ образомъ вы устранили заповѣдь Божию преданіемъ вашимъ“.

„Лицемеры. Хорошо пророчествовалъ о васъ Исаія, говоря: „Приближаются ко Мнѣ люди сіи устами своими, и чтутъ Меня языкомъ: сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня. Но тщетно чтутъ Меня, уча ученіемъ, заповѣдаямъ человѣческимъ“ (Исаія 29, 13).

Займствовавъ основу пантеистическаго халдейскаго ученія подъ видомъ аллегорической теогоніи и внеся ее въ Каббалу, сѣвшіе на сѣдалищѣ Моисеевомъ (Матф. 23, 2) тѣмъ исказили Богооткровенную религію в самой ея сущности.

„Тогда Іисусъ началъ говорить народу и ученикамъ

Своимъ и сказалъ: на Моисеевомъ сѣдалищѣ сѣли книжники и фарисеи“. (Матф. 23, 1-2). Прежде чѣмъ „сѣсть“, т. е. взять в свои руки руководство надъ евреями, фарисеи должны были преодолѣть большія затрудненія. Они повели искусную, исполненную лицемерія, но в то же время беспощадную войну съ правовѣріемъ народнымъ. Сами, потерявъ вѣру въ личнаго Бога, они не могли открыто говорить своимъ единоплеменникамъ, что Іегова это — пустая мечта. Поэтому они признали болѣе разумнымъ, чтобы войти в довѣріе народа, стать во главѣ, вызваннаго плѣненіемъ, народнаго религіознаго движенія, притворно подчеркивая исполненіе мельчайшихъ предписаній закона и установивъ мелочные обряды.

В то же время они тайно (2 Фесс. 2, 7) въ своихъ закрытыхъ собраніяхъ, настоящихъ тайныхъ обществъ, насчитывавшихъ еще во времена Іосифа Флавія до 6000 членовъ, развивали новое ученіе, эту религію „обоготвореннаго человѣка“, которой они пропитались в Вавилонѣ.

Послѣ плѣна вавилонскаго всѣ нравственныя основы были в корнѣ подорваны. Хотя въ грубой формѣ идолопоклонство и прекратилось, но религія была искажена до того, что евреи потеряли самое главное — истинную мессіанскую идею.

„Вмѣсто Бога—человѣкъ. Вмѣсто истины Божіей—ложь. Вмѣсто поклоненія Творцу—служеніе твари. (Рим. 1, 25). Свободная воля человѣка становится волей Бога, ей противиться значитъ совершить беззаконіе. В удовлетвореніи всѣхъ похотей человѣческихъ—есть смыслъ и цѣль жизни“.

Искаженіе пророческихъ писаній аллегорическими и каббалистическими тайными ученіями дошло до ужасающихъ размѣровъ. Мессіанская идея выродилась въ мірское и чувственное царство.

По новому теченію религіозно-политической іудейской мысли: „всѣ блага міра принадлежать іудеямъ и ихъ вождямъ по праву происхожденія отъ Авраама. Всѣ народы, какъ отверженные Богомъ, должны покориться ихъ власти и быть ихъ рабами“.

Національная гордость усыпила сознаніе немощи

оправдаться дѣлами закона, затемнила совѣсть и заботу о внутренней духовной жизни. По примѣру слѣпыхъ вождей (Матѣ. 23, 17) соблюдались лишь внѣшніе обряды, которыми прикрывалась вся нравственная гниль фарисейства, изобличенная Христомъ. (См. Матѣ. 23 гл. и др.) Дух закона, судъ и справедливость, милосердіе и любовь забыты. (1 гл. Исаи ст. 1-17).

Малочисленные, но тѣсно спаянные, обязывавшіе своихъ членовъ строжайшимъ сохраненіемъ тайны (2 Фесс. 2, 7), фарисеи упорно преслѣдовали (и до сего дня преслѣдуютъ) двойную цѣль:

1) Овладѣть политическою властью, захватомъ высшихъ религіозныхъ должностей, вліяніе которыхъ было всегда громадно у всѣхъ народовъ; и 2) подчинить Синедріонъ¹⁾, состоящій изъ 71 члена; это верховное собраніе, власть котораго в одно и тоже время была просвѣтительной, судебной и административной.

Благодаря партійному объединенію фарисеи добились, по свидѣтельству Іосифа Флавія, неоспоримой — власти, пользуясь которой, они обращались со всѣми непосвященными въ ихъ тайную науку, какъ съ невѣждами и разсматривали своихъ „посвященныхъ“, какъ существъ стоящихъ выше всего остального человѣчества. Даже равнодушные къ добру и злу, происходящему на землѣ, отрицавшіе безсмертіе души, саддукеи, эта высшая свѣтская еврейская аристократія, должны были „приспособляться къ линіи поведенія фарисеевъ, ибо народъ не потерпѣлъ бы, чтобы они этому ученію противились“.

ГЛАВА V.

Принципы фарисейства въ теософіи.

Нельзя не поразиться сходствомъ, существующимъ между ученіемъ фарисеевъ, имѣющимъ за собой уже двадцати пяти вѣковую давность, говоритъ Флавіанъ Бренье, и ученіемъ, исповѣдуемымъ в наши дни учениками Алланъ Кардека и госпожи Блаватской. Существенная

1) а в „гоевской“ религіи: — квиринал, консисторія и совѣты.

разница между ними заключается въ томъ, что вѣчное блаженство, по талмуду, предназначено лишь евреямъ, тогда какъ спириты, теософы (адвентисты, баптисты, молокане и пр. секты) утверждаютъ, что всѣ существа его достигнуть, если присоединятся только къ ихъ обществамъ. И въ этомъ случаѣ, быть можетъ, нѣтъ опредѣленнаго между ними противорѣчія, ибо талмудъ допускаетъ, что нѣкоторые не евреи, путемъ самоусовершенствованія (по рецепту оккультныхъ наукъ) могутъ перевоплотиться въ тѣло еврея, слѣдовательно, цѣль существъ, которую теософы начинаютъ съ существъ неодушевленныхъ, чтобы закончить человѣкомъ, насчитываютъ по талмуду одно лишнее звено: еврея или сверхъ человѣка. Теософы и спириты временно могутъ и не признавать этого дополнительнаго звена, от этого они не станутъ духовно менѣе зависимы отъ философскаго ученія евреевъ, и лишь готовятъ умы своихъ послѣдователей къ переходу въ новоіудейство. Новоіудейство отрицаетъ Божественность происхожденія Христіанскаго Откровенія, его ученіе о паденіи прародителей, о воплощеніи Сына Божія, объ Его воскресеніи (Матѣ. 28, 11-15;) и вознесеніи на небо, разрушая тѣмъ самымъ христіанство въ самой его основѣ. *Имъ же начата борьба съ Христовой Церковію черезъ ереси и расколы и „теософію“.*

ГЛАВА VI.

Откровеніе и „Теософія“.

„Отступающіе отъ Меня будутъ написаны на прахъ, потому что оставили Господа, источника воды живой“ (Іер. 17, 13).

Какой видимый признакъ отступленія отъ Бога истиннаго?— Это пренебреженіе къ Его Божественному Откровенію, или Библіи, отказъ отъ Библіи, какъ книги откровенія судебъ человѣческаго рода отъ начала существованія человѣка на землѣ и до послѣднихъ его дней, т. е. до конца міра, ведетъ уже къ гибели, связанной съ заблужденіемъ, отступленіемъ отъ правильнаго пути, ведущаго къ вѣрной цѣли—спасенію человѣка.

„Подобно измѣренному полю, обозначенному въ своихъ главныхъ частяхъ вѣхами, отовсюду на немъ видимыми, исторія рода человѣческаго является въ Библии именно измѣренною съ поставленными не только вѣхами, но и свѣтящими маяками, дающими возможность вмѣстѣ и обозрѣвать судьбы человѣческаго рода и опредѣлять то или другое приближеніе къ границамъ и предѣламъ въ моментахъ исторической жизни человѣческаго рода“.

Вотъ почему мы въ своемъ критическомъ изслѣдованіи въ предѣлахъ сего очерка болѣе всего опираемся въ своихъ доказательствахъ не столько на авторитеты отъ человѣческой мудрости, сколько на Библейскій текстъ и духъ, „ибо царство Божіе не въ словѣ, а въ силѣ“ (1 Кор. IV, 20). А сила Божія „совершается въ немощи“ (2 Кор. 12, 9). А рѣчь идетъ о покушеніи на идею царства Божія.

Не о физической силѣ здѣсь рѣчь, а о моральной, высшей силѣ, господствующей надъ первою.

Въ вопросѣ объ источникѣ этой силы прежде всего и расходится теософія съ Библией:

Библия говоритъ человѣчеству: „Отъ Божественной силы Его (Спасителя Иисуса Христа) даровано намъ все потребное для жизни и благочестія, чрезъ познаніе Призвавшаго насъ славою и благодію, которыми дарованы намъ великія и драгоцѣнныя обѣтованія, дабы вы чрезъ нихъ содѣлались причастниками Божескаго естества, удалившись отъ господствующаго въ мірѣ растлѣнія похоти“... (2 Петр. 1, 3-4).

Полученная сила дать человѣку возможность, „прилагая къ сему все стараніе, показать въ вѣрѣ (въ Воскресшаго Христа)... добродѣтель, въ добродѣтели разсудительность, въ разсудительности воздержаніе, въ воздержаніи терпѣніе, въ терпѣніи благочестіе, въ благочестіи братолюбіе, въ братолюбіи любовь“ (2 Петр. 1, 5-7).

А Теософія, увлекая своихъ послѣдователей въ тьму мистическаго теизма, чуждаго всѣхъ вѣроисповѣдныхъ догматовъ, располагаетъ черезъ чтеніе теософической литературы къ мечтанію „о мистическомъ сліяніи съ Богомъ въ высшей (человѣческой) мудрости и нравствен-

ности помимо Церкви“, т. к. общество теософическое, съ фарисейскимъ самомнѣніемъ, считая себя выше Христовой Церкви, принимаетъ въ себя на одинаковыхъ правахъ членовъ всѣхъ вѣроисповѣданій.

Вотъ, почему Св. Апостоль Павелъ еще во второй половинѣ перваго столѣтія по Р. Х. предупреждалъ находящихся въ Колоссахъ христіанъ, называя ихъ „святыми (изъятыми изъ среды невѣрующихъ во Христа) и вѣрными братьями во Христѣ Иисусѣ“: „смотрите, братія, чтобы кто не увлекъ васъ философією и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу“ (Кол. 2, 8).

ГЛАВА VII.

Когда появилось теософическое общество.

Современное теософическое общество основано въ ноябрѣ 1875 г. Е. П. Блаватской въ сообществѣ съ полковникомъ г. Олкоттомъ. Какъ послѣдній, такъ и первая были масонами.

Мы не беремъ отвѣтственности на себя опредѣлить наименованіе ритуала, къ коему примыкали основоположники теософическаго общества. Но, что они были несомнѣнно масонами, это ясно безъ доказательствъ, ибо показали это „на дѣлѣ“ популяризаціи черезъ учрежденное ими общество тайныхъ знаній масонства, къ числу коихъ принадлежить и это человѣческое преданіе, громко именуемое „теософіей“.

Показательно то, что въ Америкѣ къ нимъ пристало въ короткое время множество „спиритистовъ“ и „именъ“ изъ членовъ масонскаго общества и пр. близкихъ масонству корпорацій и лицъ.

Послѣ смерти Е. П. Блаватской ея преемницей, или, по теософической іерархіи, „апостоломъ движенія“ стала ея ученица, англичанка А. Безантъ.

ГЛАВА VIII.

Фарисейство и масонство.

Время и мѣсто и обстоятельства исторической жиз-

ни накладывали свою печать на это человѣческое преданіе.

Но не только русскимъ, но вообще христіанскимъ писателямъ до послѣдняго времени мало извѣстно было о томъ, съ какою дѣлю проводили фарисеи въ политическомъ и религіозномъ развитіи ново-іудейство — свою каббалу.

Это объясняется тѣмъ, что — дѣла ихъ злы¹⁾; если бы дѣла ихъ были добрыми, то они не боялись бы свѣта — гласности, но т. к. они боялись и боятся „огласки“, то показываютъ тѣмъ, что у нихъ „не все благополучно“. Не вскрывается ли нѣсколько ихъ историческій путь подъ прикровеннымъ выраженіемъ Апостола Павла: „тайна беззаконія уже въ дѣйствіи“ (2 Тесс. 2, 7).

О какой иной „тайнѣ беззаконія“ могъ говорить христіанамъ бывший фарисей (Фил. 3, 5; Дѣян. 23, 6; — 26, 5), какъ только о самой существенной, а именно: о тайной подготовкѣ „человѣка грѣха, сына погибели, противящагося и превозносящагося выше всего, называемаго Богомъ или святынею“ (2 Т. 2, 3-4).

Кто изъ смертныхъ, кромѣ убійцъ Богочеловѣка (Откр. 1, 7) можетъ еще заняться подготовкой „иного“, долженствующаго придти „во имя свое“ (Іоан. 5, 43), кромѣ тѣхъ, кто не принялъ Господа Иисуса Христа, Сына Божія, пришедшаго „во имя Отца“? (Іоан. 5, 43). Не напрасно и не случайно Господь Иисусъ Христосъ предупреждаетъ человѣчество чрезъ Свое Евангеліе: „берегитесь закваски фарисейской и саддукейской“ (Матѣ. 16, 11). Чтобы кто-нибудь не понялъ это въ смыслѣ „хлѣбной закваски“, Апостолъ поясняетъ, что „Онъ говорилъ имъ беречься не закваски хлѣбной, но ученія фарисейскаго и саддукейскаго“ (Мѣ. 16, 12).

Каково это ученіе, мы знаемъ изъ предыдущаго изложенія, что оно въ корнѣ подрываетъ всѣ нравственныя основы, на которыхъ утверждается цивилизація.

Это показываетъ современная дѣйствительность.

Развращающее человѣчество ученіе съетъ врагъ человѣка (Мѣ. 13, 28). Когда успѣлъ посѣять этотъ врагъ

¹⁾ Исая 59, 2—6.

свои плевелы? Отвѣчая на этотъ вопросъ, Іисусъ Христосъ сказалъ: „когда же люди спали, пришелъ врагъ его, и посѣялъ между пшеницею плевелы“ (Мѡ. 13, 25).

Съ чѣмъ же можно сравнить человѣческую безпечность, какъ только не со сномъ? ибо спящій человѣкъ ничего не видитъ и не слышитъ, что кругомъ него дѣлается; точно такъ же и безпечный, занятый собой и „посторонними вещами“, не видитъ, какъ сатана тщательно проводитъ мысль въ человѣческомъ сознаниі, что его, какъ сущности, какъ ярко очерченной индивидуальности, нѣтъ; такъ и его духовныя дѣти (Іоан. 8, 44) каббалисты поддерживаютъ мысль о небытіи сатанинскомъ въ интеллигентныхъ людяхъ черезъ „науку“, а въ темной массѣ и среди людей средняго развитія — черезъ спиритическія, или спиритуалистическія, оккультныя, теософическія знанія и пр. фокусы, извѣстные подъ именемъ „навожденія врага“...

И подъ прикрытіемъ „небытія“ этотъ лукавый духъ разжегъ въ свое время іудейскую національную гордость, ставшую „покрываломъ при чтеніи Моисея“ (2 Кор. 5, 15).

А національная гордость усыпила сознание немощи оправдаться дѣлами закона, затемнила совѣсть и заботу о внутренней духовной жизни. А чрезъ это усыпленіе іудей фарисейской ереси забылъ духъ закона, судъ и справедливость, милосердіе и любовь, подпавъ подъ обаяніе человѣческой мудрости (1 Кор. 2, 13).

„Въ пророкахъ Іерусалима вижу ужасное: они прелюбодѣйствуютъ и ходятъ во лжи, поддерживаютъ руки злодѣевъ, чтобы никто не обращался отъ своего нечестія“... говоритъ Господь Богъ чрезъ пророка Іеремію (Іер. 23, 13-14).

Ибо вмѣсто Единого Бога они „поклонялись (по вавилонскому культу) солнцу и лунѣ и всему воинству небесному“ (Іер. 8, 1-2); „они крѣпко держатся обмана и не хотятъ обратиться; „мы мудры, говорятъ они, и законъ Господень у насъ“. „А вотъ, лживая трость книжниковъ и его превращаетъ въ ложь. Посрамились мудрецы, смутились и запутались въ сѣть; вотъ, они отвергли слово Господне; въ чемъ же мудрость ихъ“ (Іер. 8, 2-9), если изъ начальниковъ (іудейскихъ) многіе увѣрова-

ли въ Него, но ради фарисеевъ не исповѣдывали, чтобы не быть отлученными отъ синагоги? „Ибо возлюбили больше славу человѣческую, нежели славу Божию“ (Іоан. 12, 42. 43). Черезъ такое извращеніе они погрузились въ тотъ же эгоизмъ и чувственность, которые и при грѣхопаденіи и въ языческомъ мірѣ играли и играютъ главную роль. Типомъ Мессіи стали Іуда Гавлонитъ и Бархоахеба— лживый оккультистъ — волхвъ съ діавольской волей.

Подобные вожди стоятъ во главѣ анархистскаго израиля до сего дня; и воодушевляютъ всѣхъ „сочувствующихъ“ „угнетенному“ еврейскому народу на непрекращающуюся борьбу съ народами, имѣвшими оплошность принять ихъ въ свою среду, но желающихъ остаться „самимъ собою“, а не превратиться въ этнографическій матеріаль „избраннаго народа“.

ГЛАВА IX.

Что такое теософія?

На вопросъ: что такое теософія можно дать много различныхъ опредѣленій.

Теософія—это религіозно-филосовскій методъ, правило, ученіе, школа, секта, теченіе направленіе и пр.

Какъ явленіе—теософія есть величайшій обманъ человечества. Какъ доктрина—это отраженіе древнихъ религій, ересей и заблужденій.

Разсмотрѣніе исторіи теософіи по восходящему порядку доводитъ до сектъ самыхъ древнихъ, какъ отраженія идей и вліяній древней іудейской синагоги, религіозныхъ вѣрованій языческаго востока и древней греческой философіи, какъ мы изъ предыдущаго отчасти уже видѣли это.

Между носящимъ званіе *христіанина* всѣхъ временъ, странъ и народовъ всегда было распространено немало *идей, преданій, повѣрій и обычаевъ*, не только не согласныхъ съ истинными воззрѣніями самой церкви, но иногда и прямо противорѣчащихъ основнымъ началамъ христіанства. Нѣкоторые изъ повѣрій и обычаевъ—остатки мѣстнаго іудейства, или язычества; другіе же — неоспоримое вліяніе таинственной, враждебной церкви силы...

Подобно всѣмъ „тайнымъ“ знаніямъ, складывающимся подъ покровомъ глубокой тайны (2 Фесс. 2, 7;), теософія, за исключеніемъ свойственныхъ оккультнымъ наукамъ положеній, въ практической своей „дѣйствительности“—крайне индивидуальна. Такъ, она учитъ, что должно быть у человѣка какое-то „высшее чувство“. А это ея „высшее чувство“, обуславливающее пріобрѣтеніе „основной истины“—индивидуально. Одни получаютъ его черезъ „научный обзоръ мышленія, другіе же наоборотъ, говорятъ, что „ученость и научное образованіе не является непременными условіями для раскрытія этого высшаго чувства. (Д-р Р. Штейнеръ „Теософія“ стр. 2-4; Москва 1915 г.)

А если мы спросимъ тѣхъ и другихъ: „что это у васъ за „высшее чувство?“, то отвѣта на свой вопросъ мы не получимъ. Но не столько изъ отвѣтовъ, сколько изъ уясненія смысла оригинальной смѣшанной съ христіанской фразелогіей, „тайныхъ“ наукъ мы увидимъ, что при всей необузданности фантазіи отдѣльных „адептовъ“ (вождей, руководителей) теософія въ построеніи ими своихъ частныхъ „ученій“, все теософы, спириты, оккультисты, отчасти и другіе сектанты имѣютъ между собою нѣчто общее въ томъ, что одни открыто, какъ гностики древности, а другіе—прикровенно, какъ современные теософы, допускаютъ существованіе двухъ отъ вѣчности началъ; и подъ видомъ пресловутой вѣротерпимости, они, на самомъ дѣлѣ, пытаются обратить всѣхъ людей къ религіи индусовъ съ центральными понятіями „Абсолютнаго“, высшаго принципа міра, его эманціи и духа, привить буддійскую вѣру въ перевоплощенія, убѣдить въ возможности для каждаго совершать свое спасеніе безъ Христа и Его Св. Церкви, упразднить безусловный авторитетъ Божественнаго Откровенія въ рѣшеніи всѣхъ вѣковыхъ вопросовъ. „Упразднить Церковь“ — это завѣтная мечта масонства.

ГЛАВА X.

Программа теософской обработки.

„Практическія знанія оккультистовъ“ теософы при-

знають совершенствомъ человѣческаго знанія, идеаломъ стремленій человѣчества.

Своими усилями проникнуть въ тайны мірозданія (помимо Божественнаго церковнаго Откровенія) жизни и смерти и овладѣть тайнами психическаго и сверхъестественнаго міровъ черезъ оккультизмъ по древнимъ традиціямъ и догматамъ Египта, Индіи, Вавилона, Ассиріи и Персіи, теософы въ существѣ дѣла возвращаютъ подъ видомъ „прогресса“ человѣчество къ грубымъ временамъ древняго мракобѣсія по слѣдующей программѣ:

- 1) Первоначальныя свѣдѣнія о магіи: а) область космографіи невидимаго; б) человѣческая способность: животный магнетизмъ; наука ауры, наука сновъ, наука астральнаго тѣла. Гиперфизическая подготовка человека.
- 2) Человѣческія силы и способности: а) воспринимательныя способности (познаніе невидимаго); б) активныя управленія невидимыми силами, относящіяся: къ природѣ, къ человеку, къ космосу (предсказательныя искусства); относящіяся къ міру божественному, къ человеку, къ космосу.
- 3) Психометрія, ясновидѣніе, яснослышаніе, интуиція и пр.
- 4) Астрологія (для психологіи), фізіогномика. Чтеніе мыслей.
- 5) Геоманія пр (предзнаменованія), и пр.; астрологія (для событій), хиромантія, истолкованія сновъ.
- 6) Пророчество, экстазъ. Этотъ циклъ „наукъ“ „для распространенія человѣческаго существа во времени и пространствѣ“.
- 7) Предварительныя свѣдѣнія: наука вибрацій, наука дыханія, наука мантръ, наука освященія; наука слова (прикладн.), наука направленія воли.
- 8) Относящіяся къ природѣ: алхимія.
- 9) Относящіяся къ человеку: а) тѣлесныя: лѣчебный магнетизмъ; оккультная медицина; б) психическія: телепатія (фаципація) или гипнозъ. Заклинанія (защита отъ невидимаго).
- 10) Относящіяся къ космосу: а) искусство воспитанія, практическая психургія.
- 11) Относящіяся къ міру божественному: теургія.

Имъ соотвѣтственны въ черной магіи:

- а) оккультной медицинѣ—колдовство, превращенія.
- б) телепатіи или гипнозу—порча, внушенія, одержимость.
- в) искусству воспитанія—порабощеніе (въ дѣткомахъ, союзахъ, колледжахъ и пр.).
- г) практической психургіи—навожденія, некромантія и чернокнижія.
- д) Теургіи—черная месса.

Цикль теоретическихъ знаній, входящихъ въ программу оккультизма, завершается синтезомъ философіи и религіи—общимъ синтезомъ, т. е. тѣмъ, о чемъ хлопочутъ теософы.

Чтобы кто-нибудь не подумалъ, что программа эта есть—нашъ экспромтъ, мы указываемъ здѣсь автора ея, извѣстнаго французскаго оккультиста и масона Барлэ, который свидѣтельствуетъ—къ чему стремится современное намъ масонство и какую роль играетъ во всемъ этомъ оккультизмъ, спиритизмъ и теософія.

„При внимательномъ ознакомленіи съ нею, мы видимъ, говоритъ В. П. Быковъ, опубликовавшій эту программу, что она, главнымъ образомъ, охватываетъ собою все, что касается основной сущности человѣческой души въ связи со всѣмъ, что такъ или иначе можетъ вліять на душу“.

Вся система богоборческаго движенія направлена на вытравленіе идеи Бога.

Создатели ея стремятся воспитать въ извѣстномъ направленіи духъ, въ увѣренности, что послѣдній уже сдѣлаетъ свое дѣло, направивъ и тѣло на свой ладъ.

Отсюда понятно, что ихъ система воспитанія особенно страшна тѣмъ, что она забираетъ духъ каждого воспитанника въ желѣзную дисциплину воспитателя. Эта программа подтверждается и тѣми „конфиденціальными сообщеніями по важнѣйшимъ дѣламъ“, которыя были даны „княземъ изгнанія“ Т. Герцлемъ „тремъ уважаемымъ лицамъ: полковнику Гольдсмиту, Сэру Самуэлю Монтегю и Зингеру“, въ свое время...

Кто изъ трехъ „уважаемыхъ лицъ“ опростоволосился, кому міръ обязанъ раскрытіемъ „тайны беззаконія“, скажетъ исторія. Но въ рукахъ христіанскихъ ученыхъ,

священниковъ и политиковъ имѣются теперь неопровержимые документы, обличающіе извѣстный гонимый народъ; не столько этотъ одураченный синадріономъ народъ, сколько его архипреступныхъ вождей, о которыхъ за 700 съ небольшимъ лѣтъ до Р. Х. пророкъ Исаія говорилъ: „Народъ Мой, вожди твои вводятъ тебя въ заблужденіе и путь стезей твоихъ испортили“ (Исаія 3, 12). Онъ же въ 9 главѣ говоритъ: „И вожди сего народа (еврейскаго) введутъ его въ заблужденіе, и водимые ими погибнутъ“ (ст. 16).

Кто эти вожди евреевъ?

Еврейская интеллигенція— „книжники“ и еврейская секта „фарисеевъ“. Это о нихъ сказалъ Иисусъ Христосъ народу еврейскому: „Оставьте ихъ: они слѣпые вожди слѣпыхъ; а если слѣпой ведетъ слѣпаго, то оба упадутъ въ яму“ (Мѡ. 15, 1-14; Ис. 42, 19; Іер. 5, 31; Лук. 6, 39).

ГЛАВА XI.

Міровой заговоръ.

Такъ, вотъ эти то слѣпые вожди тысячелѣтнимъ упорнымъ сатанинскимъ трудомъ выковали духъ „солидаризма“, дали міру „вождей“, „ученія бѣсовскія“ (1 Тим. 4, 1.) и пр. „негодныя и бабы басни“ (ст. 7) коммунизма, социализма, баптизма, адвентизма, методизма, папизма, сциентизма, спиритизма, оккультизма, теософії и пр. чепухи, „чтобы, какъ говоритъ пророкъ, погубить бѣднаго словами лжи“. (Ис. 32, 7).

Чтобы народъ еврейскій, а также и пріютившіе его народы не раскрыли тайныхъ плановъ своихъ „вождей“, послѣдніе своевременно позаботились объ этомъ. Они постарались захватить в свои руки „вліяніе“ и „направленіе“ академической среды. Вотъ ихъ циничное признаніе:

„Съ цѣлью уничтоженія всякихъ коллективныхъ силъ, кромѣ нашихъ, мы обезвредимъ первую степень коллективизма—университеты, перевоспитаемъ ихъ въ новомъ направленіи, Ихъ начальство и профессора будутъ подготовляемы для своего дѣла подробными тайными программами дѣйствія, отъ которыхъ они безнаказано не отступятъ ни на іоту. Они будутъ назначаться съ осо-

бой осторожностью и будут поставлены въ полную зависимость отъ (нашего тайнаго) правительства“. „Учащіеся будутъ имѣть право вмѣстѣ съ родными собираться какъ въ клубъ, въ учебныя заведенія (давно уже превращенныя въ клубы), во время этихъ собраній... преподаватели будутъ читать якобы свободныя лекціи о вопросахъ человѣческихъ отношеній, о законахъ примѣра, о репрессаліяхъ, рождающихся отъ безсознательныхъ отношеній и, наконецъ, о философіи новыхъ теорій, еще не явленныхъ міру. Эти теоріи мы возведемъ въ догматъ вѣры (ленинизмъ, эволюція и пр.), какъ переходную ступень къ нашей вѣрѣ (теософической)“. „Зная изъ многовѣковаго опыта, что идеи всасываются людьми только при помощи воспитанія, даваемого съ одинаковымъ успѣхомъ всѣмъ возрастамъ, конечно, только различными приѣмами, мы поглотимъ и конфискуемъ въ нашу пользу послѣдніе проблески независимости мысли, которую мы уже давно направляемъ на нужные намъ предметы и идеи. Система обузданія мысли уже въ дѣйстви“... (2 Фесс. 2, 7), (Протоколъ № 16).

Оккультистъ и масонъ Барлэ открылъ міру и то, какія конечныя цѣли преслѣдуетъ оккультизмъ.

- I. Внутренняя дѣятельность: выборъ учениковъ изъ наиболѣе даровитыхъ людей всѣхъ націй. Посвященіе. Совершенствованіе священнаго ученія. (Читай: передѣлка Евангелія, Апостольскихъ посланій, учителей церкви, отводъ отъ церкви, хранящей органически преемственную связь съ Иисусомъ Христомъ—Богочеловѣкомъ.
- II. Внѣшняя дѣятельность: народный апостолатъ. Моральное управленіе всѣмъ міромъ. Сосредоточеніе въ нашихъ рукахъ просвѣтительной дѣятельности всякаго рода (до агитаціи коммунизма включительно).
- III. Воспитаніе воспитателей. Пополненіе масонской коллегіи путемъ раскрытія тайнъ (2 Фесс. 2, 7). Эти самозванные воспитатели за послѣднее время обратили вниманіе на „благодѣлительность“ и „всѣ дѣла свои дѣлають съ тѣмъ, чтобы видѣли ихъ люди“... Любятъ „предсѣдательство-

вать“ (Мтѣ. 23, 5-6) и занимать посты „генеральныхъ секретарей“ (одинъ изъ признаковъ масонскихъ организацій). Не брезгаютъ и священнымъ саномъ...

Господь отмѣтилъ ихъ именемъ „лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри (по своимъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ) суть волки хищные“. (Матѣ. 7, 15, 16; Іерем. 23, 16; Матѣ. 24, 4; 1 Іоан. 4, 1;)

Какъ ихъ распознавать?

„По плодамъ (дѣламъ) ихъ узнаете ихъ“, — наставляетъ Господь Іисусъ Христосъ“.

Вотъ, читатель, кто прикрываясь „доводами науки“, отрицаетъ и Бога и сатану, считая все это и „суевѣріемъ“, и вымысломъ“, а сами (правда, тайкомъ) принимаютъ и навожденіе (всѣ террористы дѣйствуютъ подѣ вліяніемъ навожденія) и порчу, и одержимость (кто не осторожно снимаетъ съ себя крестъ и перестаетъ соблюдать христіанскій постъ и молитву (и некроманію) въ спиритическихъ сеансахъ (чернокнижіе) въ теософическомъ міровоззрѣніи и даже черную мессу...

И никто не смѣетъ бросить масонству обвиненія въ суевѣріи и распространеніи лжи. (Іоан. 8, 44; 1 Іоан. 3, 8; 1 Тим. 5, 15.) Какая то сила замыкаетъ уста малодушныхъ. Но, говорятъ отцы VII Вселенскаго Собора „Горе душамъ тѣхъ, которые скрываютъ истину“.

ГЛАВА XII.

Заграничный Архіерейскій Соборъ на стражѣ спасенія своей паствы.

„Писанія Божественная извѣствуютъ должника быти сего, иже самъ что пріемши отъ Господа инымъ сего не изъявляетъ: зане аки нѣчто украде отъ Церкви, егда утаеваетъ могущее пользовати иныхъ“. (Св. Амвросій Медіоланскій.) Какой то „духъ нѣмой и глухой“ (Марк. 9, 25;) овладѣваетъ человѣкомъ въ то время, когда онъ, видя успѣхъ обманщика, вводящаго въ заблужденіе (2 Тим. 3, 13), стыдится свидѣтельства Господа нашего Іисуса Христа“, (2 Тим. 1, 8;) не открываетъ обмана,

не сообщает кому слѣдуетъ, не вразумляетъ малодушныхъ, содѣйствуя своимъ бездѣйствіемъ успѣху врага.

Посему мы, съ Божію помощію, усиленно и выполняемъ нашъ долгъ передъ „малыми сими“... Въ данномъ случаѣ мы слѣдуемъ за Русскимъ всезаграничнымъ Церковнымъ Соборомъ посланіемъ своимъ о спиритизмѣ, магнетизмѣ, теософіи и прочихъ оккультныхъ вымыслахъ предостерегающимъ человѣчество.

Соборъ напоминаетъ предупрежденія Св. Апостола Павла къ Тимоѳею: „будетъ время, когда здраваго (церковнаго) ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей“, которые бы льстили слуху, и отъ истины отвратятъ слухъ и обратятся къ баснямъ“. (2 Тим. 4, 3-4). Ты же Тимоѳей, „негодныхъ и бабьихъ (Е. П. Блаватская, Анна Безантъ—основоположницы новой теософіи) басней отвращайся; а упражняй себя в благочестіи“. (1 Тим. 4, 7).

„Не могутъ люди разумно предусмотрѣть будущихъ судебъ своихъ при волнующихъ обстоятельствахъ, а узнать что-нибудь непремѣнно желаютъ и, вотъ, для утѣшенія себя и обращаются къ „бабѣимъ баснямъ“, А такъ какъ на всякой человѣческой слабости легко можно нажитья, то и вокругъ „занимающихся баснями и родословіями безконечными“ и „уклонившихся в пустословіе“, какъ мухи на медъ налетаютъ тучи „наставниковъ“, „учителей“, лжепророковъ, магнетизеровъ, медиумовъ, оккультистовъ, теософовъ и всякихъ другихъ обманщиковъ, любителей наживы, обладающихъ... „непредвзятой логикой и здоровымъ чувствомъ истины“.

Обманы их облакаются „согласно модѣ“ в пріятныя удобопріемлимыя для современнаго поколѣнія формы.

„Такъ было время, когда философія обнимала собою оба, окружающіе человѣка міра; матеріальный и нравственный; для нея не было тайны ни на небѣ ни на землѣ; она созидала вселенную и ея законы,— всю исторію человѣческаго бытія и развитія. Время процвѣтанія, довѣрія, къ умозрительнымъ пріемамъ мысли прошло. Философія „вышла из моды“.

Философія, исторія, а съ ними за одно и Откровеніе Божіе и богословіе попали въ опалу. На смѣну „сталь

моднымъ" матеріализмъ. „Научнымъ" познаніемъ стали считать только то, которое упорядочиваетъ и систематизируетъ эмпирическій матеріаль („Мы цѣнимъ одни только факты"—Фольцъ) и отвергаетъ то, которое переходитъ эти предѣлы и старается вывести его изъ чего-либо высшаго абстрактнаго (отвлеченнаго), или хоть поставить отъ него в зависимость. „Если ты позитивистъ, говоритъ Фольцъ, то довольствуйся однимъ лишь знаніемъ фактовъ, а если хочешь постигать и объяснять ихъ, то позитивистомъ уже быть не можешь". (Соколовскій; 27 стр.).

Но, говоритъ премудрый, „всему свое время"... (Еккл. 3, 1).

Прошло и это время огульнаго отрицанія творческаго разума въ людяхъ и сердечныхъ откровеній; снова пошла мода на философію и мистицизмъ, но людямъ надоѣло слѣпое поклоненіе западно-европейской модѣ и жизни; слишкомъ ужъ она непривлекательна, при непосредственномъ съ ней соприкосновеніи; и вотъ, стали интересоваться жизнью древняго Востока.

За спросомъ и предложеніе...

Появились, какъ грибы послѣ дождя, иного рода обольстители: необуддисты, оккультисты, магнетизеры и теософы; появились на книжномъ рынкѣ сборники, посвященные вопросамъ теософіи: „новыя мысли—новые пути“, „основныя положенія теософіи“, „сравнительное изученіе религіи, философіи и науки“, „путь ученичества“, „очерки теософіи“, „преддверье храма“, „три пути и дхарма и бхагаватъ-гита“, „астральный планъ“, „эзотерическій буддизмъ“, „оккультная химія и физика тайной доктрины“, „четыре великихъ религіи“, „эзотерическое христіанство“, „Орфей и Плотинъ“, „теософія и жизнь человѣка“, „оккультные опыты и теософія“, „введеніе въ іогу“, „эволюція жизни и формы“, „сила мысли—ея контроль и культура“, „другая сторона смерти“, „перевоплощеніе“, „карма и человѣкъ и его тѣло“, „теософія и воспитаніе“, „теософія и новый соціальный строй“, „братство религіи—учители и сверхчеловѣки“ и пр. и пр.

Нужно отмѣтить здѣсь маленькую подробность: почти всѣ книги и брошюры, издаваемые оккультистами и

теософами, на обложкѣ имѣють шестиконечную звѣзду, составленную изъ двухъ взаимопересѣкающихся равно-стороннихъ подобныхъ треугольниковъ бѣлаго и чернаго (Ибо „масонство все въ символахъ“. „Символы представляютъ мысли свободу, просторъ“ .. „языкъ въ ложахъ нашихъ иносказателенъ“, признаются масоны).

Извѣстно, что звѣзда эта есть столь же священный символъ для еврея и масона, какъ для христіанина знаменіе животворящаго Креста.

Звѣзда эта именуется по-еврейски: „Мóхинъ-Дóвидъ“, что значить: «Щитъ Давидовъ». Ее полагають во гробъ каждому „правовѣрному“ еврею, какъ залогъ загробнаго его общенія съ его „богомъ“.

У послѣдователей еврейскаго богоборческаго духа теософовъ, оккультистовъ, спиритуалистовъ, гностиковъ и прочихъ „истовъ“—печати этой усваивается столь же важное значеніе, хотя названіе она имѣетъ „Печать Соломона“ или „каббалистическая „пентаграмма“ и нынѣ изображается такъ“: шестиконечная звѣзда, имѣя внутри ключикъ, въ окружности обвита змѣею, между головой и хвостомъ котораго помѣщена свастика, т. е. изогнутый (какъ бы въ безсильной злобѣ) крестъ.

Кратко говоря, на всѣхъ обложкахъ упомянутыхъ изданій положена печать антихриста (1 Іоан. 4, 3; 2 Іоан. 7 ст.).

Вотъ, подобнаго рода литературой и снабжаетъ міръ „теософическое общество“, какъ уже сказано, основанное 17 ноября 1875 г. въ Нью-Йоркѣ Еленой Петровной Блаватской и полковникомъ Генри Олкоттомъ.

Цѣль общества выражается въ трехъ параграфахъ его устава:

- 1) Основать ядро международнаго братства безъ различія расы, вѣры, пола, касты и т. п.;
- 2) Поощрять сравнительное изученіе религій, философій и науки;
- 3) Изслѣдовать необъясненные законы природы и скрытыя силы человѣка.

Выставляя свою цѣлю извлеченіе, путемъ будто бы „безпристрастнаго изученія и изслѣдованія всѣхъ религій, истины изъ-подъ ихъ символическихъ покрововъ“ и

самозванно беря на себя починъ „будить въ людяхъ совѣсть“, „противодѣйствовать пороку“, „распространять понятія о трезвости“, „содѣйствовать учрежденію благотворительныхъ обществъ и братствъ“, теософическое движеніе, направленное на аннулированіе Церкви, какъ Богоустановленнаго на землѣ Царствія Христова, вліяетъ на умы людей, осиротѣлыхъ послѣ европейской и гражданскихъ войнъ, успѣвшихъ оторваться отъ живой вѣры въ Христа и связи съ Церковію Его, но не смогшихъ еще совсѣмъ порвать со старыми устоями жизни и тайно вѣрящихъ въ возможность безкорыстной любви къ страждущему человечеству при отрицаніи Христа, какъ Сына Божія, за послѣднее время захватываетъ все болѣе широкіе круги общества.

Но посмотримъ поближе, какъ „поощряютъ сравнительное изученіе религій“ „братья масоны“ черезъ упомянутыя „международныя братства“.

Предъ лицомъ всего міра Всезаграничный Соборъ свидѣтельствуешь: „окидывая взглядомъ всѣ діавольскія козни по отношенію Православной Церкви, нельзя не замѣтить двоякое направленіе ихъ, одновременно проявляющееся. Одно изъ нихъ — грубая, открытая борьба въ С.С.С.Р. съ церковію, выразившаяся въ разстрѣлѣ крестныхъ ходовъ, закрытіи церквей, кощунственномъ вскрытіи св. мощей, глумленіи и разстрѣлахъ пастырей церкви и вѣрныхъ чадъ ея, другое—повсемѣстное сѣяніе смуты въ умахъ вѣрующихъ“.

Первое направленіе осуществляетъ коммунизмъ, а второе—теософія.

ГЛАВА XIII.

Ереси и секты въ первые вѣка.

„Весь смыслъ до-христіанской исторіи, говоритъ прот. П. Свѣтловъ, заключается въ томъ, что она воспитывала въ человечествѣ живую вѣру въ грядущаго Мессію-Искупителя и такимъ образомъ служила приготвленіемъ къ искупленію“.

„Но когда пришла полнота временъ (и человечество сознало необходимость Божественной помощи), Богъ послалъ Сына Своего (Единороднаго), который родился отъ

жены, подчинился закону (Исаія 7, 14; Лук. 1, 31), чтобы искупить подзаконныхъ, дабы намъ получить усыновленіе“ (Гал. 4, 4-5). Теперь, по нашему крайнему разумѣнію, весь смыслъ христіанской исторіи сокрытъ въ томъ, чтобы она сохранила въ чистотѣ и неприкосновенности то, что въ продолженіи послѣднихъ трехъ съ половиною лѣтъ Своей земной жизни проповѣдывалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога живаго (Матѣ. 16, 16) и Его св. Апостолы, мужи апостольскіе и учителя Церкви письменно—въ св. Писаніи и устно—въ св. Преданіи. Такимъ образомъ, высшій смыслъ человѣческая исторія получаетъ лишь съ точки зрѣнія идеи объ искупленіи, объ освобожденіи, объ исцѣленіи человѣчества отъ грѣха, проклятія и смерти, „доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ“ (Гал. 4, 19).

„Искупленіе есть высшая цѣль исторіи. Цѣль эта въ зависимости отъ временныхъ историческихъ условій нѣсколько видоизмѣняется, такъ цѣлью до-христіанской исторіи служило приготовленіе къ принятію Мессіи, а нынѣ усвоеніе одними (кто еще не увѣровалъ) плодовъ искупительнаго, спасительнаго дѣла, совершеннаго пришедшимъ 20 вѣковъ назадъ Мессіей, усвоеніе Евангелія, а другими—сохраненіе въ неприкосновенности того, что они получили по рожденію въ христіанской семьѣ. Въ томъ и другомъ моментѣ искупленіе и личность Христа являются послѣднею цѣлью человѣческой исторіи, проливающей на нее истинный „свѣтъ Христовъ“.

Но еще въ первомъ вѣкѣ Апостолъ писалъ: „удивляюсь, что вы (христіане церкви галатской) отъ призвавшаго васъ благодатію Христовою такъ скоро переходите къ *иному* благовѣствованію, которое впрочемъ не иное, а только *есть люди*, слушающіе васъ и желающіе превратить (извратить, затемнить, испортить) благовѣствованіе Христово. Но если бы даже мы (апостолы, учителя Церкви) или Ангель съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будутъ анаѣема. Какъ прежде мы сказали, такъ и теперь еще говорю: кто благовѣствуетъ вамъ не то, что вы приняли (въ Церкви Апостолькой), да будетъ анаѣема“ (Гал. 1. 6-10).

Человѣчество не смотритъ въ массѣ своей на пре-

дупреждение Самого Господа нашего Иисуса Христа: „берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей (замаскированные мнимой праведностью) одеждѣ, а внутри суть волки хищные. По плодамъ ихъ (смуты, ереси, расколы, революціи, перевороты) узнаете ихъ“ (Мѡ. 7, 15-16).

Помня это пророчество Господа Иисуса Христа, Апостоль, „возвѣщая Іудеямъ и Еллинамъ покаяніе предъ Богомъ и вѣру въ Господа нашего Иисуса Христа... пославъ въ Ефесъ... призвалъ пресвитеровъ церкви. И, когда они пришли къ нему, онъ сказалъ имъ: ... итакъ внимайте себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ Святой поставилъ васъ блюстителями, пасти церковь Господа и Бога, которую Онъ приобрѣлъ Себѣ кровію Своею“ (Исаія 53,12; Іоан. 21, 15; 1 Петр. 5, 2; Рим. 3, 25).

„Ибо я знаю, что, по отшествіи моемъ, войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада“ (Матѡ. 7, 15; 2 Петр. 2, 4).

„И изъ васъ самихъ возстанутъ люди, которые будутъ говорить превратно (перевирая тексты и смыслъ св. Писанія), дабы увлечь учениковъ за собою. Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами училъ каждого изъ васъ“ (Матѡ. 25, 13; Евр. 13, 17; Дѣян. 20, 17-31).

Эти словесные „волки“, увлекающіе учениковъ за собою, превращающіе слово Божіе, суть—еретики, а вся ихъ богоненавистническая, антицерковная работа по измѣненію и искаженію правильного церковнаго ученія называется ересью (см. 2 Петр. 1; 1 Тим. 1, 6-7; 1 Іоан. 2, 19; Апок. 2, 14-15; 1 Тим. 6, 20; Гал. 2, 4; Тим. 3, 10; Дѣян. 8, 9-10 и др.).

Недолгое время церковь Христова въ Іерусалимѣ была въ полной изоляціи, т. е. въ томъ состояніи, что „изъ постороннихъ (не крещенныхъ во Имя Отца и Сына и Святаго Духа) (Мѡ. 28, 19) никто не смѣлъ пристать къ нимъ (церковнымъ людямъ) и народъ прославлялъ ихъ. Вѣрующихъ же болѣе и болѣе присоединялось къ Господу, множество мужчинъ и женщинъ“... (Дѣян. 5. 13-14).

По мѣрѣ же охлажденія перваго жара прозелитизма

постепенно стала исчезать твердая грань между „призванными Иисусомъ Христомъ“ (Рим. 1, 6) и преданными „превратному уму“ (ст. 28).

Несмотря на всѣ (въ началѣ) церковныя, а потомъ и государственныя мѣропріятія къ рѣшительному разобращенію первыхъ отъ вторыхъ всегда оставалось мѣсто болѣе или менѣе свободному теченію идей изъ одной области въ другую и обратно. Пришедшіе въ церковь изъ іудейства стремились слить христіанство съ іудействомъ, подчинивъ первое послѣднему; пришедшіе же изъ язычества желали примирить христіанство съ языческимъ религіознымъ міровоззрѣніемъ. Вслѣдствіе этого стали возникать ереси: іудействующихъ, язычествующихъ и непріемлющихъ главнаго догмата христіанства о троичности лицъ Божества. Еретики на первыхъ порахъ и сами не замѣчали, что они недостаточно постигли смыслъ требованій христіанства и вслѣдствіе этого, а также и непреодолимой въ себѣ гордости (1 Тим. 6, 3), увлеченія языческимъ знаніемъ (гносисъ), особенно философіею (Кол. 2, 8);—разнузданности наслѣдственной и благопріобрѣтенной (Рим. 16, 17, 18) и подталкиванія, смущенія со стороны сатаны (Рим. 16, 20) стали ревновать по Богѣ, но не по разсужденію (Рим. 10, 2).

И „не разумѣя праведности Божіей и усиливаясь поставить собственную праведность, они (еретики) не покорились праведности Божіей“ (Рим. 10, 2-3). Такъ, пришедшіе изъ іудейства и называвшіеся евѣонитами— бѣдными и по крещеніи считали необходимымъ соблюденіе Моисеева обрядоваго закона; отвергали Божественное существо Иисуса Христа, признавая Его простымъ, обыкновеннымъ человѣкомъ, получившимъ Божественную силу при крещеніи, и видѣли въ Немъ пророка, вродѣ Моисея, пришедшаго основать новое іудейское всемірное царство.

Забыли іудействующіе, что „конецъ закона — Христосъ, къ праведности всякаго вѣрующаго“... (Рим. 10, 4); что не черезъ дѣла закона (обрѣзаніе, субботу, новомѣсячія, жертвы и др. подобнаго рода безчисленные ветхозавѣтные чины), а черезъ наставленія въ вѣрѣ (Дѣян. 2, 38; 10, 43) они получили въ свое время Духа“... (Гал.

3, 2). „Должно обратить вниманіе, говорить блаж. Іеронимъ, на то, что Апостолъ не просто сказалъ: отъ дѣлъ, но съ прибавленіемъ: *отъ дѣлъ закона*, ибо знаемъ, что Корнилій сотникъ пріялъ Духа не безъ дѣлъ (разумѣемъ—молитвы и милостыни, взошедшія предъ Бога) но не отъ дѣлъ закона, котораго не зналъ“.

„Надобно знать, пишетъ блаж. Августинъ, что дѣлъ закона есть два рода: священнодѣйствія и таинство и нравственныя дѣянія. Къ священнодѣйствіямъ относятся обрѣзаніе, суббота, новомѣсячія, жертвы и всѣ подобнаго рода безчисленные церковныя чины. Къ нравственнымъ дѣяніямъ: не убій, не прелюбы сотвори, не лжесвидѣтельствуй (Исх. 20, 13-16). Здѣсь Апостолъ говоритъ о священнодѣйствіяхъ“.

Такимъ образомъ, іудействующіе въ корнѣ подсѣкали христіанство, отвергая догматъ объ искупленіи чело-вѣчества Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.

Всѣ послѣдующія ереси іудействующаго направленія нашего времени („церковь адвентистскихъ христіанъ“; „церковь евангелическихъ адвентистовъ“; „общество жизни и Второго пришествія“; „церковь Бога во Христѣ, или адвентисты грядущаго вѣка“; „адвентисты 7 дня“—толкъ особенно близкій къ іудейству и пр. пр. ереси) имѣютъ ту общую черту, что, не отвергая совершенно Божественнаго высшаго начала во Христѣ, понимаютъ это Божественное по своему: „божественность въ лицѣ Іисуса Христа у нихъ является чѣмъ-то внѣшнимъ, случайнымъ“.

ГЛАВА XIV.

Еретики язычествующіе.

Этому двоевѣрію подвержены и еретики язычествующіе, иначе называющіеся гностиками, (получившіе такое наименованіе отъ притязанія на „высшее знаніе“: отъ Симона волхва до Е. П. Блаватской и Анны Бевантъ включительно).

Принявъ христіанство за обычную, одну изъ восточныхъ чело-вѣческихъ религій, приставъ къ обществу учениковъ Христовыхъ больше изъ любознанія, чѣмъ изъ желанія спастись вѣрою въ Сына Божія, нѣкоторые ученые

язычники, не удовлетворяясь библейскимъ изложеніемъ ученія о сотвореніи міра всемогущею волею „Бога Отца, Вседержителя, Творца видимымъ же всѣмъ и невидимымъ“, пришли къ тому заключенію, что все твореніе — дѣло двухъ началъ: добраго и злого, состоящихъ въ постоянной борьбѣ между собою. Видимый міръ почитали они твореніемъ духа тьмы („злого бога“); почему душа человека (твореніе „добраго бога“) должна постоянно бороться съ матеріею, или плотью. Эта система лжеученія гностиковъ схематически сохраняется во всѣхъ современныхъ тайныхъ обществахъ до теософическихъ включительно и сводится къ слѣдующему: „от Бога, источника или полноты бытія исходятъ, какъ солнечные лучи, второстепенныя силы, одаренныя творчествомъ, которыя слабѣютъ по мѣрѣ того, какъ онѣ удаляются отъ источника. Эти силы они наименовали эонами, и учили, что самый слабый изъ нихъ сотворилъ видимый міръ, въ которомъ происходитъ постоянная борьба добра и зла, свѣта и тьмы. Божество рѣшилось послать для спасенія міра лучшаго и высшаго эона, который одинъ могъ освободить міръ отъ зла и тьмы. Таковымъ эономъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ гностиковъ, былъ Іисусъ Христосъ. Гностическія системы стали развиваться уже во времена апостольскія (I вѣка).

Таковы: симоніане, получившіе свое имя отъ іудея Симона волхва, о которомъ въ кн. Дѣяній Апостоловъ читаемъ: „Находился же въ городѣ нѣкоторый мужъ, именемъ Симонъ, который передъ тѣмъ (какъ ап. Филиппъ пришелъ въ городъ Самарійскій) волхвовалъ и изумлялъ народъ Самарійскій, выдавая себя за кого то великаго. Ему внимали всѣ, отъ малаго до большого, говоря: сей есть великая сила Божія (8 гл. 9-10 ст. ст.) т. е. „высшій эон“.

У Симона были ученики, одинъ изъ которыхъ, по имени Менадръ, выдавалъ себя за Духа Святаго и обѣщалъ безсмертіе вѣрующимъ въ него.

Изъ представителей гностическаго воззрѣнія II вѣка извѣстны Василидъ, сиріецъ, и Валентинъ, іудей изъ Александріи—начальники василидіанъ и валентиніанъ.

Гностики, считавшіе себя христіанами, отвергали въ

то же время воскресеніе тѣла и имѣли смутное представленіе о природѣ Іисуса Христа: одни отвергали Его человѣчность, другіе же—Его Божественность, на томъ основаніи, что Сынъ Божій, будто бы, не могъ принять плоть человѣческую, которая есть зло.

Гностикъ Керинфъ съ послѣдователями его утверждали, что Іисусъ былъ простой человѣкъ, что Духъ Божій сошелъ на Него при Его крещеніи и отлетѣлъ предъ страданіями. Другіе—докеты учили, что воплощеніе Іисуса Христа было призрачное, какъ и страданіе Его: Онъ только казался страждущимъ. Особенно сильно обличалъ докетовъ гностиковъ Апостоль Іоаннъ Богословъ: „кто лжецъ, говорилъ онъ, если не тотъ, кто отвергаетъ, что Іисусъ есть Христосъ. Это, антихристъ отвергающій Отца и Сына. Всякій, отвергающій Сына, не имѣетъ и Отца; а исповѣдующій Сына имѣетъ и Отца“ (1 Иоан. 2, 22-23). Своимъ Богодухновеннымъ взоромъ онъ пророчески узрѣлъ въ гностикахъ—предтечъ антихриста. Объ этомъ онъ въ 4 главѣ своего перваго соборнаго посланія писалъ такъ: „Возлюбленные, не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они, потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ“. (Мѡ 7, 15; Откр. 2, 2).

„Духа Божія (и духа заблужденія) узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога“.

„А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста, о которомъ вы слышали, что онъ придетъ и теперь (дух антихриста) есть уже въ мірѣ“. (1 Иоан. 2, 22; 1 Кор. 12, 3; 1 Иоан. 4, 1-3).

Гностическія, бѣсовскія ученія (1 Тим. 4, 1), чрезъ лицемѣріе, лжесловесниковъ, сожженныхъ въ совѣсти своей, запрещающихъ вступать въ бракъ и употреблять въ пищу то, что Богъ сотворилъ—послужили поводомъ къ появленію секты николаитовъ, учившихъ, что такъ какъ спасеніе даровано Христомъ, то люди освобождены отъ закона и не грѣшатъ что бы они ни дѣлали; на этомъ основаніи они любодѣйствовали.

Св. Апостоль Іоаннъ въ своемъ Апокалипсисѣ въ

2 гл. 14 ст. такъ говоритъ о николаитахъ, обращаясь къ Ангелу Пергамской церкви: „имѣю немного противъ тебя, потому что есть у тебя тамъ держащіеся ученія (древняго) Валаама, который научилъ Валака ввести въ соблазнъ сыновъ израилевыхъ, чтобы они вѣли идоложертвенное и любодѣйствовали. Такъ у тебя есть держащіеся ученія Николаитовъ, которое Я ненавижу. Покайся; а если не такъ, скоро приду къ тебѣ, и сражусь съ ними мечемъ устъ Моихъ“. (Исаія 11, 4; 2 Фесс. 2, 8; Откр. 1, 16;—2, 12-16).

Въ противоположность николаитамъ, одинъ изъ учениковъ св. Іустина философа—Таціанъ, уклонившись въ гностицизмъ, началъ проповѣдывать особенно строгій аскетизмъ, запрещая употребленіе вина („то, что Богъ сотворилъ“) даже въ св. евхаристіи. Въ исторіи церкви эта секта именуется энкратитами—идропарастами (употребляющими одну воду).

На Западъ гностицизмъ переноситъ Маркіонъ (II в.) Онъ не просто заимствовалъ и подражалъ, а по своему развилъ гностическое ученіе. По его системѣ „Богъ не въ состояніи былъ спасти человѣчество отъ порабощенія его зломъ до тѣхъ поръ, пока самъ не сошелъ на землю и не принялъ призрачное тѣло, пока не открылъ себя людямъ, какъ Богъ благодати и любви“.

Когда онъ увлекся гностическимъ образомъ мыслей, то по преданію, самъ отецъ отлучилъ его отъ церкви.

Около 150 г. Маркіонъ пришелъ въ Римъ, познакомился здѣсь съ гностикомъ Кердономъ, пришедшимъ изъ Сиріи, и, при его помощи, окончательно развилъ здѣсь свою гностическую систему. У него нѣтъ уже эоновъ. Но дуализмъ тотъ же, что и у всѣхъ гностиковъ: съ одной стороны: Благой Богъ, съ другой—матерія съ ея властителемъ, сатаною. Въмѣсто эоновъ—„творцевъ міра“ у Маркіона есть среднее между двумя первыми началами существо—Богъ справедливый, диміургъ, дѣйствовавшій въ Вѣтхомъ Завѣтѣ. При всѣхъ своихъ усиліяхъ спасти человѣчество отъ порабощенія матеріи, послѣдній не могъ ничего сдѣлать до тѣхъ поръ, пока Самъ Благой Богъ не сошелъ на землю и, принявши призрач-

ное тѣло, не открылъ себя людям, какъ Богъ благодати и любви. Общество, основанное Маркіономъ, было многочисленнѣе другихъ обществъ сирійскаго гносиса.

ГЛАВА XV.

Манихейство.

На смѣну и въ развитіе этихъ гностическихъ системъ въ началѣ III в. является новое ученіе, представляющее въ себѣ смѣсь христіанскаго ученія съ началами религіи Зороастра. Это—персидское манихейство.

Національная персидская династія сассанидовъ, смѣнившая въ 227 г. парѣянскую династію арзакидовъ, до того времени властвовавшую въ Персіи, задумала возстановить древнюю отечественную религію Зороастра во всей ея чистотѣ. Но среди персидскихъ маговъ произошло раздѣленіе: одни изъ нихъ измѣнили нѣсколько древній дуализмъ, подчинивъ Ормузда и Аримана, т. е. доброе и злое начало одному Верховному Существу; другіе, напротивъ, составили партію „старовѣровъ—магусеевъ“. Одинъ изъ послѣднихъ—Манесъ задумалъ сліяніе (синтезъ) христіанства съ дуалистическою религіею Зороастра, находя сходство между ними.

Для сего Манесъ принялъ было христіанство и даже былъ пресвитеромъ въ Агвацѣ, но былъ отлученъ отъ церкви за свой персидскій дуализмъ.

При дворѣ персидскаго царя Сапора I онъ пріобрѣтаетъ благосклонность; но, по проискамъ противной партіи маговъ, около 270 г., онъ принужденъ былъ бѣжать въ Индію. Здѣсь онъ пишетъ „Ертенки-Мани“—манихейское евангеліе, представляющее собою смѣсь гностическихъ ученій съ библейскимъ, перепутаннымъ и искаженнымъ до неузнаваемости. Вотъ, нѣкоторыя черты сего ученія.

„Отъ вѣчности существуютъ два царства: царство духа—добра и свѣта и царство матеріи—зла и мрака... Элементами перваго являются: огонь, воздухъ, свѣтъ, вода и земля,—второго: буря, тина, туманъ, дымъ и безсвѣтный жаръ. Въ первомъ царствуетъ Богъ, во второмъ злой демонъ; перваго окружаютъ двѣнадцать, истекшихъ изъ него, чистыхъ духовъ—эоновъ, второго—духи тьмы,

состоящіе въ постоянной враждѣ и между собою и съ первымъ царствомъ.

Для защиты своего царства Отецъ свѣта произвелъ изъ себя эона—Матерь жизни; послѣдній, въ свою очередь, производитъ—Перваго Человѣка — Христа, Иисуса, Слово, Сына Божія. Первый человѣкъ съ пятью чистыми стихіями выступаетъ на борьбу съ демонами, но демоны овладѣваютъ частію его свѣтлаго существа. Отецъ Свѣта въ помощь ему производитъ еще эона—Животворящаго Духа, освобождающаго отъ опасности непоглотенную еще царствомъ тьмы часть Перваго Человѣка и помѣщаетъ ее въ солнце. Эта часть эона есть безстрастный Иисусъ, Сынъ Человѣческій, часть же, поглощенная царствомъ тьмы, есть страждущій — Иисусъ, страждущій Сынъ Человѣческій. Такимъ образомъ, чрезъ страждущаго Иисуса, въ срединѣ между двумя царствами, происходитъ смѣшеніе свѣтлой матеріи съ матеріею тьмы. Страждущій Иисусъ дѣлается „душею міра“, — при помощи Животворящаго Духа, онъ образуетъ видимый міръ, въ которомъ перемѣшано духовное съ матеріальнымъ. Но свѣтовая матерія стремится къ освобожденію отъ узъ матеріи тьмы, чему помогаетъ и безстрастный Иисусъ —въ солнцѣ, притягивая ее къ себѣ, и Животворящій Духъ, носящійся въ эфирѣ, очищая ее и препровождая въ солнце. Сатана замѣчаетъ освобожденіе страждущаго Иисуса, и чтобы положить этому конецъ, предлагаетъ своимъ духамъ собрать всѣ, имѣющіяся въ царствѣ тьмы, частицы свѣта въ одно мѣсто и заключить ихъ въ матерію. Дѣйствительно, демоны собранныя частицы представляютъ сатанѣ, послѣдній, облекши ихъ въ матерію, творитъ человѣка, по образу Перваго Человѣка — эона, красотою котораго онъ былъ пораженъ.

Частицы свѣта, сосредоточенныя въ одномъ мѣстѣ, въ человѣкѣ, составляютъ его разумную душу. Чтобы послѣдняя не узнала о своемъ духовномъ происхожденіи, сатана запрещаетъ человѣку вкушать отъ древа познанія. Но безстрастный Иисусъ, явившись на землю въ образѣ змія, научаетъ его вкусить отъ древа познанія, и человѣкъ узнаетъ, такимъ образомъ, о своемъ проис-

хожденіи. Чтобы затмить это сознаніе, сатана задумалъ раздробить разумную душу человѣка.

Изъ матеріи и оставшихся еще небольшихъ частей свѣта онъ создаетъ жену, въ которой, по незначительности свѣта, беретъ перевѣсъ матерія, чувственность. Отъ брачнаго союза съ нею у человѣка рождаются дѣти; при этомъ разумная душа, раздѣляясь по отдѣльнымъ личностямъ, дробится на мелкія частицы, которыя удобно удерживаются въ матеріальныхъ тѣлахъ, какъ въ темницахъ“. Царство тьмы, т. о., совершенно овладѣло духовною природою и посредствомъ ложныхъ религій—іудейства и язычества—продолжало поддерживать свое обладаніе надъ погибающими.

Но, вотъ, „для освобожденія своей страждущей половины безстрастный Иисусъ сходитъ съ солнца на землю, принимаетъ только видъ человѣка — Христа (докетизмъ), обращается съ людьми, открываетъ имъ объ ихъ духовномъ происхожденіи, и научаетъ, какъ освободиться отъ матеріи. Ученики Христа, какъ люди, въ которыхъ матерія взяла перевѣсъ надъ духомъ, извратили его ученіе. (Общесектантское убѣжденіе, что христіанство „испорчено — извращено“).

Предвидя это, Христосъ обѣщался послѣ себя послать въ міръ параклита — Духа Утѣшителя, чтобы онъ очистилъ¹⁾ его ученіе отъ всякой примѣси чувственности, продолжилъ и исполнилъ Его дѣло. Параклитъ, дѣйствительно, явился въ лицѣ Манеса и открылъ Царство Божіе.

Теперь душа міра, *узнавшая* вполне о своемъ происхожденіи, при помощи Духа, обитающаго въ воздухѣ, *освобождается* отъ оковъ матеріи, впрочемъ только въ одномъ человѣкѣ, такъ какъ въ немъ только она дошла до самосознанія...

Послѣднимъ актомъ міровой жизни, по системѣ Манеса, какъ и по системѣ гностиковъ, будетъ возстановленіе первоначальнаго дуализма, когда этотъ видимый міръ сгоритъ, и міровая душа возвратится къ своему источнику.

¹⁾ Вотъ, откуда „исправители“ „испорченнаго“ христіанства.

Сатана съ своимъ царствомъ будетъ уже безсиленъ тогда“.

Хотя противъ этой секты издавались строгіе законы, но она не уничтожалась, скрываясь на время, она затѣмъ снова являлась, хотя и подъ другими наименованіями.

ГЛАВА XVI.

Ересь Антитринитаріевъ.

Слѣдя за произрастаніемъ „древа познанія добра и зла“, мы видѣли, что ереси евіонитовъ, гностиковъ и манихеевъ были дѣтищемъ смѣшенія христіанства съ іудействомъ, греческою философіею и персидскою религіею Зороастра и создавались скорѣе на почвѣ полуіудейской или полуязыческой.

Но съ теченіемъ времени и увеличеніемъ въ христіанской средѣ количества „лжебратій“ (Гал. 2, 4; 2 Кор. 11, 26;) ограниченный человѣческій умъ дерзнулъ уяснить и постигать безъ пособія вѣры Богооткровенное ученіе, составляющее тайну для человѣка и принимаемое только вѣрою. Результатомъ сего явилась ересь антитринитаріевъ или монархіанъ.

Къ появленію въ церковномъ просвѣщеніи научнаго направленія Церковь отнеслась довѣрчиво и благосклонно. Разумное отношеніе къ вѣроученію всегда было желательнымъ. При пособіи разума, христіанское вѣроученіе облекалось въ систему, болѣе доступную широкимъ массамъ.

Благодаря системѣ оно не столько развивалось, а скорѣе уяснялось точнѣе и опредѣленнѣе въ сознаніи вѣрующихъ и предохранялось отъ примѣси суевѣрій и предразсудковъ времени, мѣста и народности, принявшей христіанскую вѣру.

Но, допуская участіе разума въ дѣлѣ религіи, церковь всегда слѣдила за тѣмъ, чтобы онъ ограничивался извѣстною, свойственною ему областію, не касаясь глубинъ вѣры, чтобы, въ случаѣ, безъ свѣта вѣры, не довести до искаженія, до ереси, вѣроученія.

Но, увы, послушаніе церкви еще далеко не всѣмъ понятно. Не всѣ христіане сознаютъ, что безъ послушанія нѣтъ и служенія Богу.

Ересь антитринитаріевъ своимъ появленіемъ въ церкви свидѣтельствуешь, что не всѣ члены церкви остались послушными и соблюли экономію въ дѣлѣ религіи, предоставивъ разуму, въ ущербъ вѣрѣ, исключительное значеніе.

Ученіе о Единомъ Богѣ не только въ іудействѣ, но и въ христіанствѣ является главнымъ догматомъ. Но въ христіанствѣ, какъ религіи совершеннѣйшей, какъ религіи полноты (Рим. 11, 2; Гал. 4, 4; Еф. 1, 23; Кол. 1, 19; 2, 9), этотъ догматъ раскрытъ полнѣе, чѣмъ въ іудействѣ; именно, христіанство предлагаетъ міру раскрытіе ученія объ Единствѣ—въ Трехъ лицахъ. (О „Тройческомъ Единствѣ“ и священной тайнѣ).

Для вѣрующаго разума вполне достаточно того, что это ученіе церковь содержала съ самыхъ первыхъ дней своего бытія и именно такъ, какъ оно заключается въ Откровеніи Самого Бога, записаннаго пророками и апостолами.

Правда, прикровенно, но записано въ Быт. 1, 26; Числ. 6, 24-26; Псал. 32, 6; 44, 8; 109, 1; Притч. 8-9 гл.. Исаія 48, 16; Дан. 7, 14 и др. Яснѣе всѣхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ говорилъ пророкъ Исаія, почему и зовется „ветхозавѣтнымъ евангелистомъ“.

Онъ въ 63 гл. 9-10 ст. пишетъ: „во всякой скорби Богъ не оставлялъ (евреевъ) и Ангелъ Лица Его спасалъ ихъ... Но они возмутились и огорчили Святаго Духа Его“. (Малах. 3, 1; Аггей 2, 7).

На основаніи сего ученія, открытаго черезъ пророковъ, церковь изображаетъ съ древнихъ поръ: 1) „Ветхаго днями“ (Дан. 7, 9); 2) „Сына—“ „Мужа, засвидѣтельствованнаго... отъ Бога силами и чудесами и знаменіями, которыя Богъ сотворилъ черезъ Него“... (Дѣян. 2, 22; Гал. 4, 4); „который родился отъ жены, подчинился закону“... (Исаія 7, 14; Іоан. 1, 32); 3) Духа Святаго (Матѳ. 3, 16; Марк. 1, 10; Лук. 3, 21; Іоан. 1, 32). Но, какъ и прежде, так и нынѣ находятся люди, для которыхъ простая вѣра въ откровеніе о Святой Троицѣ кажется недостаточной.

Эти люди пытаются подвергнуть научному разъясненію сей догматъ вѣры, низводя т. о. Богооткровенное

ученіе на степень обыкновеннаго предмета для разсужденія. Поставляя вопросъ, какъ одинъ Богъ можетъ быть въ Трехъ Лицахъ, они находятъ, что допущеніе единства и троичности въ Богѣ въ одно и то же время есть само въ себѣ противорѣчіе „не допускаемое требованіями разума; почему и приходятъ къ признанію только единства въ Богѣ и отрицанію въ Немъ троичности (противу—троичники—монархіане, допускающіе въ Богѣ единое Лицо).

По различію взглядовъ этихъ еретиковъ на Лица въ Богѣ, или какъ на *силы* Его, или какъ на *форму* Его проявленія, они дѣлятся нѣ динамистовъ и модалистовъ. По ученію динамистовъ, Второе Лицо—Иисусъ Христосъ—есть орудіе Бога—сила, посредствомъ Которой Онъ проявляетъ Себя въ мірѣ; въ дальнѣйшемъ сходно съ евіонитами.

По ученію модалистовъ, въ Лицахъ Св. Троицы нужно видѣть форму или образы, въ которыхъ оно открывается міру.

Вообще ересь антитринитаріевъ представила собою слабую попытку разума низвести откровенное ученіе на степень обыкновеннаго умозрѣнія. Но важенъ примѣръ—прецедентъ, т. е. этап...

Дальнѣйшія посягательства разума человѣческаго съ каждымъ этапомъ становились все дерзостнѣе и вторгались въ то, чего ни понять, ни доказать они не могли.

Однимъ изъ яркихъ тому примѣровъ можетъ служить пресловутая „теософія“, дерзающая не только в параллель, но и въ отмѣну Откровенія Божественнаго навязать человѣчеству—свое „сверхчувственное познаніе міра и назначенія человѣка“.

ГЛАВА XVII.

Предтечи теософій.

Даже изъ краткаго обзора ересей и лжеученій II и III в. в. видно, что въ появленіи еретиковъ, этихъ предтечъ „теософій“, искажавшихъ божественное ученіе Православной Христіанской церкви, чувствуется какая то послѣдовательность и даже система, исходящія как будто изъ какого то одного общаго начала.

„Смотрите, братія, чтобы кто не увлекъ васъ философією и пустымъ обольщеніємъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу: ибо въ Немъ обитаетъ вся Полнота Божества тѣлесно, и вы имѣете полноту въ Немъ, Который есть глава всякаго начальства и власти“, предупреждалъ пророчески христіанъ во второй половинѣ I вѣка Св. Апостоль Павелъ.

Грубое язычество съ его „богами“ не страшно было юной церкви Христовой, когда „у всѣхъ вѣрующихъ было одно сердце, одна душа, и все у нихъ (христіанъ—въ церкви) было общее“ (Дѣян. 4, 32). Серьезнѣе стало положеніе церкви послѣ временъ апостольскихъ. Съ одной стороны, постепенно остывалъ тотъ пылъ прозелитства церкви Христовой, который всепокоряюще и все собою въ жизни и поведеніи людей опредѣляюще являлъ себя въ обществахъ вѣрующихъ, а, съ другой стороны, какъ бы по мановенію какой-то невидимой руки, философы неоплатонической школы, строя свою систему на началахъ греческой философіи, особенно Платона, Пифагора и Аристотеля, берутъ подъ свое покровительство и религіозныя вѣрованія язычниковъ, сообщая имъ философскій смыслъ, одухотворяя, такъ сказать, грубыя, чувственные формы языческой религіи, объясняя все иносказательно. Языческіе боги, напр., являются не дѣйствительными существами, какъ вѣровали язычники, а простыми олицетвореніями идеи Верховнаго Существа, понятіе о которомъ выработано Платономъ. Языческіе мудрецы—Сократъ, Платонъ, Пифагоръ, Аполлоній Тіанскій и др. являются не простыми представителями философскаго движенія человѣческой мысли, но мужами „посвященными“ и провозвѣстниками „божественныхъ идей“ въ мірѣ. Нѣкоторые изъ этихъ мудрецовъ выставляются даже „чудотворцами“, напр., Пифагоръ, Аполлоній Тіанскій.

Подъ вліяніемъ неоплатонизма язычество оживаетъ, появляется направленіе крайне-неопредѣленное, слѣдующее которому, каждый могъ составлять „свою вѣру“. Это направленіе извѣстно въ наукѣ подъ ситемой религіозно-философскаго эклектизма. Эклектическаго образа мыслей въ религіи держались даже нѣкоторые римскіе императо-

ры: Геліогабалъ, Александръ Северъ, Филиппъ Аравитянинъ, Констанцій Хлоръ. Но если эти государи вступили въ общество неоплатониковъ, какъ люди, искавшіе себѣ правильныхъ религіозныхъ понятій, то они всетаки не считали нужнымъ вооружаться противъ христіанства, несмотря на то, что ихъ „просвѣтителѣ“ не оставили его въ покоѣ.

Имѣя въ виду основную задачу своей системы—дать обществу религію, хотя составленную изъ тѣхъ же религіозныхъ системъ (теософическія общества и въ наше время продолжаютъ это дѣло неоплатониковъ въ различныхъ корпораціяхъ, именуемыхъ «масонскими ложами»), но очищенную отъ грубаго матеріализма философскими воззрѣніями, религію, по ихъ понятію, совершенную, они относились непріязненно къ христіанству, которое не дѣлало никакой уступки въ пользу ихъ системы, попрежнему оставалось (и остается) единственно истинною религіею въ мірѣ, религіею Божественною, безъ всякаго сліянія съ языческими религіями и философіею; а это и противно желаніямъ неоплатониковъ (даже до сего дня), стремящихся преобразовать его въ свою систему. Отсюда, естественно, происходятъ нападенія неоплатониковъ на христіанство.

ГЛАВА XVIII.

Единый фронтъ.

Не нужно быть ученымъ обозрѣвателемъ для того, чтобы видѣть, что современный укладъ жизни слагается подъ знаменемъ богоборчества.

Культъ собственной личности („только—я“) преобладаетъ у современнаго „средняго человѣка“ надъ священнымъ авторитетомъ отца, матери, старшихъ, праведниковъ и заглушилъ въ его душѣ всякую почтительность къ высшимъ себѣ, къ такимъ лицамъ, о которыхъ онъ не можетъ не знать, что „они обрѣли благодать предъ очами Господа Бога“. Обличаемый, наставляемый и укоряемый прежде отцемъ, матерію, воспитателемъ, нарушитель закона и порядка, теперь самъ обличаетъ, злобно смѣется надъ нераздѣляющими съ нимъ его заблужденій, а если попадетъ въ его руки власть (къ которой онъ стре-

мится отъ юности своей), то онъ расправляется съ несогласными съ нимъ „по своему“. Посмотрите на коммунистическую и соперничающія съ ней политическія партіи. Обратите ваше вниманіе на партійную печать. Я думаю, здѣсь иллюстрацій (примѣровъ) требуется меньше всего. Всему въ ней есть оправданіе, всему есть защита. Одна только церковь и ея служители (т. е. обличители пороковъ по самому своему призванію) не имѣютъ пощады въ современной партійной печати.

Всѣмъ возможно впасть въ преступленіе, въ ошибку во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни, и всякій можетъ найти въ современной печати оправданіе, свой *raison d'être* — печальнымъ исключеніемъ пользуются только лишь „врагъ“, т. е. инакомыслящій, и всегда православная церковь и ея служители. Здѣсь имъ оправданія не полагается, Наоборотъ, самая ничтожная ошибка, самое малѣйшее уклоненіе отъ правилъ въ сторону какого-либо изъ жизненныхъ увлеченій, часто — простая обмолвка, раздуваются до геркулесовыхъ столбовъ.

И во всемъ этомъ цѣль одна: чтобы побольше набиралось въ богоборческомъ лагерѣ партій и сектъ такихъ довѣрчивыхъ, неумѣющихъ разсуждать, не твердыхъ умомъ, людей, которые ради чужого грѣха, хотя бы кого и изъ служителей православной церкви, или ея вѣрныхъ сыновъ и дочерей, не состоящихъ въ партіи, господствующей въ странѣ, отходили отъ Матери Церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ Господа нашего Иисуса Христа, стоящаго во главѣ Церкви (Еф. 5, 23); отрекались отъ этого недоступнаго дьявольской силѣ оплота, который единственно только лишь одинъ во всемъ мірѣ, во всей вселенной, являетъ собою надежнѣйшую защиту и вѣрнѣйшее убѣжище отъ козней сатаны (Лук. 22, 31): — лжи и полуистинъ. Этимъ же несчастнымъ, уловленнымъ въ сѣти лжи сплетеній, закрываются духовныя очи къ уразумѣнію всей нелѣпости мотива обреченія на гибель своей души, ради прегрѣшенія другого, такого же, какъ онъ, члена Христовой церкви и, — какъ священнослужителя и сына церкви, значительно чаще своихъ судей имѣющаго возможность обратиться къ Господу и испро-

силь у Него прощенія,— несомнѣнно уже раскаявшагося и оправданнаго“.

Посмотрите на литературу съ „проблесками гуманной научности“. Все здѣсь направлено къ борьбѣ съ религіозными началами, съ вѣрою отцовъ. Эта борьба ведется опредѣленно, систематично, послѣдовательно, вытравляя въ человѣческой душѣ безъ малѣйшаго остатка все, что такъ или иначе можетъ въ грядущемъ (будущемъ) побудить человѣка возвратиться къ выброшеннымъ („за борть жизни“) идеаламъ вѣры.

Знаменательно то, что всю эту ужасную (по своимъ конечнымъ результатамъ) сатанинскую работу дѣлають люди, за небольшимъ исключеніемъ („посвященныхъ“), совершенно не сознающіе того, что они дѣлають, и не дающіе себѣ отчета въ конечныхъ результатахъ своей дѣятельности, а „такъ“, двигаясь, какъ будто, по общему теченію, слѣдуя какой-то одной роковой *модѣ* и „духу времени“. Односторонность, пристрастность, предзанятая идея—вотъ что характерно для злополучной „гуманной научности“ и литературы.

Западное вліяніе.

Въ этомъ „направленіи“ повинна отчасти нѣмецкая идеалистическая философія и прежде всего философія Гегеля. Это она шла на встрѣчу потребности „найти общее въ исторіи, найти разумъ въ хаосѣ ея явленій“. Въ свое время гегельянство было господствующимъ надъ умами въ рядахъ русскихъ писателей. Оно строило грандіозную систему, создававшую изъ всей человѣческой исторіи колоссальную драму, трактовавшую единство всемірно-историческаго развитія. Въ извѣстныхъ кругахъ создавалась особая духовная атмосфера и специфическіе навыки мысли. Наблюдалось постоянное стремленіе объяснять данную совокупность историческихъ событій раскрытіемъ извѣстнаго, за ними лежащаго принципа, при чемъ его собственное содержаніе оставалось въ полной неопредѣленности. Однимъ изъ наиболѣе часто примѣнявшихся такихъ принциповъ былъ „народный духъ“.

Съ точки зрѣнія этой-то предзанятой народнической идеи на всякое сектантство смотрѣли, какъ на продуктъ

самостоятельной творческой дѣятельности, „духа народнаго“, какъ на выраженіе того процесса творческой дѣятельности, который незримо совершается въ тайникахъ „народнаго духа“ и служить ручательствомъ самостоятельнаго, самобытнаго развитія народа. Послѣдователи такого направленія въ сектантствѣ увидѣли подтвержденіе своей предзанятой идеи, почему и признали это явленіе— „свѣтлымъ, симпатичнымъ“.

„Нашъ Гротъ, воспитанный на Гартманъ, Шопенгауеръ, Дюрингъ, Контъ, Спенсеръ, Съченовъ, по собственному признанію, былъ втеченіе 10 лѣтъ позитивистомъ ex professo, ради „духа времени“, и велъ, по выраженію Фохта, двойную бухгалтерію души. Въ послѣднее время увлекся философіей Д. Бруно, которая есть типъ пантеизма (всебожія), собраннаго въ свое время эклектически изъ древнихъ философскихъ системъ. Тутъ есть и монада пифагорейцевъ и міровой умъ (нусъ) Анаксагора, идеи Платона, пассивная и активная сила Аристотеля, міровая душа стоиковъ, міровоззрѣніе многихъ изъ древнихъ на происхожденіе зла въ мірѣ, вытекающее изъ признанія двухъ природъ, совѣчно существующихъ: природы Бога и природы матеріи— догмы, проповѣдуемой почтенной древностью: академиками, перипатетиками, стоиками и пр.“

„Много нужно было Гроту придумать гипотезъ (догадокъ, предположеній), чтобы дать этому поэтическому произведенію эпохи возрожденія позитивный („строго научный“) обликъ. Пришлось принимать, что мысль, сознаніе, движеніе, электричество, магнетизмъ и пр. суть проявленія одной міровой силы—духа; допускать превращеніе сознанія въ физическія формы силы, т. е. движенія, и переходъ этихъ послѣднихъ въ сознаніе, не имѣя на то вовсе научныхъ данныхъ, предполагать особую пассивную силу матеріи и ставить ее въ противодѣйствіе силѣ духа, которая является то въ скрытомъ и напряженномъ, то въ активномъ (дѣятельномъ) состояніи; воодушевляетъ всю солнечную систему и вселенную,—а это уже значитъ выходить совершенно за предѣлы индуктивной логики“.

Такая философско-религіозная вавилонская башня

должна, по замыслу ея *строителей*, привести къ синтезу (единству) религію и науку.

Къ тому же стремился и профессоръ философіи Калифорнскаго университета Леконтъ. Его мечтой было также примиреніе эволюціоннаго позитивизма съ религіей. Этого онъ думалъ достигнуть, объясняя явленія природы модусами божественной мысли; а силы природы различными формами всемогущей божественной энергіи или воли; законы же природы суть лишь правильные способы дѣйствія этой воли, неизмѣняемые потому, что самъ Богъ неизмѣняемъ. Природа есть совершенный механизмъ, если ее разсматривать извнѣ, и она есть духъ, если видѣть (черезъ „*око духа*“) изнутри. Для науки—она механизмъ, для теологіи—она вся духъ („жизне-духъ“). Задача теософіи (философіи) примирить эти противоположныя точки зрѣнія. Это примиреніе, насколько оно для насъ возможно, по Леконту, находится въ личной волѣ, имманентной (соприсносущей) въ природѣ и опредѣляющей прямо всѣ ея явленія. Имманентность—безъ пантеизма, и личность—безъ антропоморфизма“. (Д-ръ А. А. Соколовскій—„Современные вопросы жизни“). Рядомъ съ „научными“ работниками и борцами за „свѣтлую идею“ шли религіозные „пророки“, „пророчицы“ и „евангелисты“, „спириты“, „оккультисты“, „теософы“, т. е. попросту—создатели того, что именуется сектантствомъ, 1) извратившимъ понятіе о христіанскомъ эзотеризмѣ, 2) промѣнявшимъ его на эзотеризмъ оккультныхъ, отвлеченныхъ знаній, т. е. другими словами, 3) оклеветавшимъ путь крестнаго сораспятія человѣка во имя Христа, Сына Бога Живаго, Новаго Адама, Начальника Новой Жизни для похотей духа и плоти, и 4) подставившимъ вмѣсто истины воскресенія во плоти „бабіи басни“ о „ре- воплощеніи“ съ его оккультнымъ самоусовершенствованіемъ.

ГЛАВА XIX.

Мода.

Если въ политическомъ мірѣ нынѣ на развалинахъ историческихъ монархій утвердились два режима политическаго властвованія: республиканско-демократическій на

Западъ и совѣтско-большевитскій на Востокъ, то въ области духа въ настоящій моментъ противостоятъ другъ другу: съ одной стороны—Православіе, олицетворяющее неповрежденное ученіе Господа нашего Іисуса Христа (Еф. 2, 15), а съ другой стороны: медленно надвигающаяся на христіанскій міръ мерзость заустѣнія (Матѣ. 24, 15; Дѣян. 9, 27; Марк. 13, 14),—т. е. инославное, раціоналистическое направленіе міровое—черезъ человѣческія ученія дѣлать „всюду незамѣтно, потихоньку“ мерзости, какія дѣлали еще древніе народы (Втор. 18, 9-12) и какія нынѣ становятся „модными“.

Вся эта совокупность беззаконія (2 Тессал. 2, 7) представляетъ ни что иное, какъ „культъ сатаны“.

Съ величайшей пунктуальностью, съ терпѣливой настойчивостью проводится въ жизнь отдѣленіе человѣка отъ всего, *называемаю Богомъ, или святынею* (2 Тессал. 2, 4)—отъ церкви, ея закона, св. иконъ, св. креста, св. мощей, св. таинствъ и пр. святыни...

Наступленіе совершается подъ тѣмъ или другимъ прикрытіемъ,— изъ-за угла, въ тайнѣ (2 Тесс. 2 гл.), по принятой модѣ.

Сначала мѣняется внѣшняя обстановка жизни „согласно модѣ“. Выходить изъ моды мебель, одежда, прическа. Вмѣстѣ съ старинною мебелью выносятся большія, освѣщенные лампадами, старинныя, семейныя божницы. На мѣсто скромной, приличной христіанскѣ одежды являются обнажающія грудь и ягодицы прозрачныя изрѣзанныя ткани, появляются остриженные непокрытыя женскія головы (1 Кор. 11, 6), накрашенныя губы, ногти заостренные, бритыя женоподобныя мужскія лица, модернизированная церковная іерархія, театральное пѣніе въ храмахъ Божіихъ; прекращаются посты церковныя, съ каждымъ днемъ усиливается невѣжество безумныхъ людей (1 Петр. 2, 15); непримѣтнымъ образомъ исчезаетъ изъ христіанскихъ семей Слово Божіе и Евангеліе, а вмѣсто него появляется *свободная* литература и кинематографическія ленты, пьесы, картины съ практическими показательными уроками безбожія, нарушенія клятвы, супружеской вѣрности, потери цѣломудрія, измѣны отечеству, обогащенія на чужой счетъ и посмѣяніе всего святого; опу-

стошается семья, уже переставшая проводить предпраздничные вечера въ храмъ Божіемъ, а замѣнившая всенощныя бдѣнія и обѣдни журъ-фиксами, прогулками, балами и сеансами въ театрахъ, кино и потаенныхъ комнатахъ (Матѣ. 24, 26). Для усыпленія бдительности сначала все совершается, какъ будто въ духѣ церковности: съ молебна, — молитвы—чтенія Библии, а потомъ постепенно, овладѣвъ вниманіемъ и утвердившись въ сознаніи общества, какъ „партія“, „братство“, „организація“, „благотворительное учрежденіе“ и „церковь“ и пр. „лукавнующее“ „творитъ елика хощетъ“...

Такъ совершается „окрадываніе“ и „опутываніе“ души человѣческой сатаною. Окрадывается все: сознаніе, разумъ, вѣра, надежда, любовь, стыдъ, честь, свѣтлыя мысли, побужденія, лучезарный свѣтъ православія. Это эволюціонированіе—т. е. „опутываніе“ нашей жизни совершается тѣмъ быстрѣе, чѣмъ скорѣе внѣдряется въ сознаніе человѣческое, что сатаны—врага человѣческаго, какъ личности—нѣтъ. Для людей грамотныхъ сущность сатаны аннулируетъ (уничтожаетъ), якобы „наука“, а для темной массы и людей средняго развитія—спиритическія, оккультныя и теософическія знанія. Отсюда и потеря „страха Божія“—начала премудрости (Притч. 1, 7). Отсюда и широко отверстыя двери сердца и ума, чрезъ которыя проникаетъ сатана (Матѣ. 12, 43-45), внося съ собой ту страшную заразу ересью, политическимъ сектантствомъ, преступной любознательностью и желаніемъ проникнуть въ завѣсу будущаго, которыя отравляютъ человѣческую жизнь и, отводя отъ церкви, ведутъ людей къ полной гибели.

Это наступленіе сатаны можно наблюдать не только въ теософіи, но и во всѣхъ сектахъ, и расколахъ современности.

Эти формы современнаго богоборчества, при бѣгломъ обзорѣ и первомъ впечатлѣніи, кажутся враждебными одна другой; какъ и всѣ секты и партіи какъ будто враждуютъ между собой, пока дѣло прямо не касается церкви; въ наступленіи же на послѣднюю онѣ тѣсно смыкаютъ свои ряды.

Мода подобно мухѣ, касающейся вездѣ и всего, разноситъ эту духовную заразу по всему тѣлу вселенской Церкви.

ГЛАВА XX.

Еретики II и III в. в.

Какъ далеко пошло отступленіе отъ вѣры въ наши дни, видно изъ того, что даже еретики конца II и начала III вѣковъ относились къ Откровенію Іисуса Христа—Его св. Евангелію съ бѣльшимъ довѣріемъ, чѣмъ нынѣшніе сектанты теософы, отрицающіе Божественность происхожденія Евангелій и вообще откровенія, а слѣдовательно и спасенія человѣчества.

„Ириней говоритъ, что еретики *писанія признаютъ*, но толкованія ихъ извращаютъ и поддѣлываютъ изложенія. Изъ учениковъ гностика Валентина, по свидѣтельству того же Ириней, Маркъ съ своими единомышленниками прилагали къ своимъ бреднямъ объ Эонахъ нѣкоторыя мѣста изъ нашихъ евангелій, другой—Гераклеонъ составлялъ комментарій на евангеліе Луки и Іоанна, гдѣ приводилъ тексты изъ Матѳея съ прибавленіемъ: *по евангелію*; третій—Птоломей указываетъ много мѣстъ изъ евангелія отъ Матѳея и одно изъ Іоанна, присоединивъ: *сказалъ апостолъ*. Объ Апеллесѣ Оригенъ говоритъ, что онъ „очищалъ евангелія“, но не отвергалъ. Наконецъ, припомнимъ и языческаго философа Цельса, хорошо знакомаго съ христіанской письменностью. Изъ многочисленныхъ отрывковъ его сочиненій противъ христіанъ во второй половинѣ II вѣка, сохранившихся у Оригена, видно, что ему были извѣстны всѣ наши 4 Евангелія. Такъ, онъ пишетъ, что „самъ видѣлъ у священниковъ христіанскихъ какія-то варварскія книги, въ коихъ начертаны имена демоновъ и повѣствованія о слѣпыхъ;“ въ другомъ замѣчаетъ, что заимствуетъ возраженія противъ христіанъ изъ собственныхъ ихъ писаній, а Оригенъ, опровергая его, называетъ эти писанія нашими евангеліями, и вообще укоряетъ философа за то, что онъ безъ надлежащаго вниманія читалъ евангелія; въ третьемъ мѣстѣ Цельсъ упоминаетъ, что исторію дѣйствій Іисуса написали именно Его ученики; наконецъ, даже прямо называетъ эти пи-

санія—евангелиемъ,—что показываетъ, что въ его время не только существовали евангелія, но и приведены были въ одинъ составъ или канонъ, такъ какъ критика его касалась одинаково всѣхъ евангелистовъ“. (А. А. Соколовскій „Современные вопросы жизни“ стр. 75-76).

Теософы, подобно коммунистамъ, въ своемъ отступленіи идутъ дальше всѣхъ еретиковъ древности, отрицая Божественность происхожденія христіанскаго откровенія, ибо если Христосъ Іисусъ Спаситель нашъ, по кощунственному суемудрію теософіи,—равень Буддѣ, Магомету и другимъ основателямъ человѣческихъ религій, то Онъ — не Богъ. Если же Онъ не Сынъ Бога Живаго, то и евангеліе Его лишено Божественности происхожденія и не спасаетъ. Къ такому выводу (синтезу) подводитъ своихъ учениковъ теософія.

ГЛАВА XXI.

Позитивизмъ и теософія.

Апостолы теософіи—несомнѣнные рационалисты и позитивисты.

Но, выходя изъ принциповъ французскаго сенсуализма и англійскаго реализма, подобно Огюсту Конту, они, съ одной стороны, признаютъ, какъ, напр., д-ръ Р. Штейнеръ, дѣйствительнымъ только такое знаніе, которое воспринимается въ чувственномъ опытѣ и допускаетъ эмпирическую повѣрку, а съ другой стороны, они принимаютъ и то, что позитивизмъ считаетъ за фикцію и фантазію, а именно, что не можетъ быть разложено на чувственныя ощущенія и не допускаетъ экспериментальной повѣрки.

„Человѣкъ, говоритъ авторъ „Теософіи“, можетъ нѣкоторое время придерживаться мнѣнія, что въ томъ, что даютъ „строго научные факты“ и выводы иного современнаго мыслителя, онъ имѣетъ разрѣшеніе загадокъ бытія. Но когда душа доходитъ до тѣхъ глубинъ, куда она должна войти, если она воистину понимаетъ самое себя, —тогда то, что сначала казалось ей уже рѣшеніемъ, открывается ей лишь какъ побужденіе къ истинному вопросу. И отвѣтъ на этотъ вопросъ не долженъ идти на-

встрѣчу одному лишь человѣческому любопытству, но отъ него зависить внутренній покой и цѣльность душевной жизни“...

„Принудительная власть многихъ мнѣній, которыя строятся на основаніи достовѣрныхъ научныхъ опытовъ“, для многихъ такъ велика, что они неизбѣжно должны отнестись къ содержанію такой книги, какъ эта („Теософія“), какъ къ беспочвенной бессмыслицѣ. Тотъ, кто излагаетъ сверхчувственные познанія (внѣ опыта), можетъ безъ всякой иллюзіи отнестись къ такому отношенію. Конечно, легко поддаться искушенію потребовать отъ такого автора „непреложныхъ“ доказательствъ того, что онъ излагаетъ. При этомъ не принимаютъ въ соображеніе, что здѣсь сами впадаютъ въ заблужденіе. Ибо требуютъ — конечно, сами того не сознавая, — не доказательства, лежащихъ въ самой вещи, но такихъ, какія желаютъ признать сами, или же какія они въ состояніи признать“... (Предисловіе XI стр. къ „Теософіи“).

„Въ этой книгѣ будетъ дано описаніе нѣкоторыхъ областей сверхчувственного міра. Тотъ, кто хочетъ признавать одинъ лишь чувственный міръ, сочтетъ это описаніе за несуществующее порожденіе фантазіи. Но кто хочетъ искать путей, тотъ скоро научится понимать, что человѣческая жизнь пріобрѣтаетъ цѣну и значеніе только чрезъ прозрѣніе въ иной міръ“.

Хотя авторъ цитируемыхъ строкъ и оговаривается далѣе, что „такимъ *прозрѣніемъ* человѣкъ не отчуждается — какъ опасаются многіе — отъ „дѣйствительной“ жизни“. Тѣмъ не менѣе это уже не позитивная область и не эмпирика науки.

ГЛАВА XXII.

Спиритизмъ и оккультизмъ.

Въ качествѣ подготовительныхъ и параллельныхъ явленій къ теософическому міровоззрѣнію извѣстный въ свое время спиритуалистъ В. П. Быковъ указываетъ еще и на оккультизмъ и спиритизмъ, популяризируемые тѣми же „братьями“ отъ заблужденія.

Спиритизмъ.

„Спиритизмъ въ самой своей основѣ носить доктрины, твердящія о полномъ подчиненіи человѣческой личности потустороннему міру“.

„По ученію одной спиритической фракціи, человѣкъ являетъ собою ту сущность, *управляя путями которой*, тотъ или другой изъ отшедшихъ духовъ искупляетъ свои грѣхи, совершенные имъ въ его минувшемъ существованіи на землѣ“.

„По ученію другой фракціи, каждый изъ живущихъ на землѣ *являетъ собою перевоплощенную личность*, существовавшую уже много разъ на землѣ съ промежутками между этими существованіями отъ шести недѣль до нѣсколькихъ столѣтій, и появившуюся теперь для искупленія своихъ грѣховъ и для выправленія своихъ преступныхъ и грѣховныхъ наклонностей, выявившихся въ прошломъ существованіи“.

„Третья фракція утверждаетъ, что души умершихъ, вращаясь въ невидимомъ мірѣ, почти *постоянно вселяются* то въ одного, то въ другого человѣка—съ одной стороны, для того, чтобы этимъ путемъ загладить ошибки и грѣхи своихъ минувшихъ существованій, а съ другой—дать возможность воплощенному въ даннаго субъекта духу проявить свою „свободную волю“ въ смыслѣ личной борьбы со зломъ, которое могутъ внушить данному индивидууму мятущіеся духи, сливаясь съ его основнымъ, воплощеннымъ въ него духомъ“.

„Съ самыхъ первыхъ шаговъ вступленія неофита (новичка) въ область спиритизма духи направляютъ его (чтобы усыпить его бдительность на первыхъ порахъ) въ лоно той религіи, къ которой онъ или принадлежалъ, или принадлежитъ. Обычно духи настаиваютъ на возможно частомъ посѣщеніи храмовъ Божіихъ, богослуженій, на исполненіи обрядовъ и таинствъ, при чемъ очень часто настаиваютъ на реставраціи (возвращеніи, восстановленіи) древнихъ, давно забытыхъ или отмѣненныхъ установленийъ церкви, преданій, такъ что получается впечатлѣніе о „ревностномъ восстановленіи духами „древляго благочестія“...“

„Когда же у новичка исчезли всѣ сомнѣнія о вѣро-
ятномъ присутствіи здѣсь чего либо (нечистаго) бѣсов-
скаго, тѣ же духи указываютъ ему его постоянного духа
покровителя и руководителя, въ большинствѣ случаевъ
кого-либо изъ великихъ подвижниковъ его исповѣданія,
но нерѣдко таковыми бываютъ и Юлій Цезарь, и Не-
ронъ, или какой-либо Иванъ изъ Красивой Мечи, и т. под.“

„Утвержденный спиритъ, получивъ такого покрови-
теля, понемногу, незамѣтно для самого себя, обращаясь
къ нему для разрѣшенія всѣхъ своихъ жизненныхъ во-
просовъ и, доходя до того, что онъ не встаетъ съ посте-
ли, не спросивши духа покровителя, оставляетъ и цер-
ковь, и похвальную ревность къ реставраціи „древляго
благочестія“, и весь отдается во власть какого-то духа“...

„Въ концѣ-концовъ, когда — благодаря остроумной
критикѣ духа-покровителя, и церкви, и ея служителей,
которая выражается въ томъ, что духъ проситъ молить-
ся о заблуждающихся знакомыхъ батюшкахъ, объ архи-
пастыряхъ и т. п., — спиритъ охладѣетъ къ церкви въ до-
статочной степени, ему понемногу открываютъ, что Хри-
стосъ только лишь великій медіумъ (посредникъ между
людьми и міромъ духовъ) и всѣ произведенныя имъ чу-
деса — феномены высокой формы медіумизма, что каждый
довѣрившійся своему духу покровителю можетъ дѣлать
точно такія же чудеса и даже значительно большія; что
истинная церковь не тамъ, гдѣ обращенный спиритъ былъ
раньше: то только лишь преддверіе вотъ „этой истинной
церкви“ — того спиритическаго сеансоваго (или масонска-
го, сектантскаго) собранія, въ которомъ этотъ спиритъ
принимаетъ участіе, и что для Бога гораздо пріятнѣе, ес-
ли спириты будутъ сеансировать (а бой-скауты экскурси-
ровать) во время церковныхъ богослуженій, сливаясь въ
братской любви между собою и, главнымъ образомъ, съ
потустороннимъ міромъ, нежели молиться по одиночкѣ,
каждый о своемъ личномъ будничномъ благѣ и т. д. и т. д.“

ОКУЛЬТИЗМЪ.

„Совершенно обратное представленіе вноситъ въ че-
ловѣческое сознаніе оккультизмъ.

По его ученію, каждый человѣкъ, сообразно степени его духовнаго развитія, представляетъ собою звено между низшими духами — съ одной стороны, и высшими, и Богомъ—съ другой; или между низшими и высшими духами—съ одной стороны, и Богомъ—съ другой“.

„Послѣднее состояніе присуще только лишь магу и учителю“.

„Благодаря такому своему положенію, человѣкъ является собою только лишь пунктъ для перехода духа низшей природы въ болѣе высокія сферы“.

„Въ обоихъ этихъ состояніяхъ человѣкъ можетъ совершенно свободно распоряжаться духами, утилизировать ихъ для своей и для ихъ надобности и, такимъ образомъ, сглаживать всѣ большія и малыя скорби и шероховатости жизни и дѣлать ее блаженной и радостной здѣсь на землѣ и тамъ—въ незримомъ мірѣ“.

„Каждое изъ указанныхъ выше состояній достигается перевоспитаніемъ своего тѣла и духа— путемъ физической и нравственной тренировки“.

„При этомъ оккультисты чрезвычайно отрицательно относятся къ спиритамъ и нещаднымъ образомъ громятъ медиумовъ и медиумизмъ“.

„Чрезвычайно правдиво указывая на тотъ вредъ, который приносятъ эти несчастные прежде всего самимъ себѣ, дѣлаясь во время спиритическихъ сеансовъ непосредственнымъ достояніемъ самыхъ низшихъ и зловредныхъ духовныхъ существъ“.

„Затѣмъ оккультисты не менѣе порицаютъ и теософію, считая таковую туманнымъ, беспочвеннымъ религиознымъ конгломератомъ (сборомъ чего попало), который отводитъ отъ истины (въ данномъ случаѣ— отъ оккультизма—должно понимать), отъ дѣятельнаго проявленія дарованныхъ человѣку духовныхъ и физическихъ силъ, которыя такъ нужны общей гармоніи (любимое выраженіе масоновъ) мірозданія, и обвиняя ее въ преступномъ стремленіи къ разрушенію религіи древнихъ“.

„Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, когда теософія только что вышла (въ ноябрѣ 1875 г. въ Нью-Йоркѣ) изъ потаенныхъ комнатъ (Матѣ. 24, 26) Е. П. Блаватской,

извѣстной въ Россіи своими письмами на родину подъ псевдонимомъ (вымышленной фамиліей) Рады-Бай, основавшей вмѣстѣ съ полковникомъ англійской службы Олькоттомъ „Теософическое общество“, наиболее видные представители оккультизма западной Европы, во главѣ съ предсѣдателемъ масонскаго парижскаго ордена мартинистовъ Ж. Энкосомъ, а подъ вымышленной фамиліей докторомъ Папюсомъ, (лицемѣрно) выступили съ официальнымъ заявленіемъ о томъ, что они ничего общаго съ теософскимъ ученіемъ не имѣютъ и основныхъ его доктринъ не признаютъ“.

Но это заявленіе сдѣлано было, какъ увидимъ потомъ, для „широкой публики“ только.

На самомъ же дѣлѣ оккультисты и теософы въ равной мѣрѣ—сатанисты, другъ друга поддерживающіе.

При внимательномъ разсмотрѣніи оккультизма со стороны религіи выясняется, что оккультизмъ разсматриваетъ Бога сквозь призму каббалы (да иначе и быть не могло, ибо главная скрипка тамъ въ іудейскихъ рукахъ) и съ несомнѣнно пантеистической (фарисейской марки) окраскою.

„И очень нерѣдко можно встрѣтить оккультиста, который даже, какъ будто, (по іудейски) держитъ въ подчиненіи у себя и Самого Бога. Одинъ изъ древнихъ оккультистовъ (Агриппа) оставилъ даже такую теорію, что „сферы“, окружающія Бога, и природа Самого Бога находятся въ полной зависимости отъ состоянія внутренняго міра созерцанія каждаго оккультиста“.

„Божественнаго Спасителя міра одни оккультисты признаютъ, какъ Сына Божія, какъ реальную сущность, снисходившую на землю и пострадавшую отъ людей, но *не для искупленія человечества отъ грѣха*, а вслѣдствіе того, что Его чистоту и безгрѣшность не могъ принять безъ озлобленія грѣховный міръ. (Леви)“.

„Другіе признаютъ Христа, какъ высокую Божественную сущность, бывшую когда-то на землѣ, но теперь уже *не существующую*. Тотъ же Христосъ, котораго воспринимаютъ и признаютъ хрістіане, ничто иное, какъ *эрециарь*—личность, созданная въ міровыхъ волнахъ (ээира)

посредствомъ усиленнаго желанія имѣть эту сущность, такую огромную цѣпью людей, *какую представляютъ собою въ данное время вѣсть христіане*".

ГЛАВА XXIII.

Теософія и естествознаніе.

„Кто стремится найти не одни лишь слова и понятія для разсудка, а истинныя познанія для жизни, тотъ знаетъ, что въ сочиненіи, въ которомъ идетъ рѣчь о началѣ мудрости, онъ не вправѣ говорить о вещахъ, принадлежащихъ къ высшимъ ступенямъ мудрости. Лишь пониманіе этого начала уяснить, какъ должны ставиться высшіе вопросы“.

Такія и подобныя заявленія теософическихъ идеологовъ располагаютъ читателя къ склонности думать, что теософія:

- 1) стремится найти „не одни лишь слова понятія, а истинныя познанія для жизни“;
- 2) что она если и ставитъ высшіе вопросы, то въ силу того, что „обладаетъ пониманіемъ высшихъ ступеней мудрости“.

Но, на самомъ дѣлѣ это голословное завѣреніе, не подтверждающееся дѣйствительностью теософской, характеризующей себя недомолвками, противорѣчивыми завѣреніями, вродѣ предыдущаго, вуалированіемъ полуистинъ, запутанностью между метафизикой и позитивной наукой, въ смѣломъ общаніи и не выполненіи общанія „стоятъ на почвѣ современнаго естествознанія“.

Такъ, по даннымъ современнаго естествознанія молекулы мозга могутъ на тысячу ладовъ перемѣнять свои мѣста и колебаться, сколько и какъ имъ угодно, но если нѣтъ способности ощущать эти перемѣщенія и движенія, то такія перемѣщенія, къ посрамленію теософическаго сочинительства, не превратятся въ сознаніе (ощущающее), а будутъ только простыми движеніями.

А между тѣмъ, упоминая о „движеніяхъ“ и говоря, что „душевная жизнь начинается лишь тамъ, гдѣ, посреди этого движенія, выступаетъ ощущеніе“ (стр. 18) Р. Штейнеръ пытается вкратить сюда и процессъ пере-

хода ощущенія въ сознаніе путемъ аналогіи (сравненія). „Тѣ силы, благодаря которымъ возникаетъ минераль, мы должны искать въ самыхъ веществахъ, которыя его составляютъ“.

Но нельзя же сравнивать человѣка съ... горнымъ хрусталемъ, или... дубомъ. А теософія, правда, экивоками, да намеками, какъ будто пытается это сдѣлать. Поговоривъ въ IV отдѣлѣ о тѣлѣ, душѣ и духѣ на 19 страницѣ, далѣе на 20 стр. д-ръ Штейнеръ пишетъ: „размноженіе и ростъ человѣкъ имѣетъ общимъ съ растеніями и животными“; „живое происходитъ отъ живого, чрезъ зародышъ“. Но если горный хрусталь образуется посредствомъ силъ, присущихъ кремнію и кислороду, соединенныхъ въ немъ. Если мы должны искать силы образующія дубъ окольнымъ путемъ, чрезъ зародышъ въ материнскомъ и отцовскомъ растеніяхъ, то посредствомъ какой силы и какимъ путемъ ощущеніе переходитъ въ мышленіе—этого естествознаніе не открываетъ, но и теософія, на этомъ не ударяетъ, а отводитъ мысль отъ этого опаснаго для нея пункта общимъ замѣчаніемъ, что „есть внутреннія прирожденные живому условія“. Вотъ въ такихъ и подобныхъ выраженіяхъ теософія описываетъ „тѣлесное, душевное и духовное существо человѣка“ (13—18 стр.) Человѣкъ можетъ правильно уяснить себѣ самого себя лишь, когда онъ вполне уяснить себѣ значеніе мышленія въ своемъ собственномъ существѣ“. Да и въ дальнѣйшемъ изложеніи тотъ же туманъ. „Мозгъ есть тѣлесное орудіе мышленія“.

Это сказать то же, что: „скрипка есть музыкальное орудіе“...

А душа, или духъ человѣка самостоятельное и отличное отъ тѣла начало, или нѣтъ?—объ этомъ теософія въ категорической формѣ не говоритъ, а такъ „кругомъ, да около“... „Только человѣкъ съ нормальными глазами можетъ видѣть цвѣта; такъ и соотвѣтственно построенный мозгъ служить ему для мышленія“. „Все тѣло человѣка построено (къмъ, теософія объ этомъ молчитъ) такъ, что въ органъ духа въ мозгу, оно находитъ свой вѣнецъ“... Такъ говоритъ теософъ. Послу-

шаемъ теперь, какъ объ этомъ же говоритъ членъ церкви Христовой, св. Аѳанасій Великій: „всякій, кто другъ истины долженъ сознаться въ томъ, что умъ чело-вѣческій не одно и то же съ тѣлесными чувствами, потому что онъ, какъ нѣчто иное, является судьей самихъ чувствъ, и если чувства бываютъ чѣмъ либо предзаяты, то умъ обсуждаетъ и пересушиваетъ это, указывая чувствамъ на лучшее. Дѣло глаза—только видѣть, ушей слышать, устъ вкушать, ноздрей—принимать въ себѣ запахъ, рукъ—касаться, но разсуждать видѣть и слышать, до чего должно касаться, что должно вкушать и обонять,—не дѣло уже чувствъ, а судятъ объ этомъ уже душа и ея умъ. Чтобы видѣть это въ подобіи, можно взять для употребленія хорошо построенную лиру и свѣдующаго музыканта, у котораго она въ рукахъ. Каждая струна въ лирѣ имѣетъ свой звукъ,—то густой, то тонкій, то средній, то пронзительный, то какой-либо другой. Но судить объ ихъ согласіи и опредѣлить ихъ стройный ладъ, никто не можетъ, кромѣ одного знатока, потому что въ нихъ только тогда сказывается согласіе и гармоническій строй, когда держащій въ рукахъ лиру ударить по струнамъ и мѣрно коснется каждой изъ нихъ. Подобно сему бываетъ и съ чувствами, настроенными въ тѣлѣ, какъ лира, когда управляетъ ими свѣдующій разумъ, и тогда душа обсуживаетъ и сознаетъ, что производитъ“. Здѣсь все ясно и опредѣленно. А у теософій: „тѣ же вещества и силы, что находятся въ минеральномъ царствѣ, находятся въ чело-вѣческомъ тѣлѣ въ такомъ сочетаніи, что чрезъ это сочетаніе можетъ проявляться мышленіе“...

Что тутъ яснаго и опредѣленнаго?—Ничего. „Это организованное съ разсчетомъ на мозгъ, какъ на свое средоточіе, минеральное строеніе возникаетъ путемъ размноженія и получаетъ свой законченный обликъ путемъ роста“. А первично изъ чего и когда возникло это „минеральное строеніе?“.—Опять неловкое молчаніе.

И такъ вездѣ, всегда и во всемъ недоговоренность, неясность у теософій.

Теософія и христiанская религія.

По словопроизводству съ греческаго языка слово „теософія“ означаетъ: „божественная мудрость“. Оно составляется из двухъ словъ: Феос—Богъ и софія—мудрость.

Такъ именуютъ то, что по замыслу его сторонниковъ должно стать „божественнымъ“.

„Высшее, къ чему человѣкъ можетъ обратить свой взоръ, онъ именуетъ „божественнымъ“. И онъ долженъ свое высшее назначеніе *какъ нибудь* связать съ этимъ божественнымъ. Поэтому и высшая мудрость, которая раскрываетъ ему его существо, а тѣмъ самымъ и его назначеніе, можетъ быть названа „божественной мудростью“, или „теософіей“. (стр. 6, Р. Штейнеръ .. „Теософія“).

Но, вѣдь „быть божественнымъ“ и „значиться божественнымъ“—не одно и то-же.

Если нравственность въ родѣ человѣческомъ явленіе не случайное, не искусственное, не частное, не временное, не этнографическое или отдѣльно народное, а явленіе всемірное и всеобще-человѣческое, необходимое, какъ воздухъ и солнце, постоянное и вѣчное, какъ вѣченъ Богъ—ея источникъ и сила, то тѣмъ болѣе „божественное“ не потому „божественно“, что такъ его наименовали, а божественно по существу своему.

Такъ, напримѣръ, если мы, христiане, религіозно связываемъ свое высшее назначеніе съ Откровеніемъ Божиимъ, или, что тоже, съ „христiанской вѣрой-религіей“, то это отнюдь не значитъ, что христiанская вѣра потому „божественна“, что такъ ее наименовали ея религіозные послѣдователи, а божественна она по своему происхожденію и сущности своей.

Какія же ея существенныя черты?

„Самое слово религія происходитъ отъ латинскаго religare — связывать, соединять. Христiанская религія есть связь съ Христомъ. Всякій союзъ, связь необходимо предполагаетъ сосуществованіе двухъ или нѣсколькихъ членовъ и возможны только при условіи сродства, подобія ихъ по природѣ и взаимнаго желанія быть въ обще-

ни; только подобное стремится къ подобному. Отсюда религія обуславливаетъ съ одной стороны бытіе Живаго Бога, въ данномъ случаѣ, Господа нашего Иисуса Христа, изволяющаго на общеніе съ подобнымъ Ему, а, съ другой, бытіе богоподобной человѣческой личности, ищущей Бога, стремящейся отъ рожденія къ общенію съ Нимъ. Богъ, открывающійся человѣку, и человѣкъ богоподобный, стремящійся къ Богу,—вотъ сущность и первый элементъ религіи христіанской“

„Съ вѣрой въ существенную органическую (единое Тѣло) близость человѣка къ Богу неразрывна мысль о жизни „будущаго вѣка“... она какъ бы въ зародышѣ (implicite) содержится въ ней. Вѣровать въ Бога, стремиться къ соединенію съ Нимъ, среди временныхъ и несовершенныхъ условій земнаго бытія, значить ставить цѣль своей жизни выше настоящаго, несовершеннаго „жизня-бытія“, значить—стремиться духомъ къ жизни вѣчной, какъ Богъ вѣченъ, и совершенной, какъ Богъ совершенъ, и блаженной, какъ Богъ всеблаженъ“.

Это второй существенный признакъ истинной, божественной религіи.

Религіозное чувство, составляющее основу нравственнаго сознанія, выражаетъ собою не только стремленіе къ сохраненію и укрѣпленію внутренняго союза съ Богомъ, но и усиліе возстановлять единенія съ Нимъ, нарушаемое грѣхопаденіемъ общимъ и частнымъ. (Рим. 10, 10).

„Таковъ всеобщій исторически наблюдаемый фактъ. Изъ общихъ законовъ бытія нельзя, конечно, исключить и человѣка въ проявленіи религіозно-нравственной его жизни. Человѣкъ такъ же, какъ и все въ мірѣ, живетъ своимъ собственнымъ содержаніемъ и опредѣляется только своею природою: и потому сторона религіозно-нравственной его жизни одинаково должна считаться фактичною, какъ и сторона тѣлесной его жизни“.

Человѣчество чувствовало и чувствуетъ свой грѣхъ, свое отпаденіе отъ Бога, оно вѣрило и вѣритъ, что въ отдаленномъ прошломъ оно отпало отъ Бога, что съ этимъ отпаденіемъ былъ потерянъ „рай“, „золотой вѣкъ“; всѣ религіи выражаютъ это скорбное чувство паденія и

вмѣстѣ съ нимъ непреодолимое стремленіе къ примиренію съ Богомъ, но особенно ярко это выражено въ религіи крестоносной-христіанской.

Объ этомъ „камни вопіють“, камни тысячъ жертвенниковъ по вселенной и множество разнообразныхъ обрядовъ, часто грубыхъ, но выражающихъ глубокую потребность искупленія и примиренія съ Богомъ. Вѣра въ искупленіе—третья существенная сторона истинной религіи.

„Наконецъ—съ мыслью о Богѣ, открывающемся человѣку, и съ вѣрой въ искупленіе и примиреніе тѣсно связана вѣра въ Боговоплощеніе, какъ историческое выраженіе Богооткровенія и общенія Бога съ человѣкомъ, ибо „Бога человѣкомъ невозможно видѣти“. Вѣра въ Откровеніе есть въ сущности вѣра въ Бога-Примирителя, Искупителя и Очистителя, отдающаго Себя въ жертву за людей и тѣмъ полагающаго начало побѣды добра надъ принципомъ зла и эгоизма. Такова въ своей основѣ высокой цѣли и формѣ религія христіанская и покоящаяся на ней нравственность.

„Съ объективной стороны религія эта есть откровеніе Бога человѣку въ Боговоплощеніи, какъ искупительной и примирительной жертвѣ со стороны Творца, по Его любви къ падшей твари; со стороны субъективной—непосредственное внутреннее ощущеніе Бога человѣкомъ въ духѣ, индивидуальное стремленіе къ Нему, соединенное съ вѣрой въ будущую вѣчную жизнь, стремленіе, проникнутое чувствомъ грѣха, разрушившаго нормальное отношеніе человѣка къ Богу, и жаждою искупленія и примиренія съ Богомъ, или спасенія чрезъ Бога—воплотившагося“.

Если причины происхожденія религіи, а съ нею и нравственности высоки, глубоки и чисты, какъ высокъ и благороденъ ея основной характеръ, то чѣмъ же вызвана, какъ явленіе и какъ доктрина теософія, покушающаяся встать на замѣну христіанства? Откуда теософы взяли, что истинная христіанская религія съ ея высочайшей нравственностью „не способна содѣйствовать братскому примиренію всѣхъ расъ“, а только знаніе оккультныхъ формулъ „сединить“ человѣчество?.

Что же объединить свободно разумныя существа?
— Любовь?

А любовь назидаетъ и... созидаетъ... (Кор. 8,1).

Христіанская религія исключаетъ ли знаніе?

Нѣтъ, она только умѣряетъ вѣру въ силу знанія. „Кто думаетъ, что онъ знаетъ что-нибудь, тотъ ничего еще не знаетъ такъ, какъ должно знать“. (1 Кор. 13, 12) „Но кто любитъ Бога, тому дано знаніе отъ Него“ (2 Тим. 2, 19; 1 Кор. 8, 2, 3;) Теософія ничѣмъ не превосходитъ христіанской религіи. Поэтому высшее, къ чему теософъ можетъ обратить свой взоръ—это Божественное Откровеніе—Св. Библія и ученіе православно-христіанской Церкви въ пониманіи святыхъ отцовъ.

Даже малѣйшее сравненіе теософіи съ христіанской святоотеческою мудростью показываетъ недостаточность первой и Богодухновенность второй.

Такъ, напримѣръ, въ отношеніи цѣли первой и второй: христіанскій учитель Макарій Египетскій говоритъ, что „Кто хочетъ христіанскую жизнь вести въ совершенствѣ, тотъ обязанъ всѣми силами позаботиться прежде всего о смыслѣ и разсудкѣ души, чтобы научиться различать худое отъ добраго“. (Бесѣда 4).

По какому признаку теософія распознаетъ худое отъ добраго?

Признака, равнаго Св. Писанію, за Откровеніе Бога теософіею не признаваемаго, у теософіи нѣтъ, и быть не можетъ, посему она и не знаетъ даже, что добро и что зло.

Если мы спросимъ объ этомъ теософку А. Безантъ, то она скажетъ слѣдующее: „испытаніе, чрезъ которое проходитъ человѣкъ, пробуждаютъ и развиваютъ въ немъ Вивека (Viveka) или способность распознаванія, способность отличать дѣйствительное отъ недѣйствительнаго, вѣчное отъ проходящаго“.¹)—И... только.

А по справкѣ оказывается, что теософія не могла распознать дѣйствительную и дѣйственную христіанскую, богооткровенную религію, ведущую къ разумѣнію „тайны Царствія Божія“ (Матѣ. 13, 11) отъ преходящихъ человѣ-

1) А. Безантъ „Путь ученичества“ СПб. 1911 г. стр. 41.

ческихъ религій. Что и дало поводъ adeptамъ теософій уравнивать ихъ между собою и въ этой мѣшанинѣ искать „путемъ Испытанія“ способность распознаванія.

Что это за тайны?

Разумѣніе тайнъ Царствія Небеснаго обуславливаетъ, до нѣкоторой степени, самое пріятіе царствія Небеснаго. Т. к. если царство земное требуетъ отъ своихъ гражданъ многого, то Царство Небесное, сообразно своему превосходству и духовности требуетъ разумѣнія законовъ и условій тайной духовной брани, разумѣнія того, какъ врагъ „затворяетъ царство небесное... самъ не входитъ и желающихъ войти не допускаетъ“ (Матѣ. 23, 13;) мысленно противоборствуетъ каждому, кто хочетъ достигнуть Царства Небеснаго, освободиться отъ пожеланій и помысловъ грѣховныхъ и соединиться любовію, чрезъ точное и постоянное исполненіе заповѣдей, со Христомъ и съ Отцемъ въ Святомъ Духѣ.

А теософія утверждаетъ, что „эта (земная) жизнь есть повтореніе другихъ, и приноситъ съ собою то, что Само-духъ выработалъ для себя въ прошлой жизни. Когда Само-духъ принимаетъ въ себя нѣчто, что можетъ стать плодомъ, то онъ проникается Жизне-духомъ. Подобно тому какъ жизненное тѣло изъ вида въ видъ повторяетъ форму, такъ же точно Жизне-духъ переноситъ душу отъ одного личнаго бытія въ другое“. (Р. Штейнеръ. Теософія стр. 61).

Сначала въ лягушкѣ потомъ въ свинушкѣ, далѣе пугаѣ, обьязьянѣ, крокодилѣ, быкѣ и т. п., мѣняя видъ на видъ или переходя „изъ вида въ видъ“ теософъ повторяетъ форму и в своей фантазіи переноситъ душу отъ одного личнаго бытія въ другое и путемъ сего балъ-маскарада достигнетъ „царствія Небеснаго“—нирваны.

Христіанство открыло міру тайну любви, а чрезъ нее и тайну царствія Божія.

Въ чемъ же состоитъ любовь?

Любовь есть преданіе моего собственнаго „я“ въ другое „я“ и одновременное воспріятіе другого „я“ въ мое собственное „я“. Но это единеніе двухъ существъ не есть сліяніе и обезличеніе, какъ выходитъ по ученію теософій, напротивъ, необходимое условіе истинной люб-

ви состоитъ въ томъ, чтобы любящія другъ друга лица сохраняли индивидуальное различіе; любящее лицо не теряетъ себя въ любимомъ лицѣ, а забываетъ себя въ немъ“.

„Я, говоритъ Христось, живу Отцомъ, такъ и ядущій (въ тайнѣ причащенія) Меня жить будетъ Мною“.
(Іан. 6, 57).

И Апостоль говоритъ: „уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христось. А что нынѣ живу во плоти, то живу върою въ Сына Божія, возлюбившаго меня и предавшаго Себя за меня“. (Рим. 6, 6; Тит. 2, 14), (Гал. 2, 20).

Въ томъ состоитъ и тайна и высота любви и личной или нравственной жизни, что человѣкъ можетъ отказываться отъ себя ради другого лица и забывать себя въ немъ, но въ то же время сохранять индивидуальное сознаніе и личное достоинство свое. Онъ можетъ жить въ другомъ лицѣ (не переселяясь—не перевоплощаясь), но все-таки эта жизнь есть его личная жизнь. Слѣдовательно, съ самосообщеніемъ соединяется въ любви и самоутвержденіе.

Эта любовь невозможна безъ „самопожертвованія“—самоотчужденія—внушаемаго Св. Писаніемъ (Матв. 16, 24,—10, 37,—20, 27, 28; Рим. 15, 1 и дал. Евр. 12, 1 и дал.)

Другое лицо христіанинъ ставитъ цѣлю, а себя превращаетъ въ средство къ цѣли. Но жертвуя собою и отчуждаясь отъ себя, любящій обрѣтаетъ (находитъ) себя въ другомъ, и при томъ обогащеннымъ и возвышеннымъ общему и слѣд., болѣе полною (чѣмъ „моя“—„нашею“) жизнію.

Христіанинъ знаетъ, что изъ всѣхъ даровъ, какими человѣкъ обладаетъ и какіе можно удѣлить другому, самый лучший даръ есть онъ самъ, его личность (высшее на землѣ благо). Любовь растворена надеждою и върою, что ее поймутъ и отвѣтятъ тѣмъ же. Гдѣ эта цѣль не достигается, и надежда не сбывается, тамъ любовь не можетъ оставаться живою и дѣятельною. Любовь, впрочемъ, долго—терпитъ (Кор. 13, 4-7). Посему она, надѣясь добромъ побѣдить зло, (Рим. 12, 21) простирается и на враговъ въ цѣляхъ взаимности и мира.

На сей высотѣ любви къ врагамъ человѣкъ оправ-

дываетъ свое происхожденіе, что онъ божескаго рода, по слову Апостола, „мы, будучи родомъ Божиимъ, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образъ отъ искусства и вымысла человѣческаго“. (Исаія 40, 18; Дѣян. 17, 29):

Это—не самообожествленіе теософіи, а слѣдованіе за Христомъ въ христіанской религіи, отвѣтъ на Его: „иди за Мной“. (Матѳ. 4, 19 и др.)

Здѣсь онъ смѣло можетъ религіозно связать себя, т. е. свое высшее назначеніе съ Божественнымъ Знаніемъ „даровъ духовныхъ“ (1 Кор. 14, 1); Здѣсь онъ найдетъ и Высшую Мудрость, Которая дѣйствительно раскроетъ ему его существо, а тѣмъ самымъ и его назначеніе и Которая не только можетъ быть „названа“, но и по существу своему—Божественная. Никто изъ самыхъ злѣйшихъ враговъ христіанства не доказалъ до сего дня, что оно безсильно въ дѣлѣ объединенія человѣчества, что оно—ложный путь, хотя многіе объ этомъ писали. Напротивъ, сбывается пророчество Исаіи: „и будетъ тамъ большая дорога, и путь по ней назовется путемъ святымъ; нечистый не будетъ ходить по нему; но онъ будетъ для нихъ однихъ; идущіе этимъ путемъ, даже и неопытные не заблудятся... будутъ ходить искупленные... (35, 8-9;)

Ужели теософы не понимаютъ, о какомъ „пути“ говорить пророкъ Исаія, если онъ упоминаетъ объ искупленныхъ?

И не ясно ли изъ его пророчества, что только „нечистый не будетъ ходить по нему“,... т. е. не очищенный отъ беззаконія (Тит. 2, 14;)

Кто же этотъ „нечистый“, не желающій итти путемъ „искупленныхъ“?

Этотъ тѣ, „которые идутъ вслѣдъ скверныхъ похотей плоти, презираютъ начальства, дерзки, своевольны и не страшатся злословить вышихъ, (Іуд. 1, 8), тогда какъ и Ангелы, превосходя ихъ крѣпостію и силою, не произносятъ на нихъ предъ Господомъ укоризненнаго суда“. (Іуд. 1, 9).

„Они, какъ безсловесныя животныя, водимыя природою, рожденныя на удовольіе (въ тайныя общества)

и истребленіе, злословя то (вѣру во Христа — Спасителя) чего не понимаютъ, въ растлѣніи своемъ истребятся“.

„Они получаютъ возмездіе за беззаконіе: ибо они полагаютъ удовольствіе во вседневной роскоши; срамники и осквернители, они наслаждаются обманами своими, пиршествуя съ вами. (2 Петр. 2, 13).

„Глаза у нихъ исполнены любоострастію и непрестаннаго грѣха; они прельщаютъ неутвержденные души; сердце ихъ приучено къ любостыжанію: это—сыны проклятія“. (2 Петр. 2, 14; и дал.) „Оставивъ прямой путь, они заблудились, идя по слѣдамъ Валаама, сына Восорова, который возлюбилъ мзду неправедную, (Иуд. I, II)... „Это безводные источники, облака и мглы, гонимыя бурей; имъ приготовленъ мракъ вѣчной тьмы“. (Иуд. 1, 12). „Ибо, произносянадуто (ложною наукою) пустословіе, они уловляютъ въ плотскія похоти и развратъ тѣхъ, которые едва отстали отъ находящихся въ заблужденіи“. „Обѣщаютъ имъ свободу, будучи сами рабы тлѣнія, кто кѣмъ побѣжденъ, тотъ тому и рабъ“. (Іоан. 8, 34; Рим. 6, 16) „Ибо, если, избѣгши сквернъ міра чрезъ познаніе Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, опять запутываются въ нихъ и побѣждаются ими, то послѣднее бываетъ для таковыхъ хуже перваго“. (Матѣ. 12, 45; Лук. 11, 26)“.

„Лучше бы имъ не познать пути правды, нежели познавъ возвратиться назадъ отъ преданной имъ святой заповѣди. (Іоан. 15, 22)“.

„Но съ ними (съ отступниками отъ Христа) случается по вѣрной пословицѣ: „песъ возвращается на свою блевотину“, и „вымытая свинья идетъ валяться въ грязи“ (Притч. 26, 11; 2 Петр. 2, 12-22). Можетъ ли теософія очистить мрачную душу, погрязшую въ страстяхъ? Конечно, нѣтъ!

ГЛАВА XXV.

„Теософія“ и „синтезъ“.

Итакъ, „теософія“, какъ явленіе,—есть противопоставленіе и замѣна всѣхъ религій, а въ томъ числѣ и Богооткровенной христіанской, какъ „несоотвѣтствующихъ“ стремленію „братски примирить всѣ расы на религіозной почвѣ, въ единой всеобщей истинѣ“. Какъ доктрина — „теософія“, вопреки своему наименованію, не является „бо-

жественной мудростью“, а простымъ человѣческимъ сборникомъ „знаній“ или тѣмъ *знаніемъ*, о которомъ св. Апостоль Павелъ говоритъ, что оно „надмеваетъ“ (1 Кор. 8, 1).

И въ то же время „теософія“ является соблазномъ (Кол. 2, 8). Соблазномъ „теософія“ становится не въ силу своей намѣченной, дѣйствительно, высокой цѣли (единеніе), а въ силу способовъ ея осуществленія путемъ „обольщенія по преданію человѣческому“... Объ единеніи вѣрующихъ молился предъ Святыми Крестными страданіями Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ: „да будутъ вси едино“, „да будутъ совершены во едино“ (Іоан. 17, 22, 23).

О „соединеніи всѣхъ“—молится и теперь Его Святая Церковь. Но, по ученію церкви, это объединеніе должно совершаться во имя Отца и Сына и Святаго Духа чрезъ вѣру и крещеніе, по любви къ святой Троицѣ и въ надеждѣ воскресенія. Въ основѣ сего объединенія полагается имя Бога живаго (Матѣ. 16, 16). „Я, говоритъ Христосъ, открылъ имъ имя Твое и открою, да любовь, которою Ты (Отецъ) возлюбилъ Меня, въ нихъ будетъ, и Я въ нихъ“ (Іоан. 15, 15;—17, 26).

Но, спрашиваетъ Апостоль, какъ призывать Того, въ Кого не увѣровали? Какъ вѣровать въ Того, о Комъ не слыхали? Какъ слышать безъ проповѣдующаго? И какъ проповѣдывать, если не будутъ посланы? (Рим. 10, 14-15).

ГЛАВА XXVI.

Первый признакъ истинности.

Посланичество отъ Самого Христа чрезъ Его „Общество вѣрующихъ“ въ Отца и Сына и Святаго Духа (28, 19)—вотъ первый признакъ вѣрности, истинности проповѣдниковъ, учащихъ соблюдать (познавать, хранить и распространять своею жизнію) все, что заповѣдалъ Іисусъ Христосъ (ст. 20) и что заключается въ апостольскихъ писаніяхъ и преданіяхъ (Гал. 1, 8).

Кѣмъ посланы теософы, или скрывающееся подъ этимъ обозначеніемъ такъ называемое „теософическое общество?“

Во имя какого Бога они желают „братски примирить всѣ расы“? Для какой цѣли это примиреніе? Это—замалчивается. Вѣдь, мало сказать, или даже выставить на своихъ знаменахъ слово „богъ“. Само по себѣ это слово обозначаетъ: „богатый“—въ сокращеніи:— „богъ“. А такъ какъ, по мнѣнію теософовъ, „ни одна изъ историческихъ религій не давала и не даетъ такой почвы „въ полнотѣ единой всеобщей истины“, то они—теософы, образовавъ по инициативѣ Е. П. Блаватской—Рады-Бай (ея псевдонимъ) „Общество“, въ ноябрѣ 1875 г. выступили со своею проповѣдію несостоятельности всѣхъ вообще наличныхъ религій и обѣщаніемъ „составить“ изъ всѣхъ религій одну „новую религію“. . . Вопросъ о „посланичествѣ“, повидимому, даже неизвѣстенъ теософамъ. Апостолы, посланники Іисуса Христа „благовѣствовали народамъ Іисуса и воскресеніе“ (Дѣян. 17, 18).

Что же благовѣствуютъ теософы? А, вотъ, что:

„Христіанство, по ученію теософовъ, не болѣе истинно, чѣмъ и буддизмъ, и ученіе Спасителя будто бы не менѣе ложно, чѣмъ и суевѣрныя традиціи сѣдой старины Востока“. Что же это означаетъ? Очевидно то, что теософы отрицаютъ Божественность происхожденія христіанскаго Откровенія, его ученіе о паденіи прародителей, о воплощеніи Сына Божія, объ Его воскресеніи и вознесеніи на небо, о воскресеніи мертвыхъ. Теософка А. Безантъ ни чѣмъ такъ не восхищается, какъ атеизмомъ. Съ легкостью неразумнаго ребенка сбрасывая съ вѣсовъ исторической жизни міра христіанскую богооткровенную религію наравнѣ съ человѣческими измышленіями, „братья“ теософы упускаютъ изъ виду одно чрезвычайно важное обстоятельство, что христіанская религія, какъ „свободный и сознательный союзъ человѣка съ Богомъ, слагается изъ двухъ сторонъ—Божественной и человѣческой. Слѣдовательно, сбрасывая человѣческую, кощунственно касаются и Божественной стороны. Теософы, исходя изъ посылки, что въ человѣческомъ ученіи истина перемѣшана съ ложью, поставили богооткровенную религію въ разрядъ человѣческихъ изобрѣтеній, ждущихъ ихъ, теософскаго, „усовершенствованія“. Тогда какъ первая сторона христіанской религіи представляетъ собою богоот-

кровенную истину, имѣющую своимъ источникомъ безпредѣльный разумъ Божій, чѣмъ и объясняется ея непоколебимость, несмотря на бѣшенныя на нее нападки лжеименнаго разума человѣческаго.

Вторую же сторону во истинной религіи представляетъ собою ограниченный умъ человѣческій, воспринимающій богооткровенныя религіозныя истины. Посему, въ то время, какъ божественная истина христіанской религіи всегда остается равной себѣ, непоколебимой и неизмѣнной, ограниченный умъ человѣческій можетъ усвоить ихъ такъ, или иначе, можетъ понимать ихъ правильно или неправильно, заблуждаться, или спастись... Для того, чтобы религія оставалась спасающею, правильною и истинною, требуется соблюденіе гармоническаго отношенія между ея божественнымъ и человѣческимъ элементами.

Справедливость требуетъ здѣсь отмѣтить и то, что теософія встрѣтила въ западной части христіанскаго міра какъ разъ нарушеніе гармоническаго отношенія между этими элементами религіи; тамъ личная дѣятельность челоѣка (папы римскаго) перешла законныя, назначенныя ей, предѣлы. Человѣческому элементу въ религіи было придано значеніе божественнаго. То же самое должно сказать и о протестантствѣ. Разница между лютеранствомъ и папизмомъ латино-римскимъ въ этомъ отношеніи состоитъ лишь въ томъ, что въ послѣднемъ съ божественнымъ (присвоеннымъ самовольно) авторитетомъ въ дѣлахъ вѣры является папа; въ лютеранствѣ же съ такимъ авторитетомъ является личный разумъ каждаго челоѣка. Отсюда и у „теософіи“ есть нѣкоторое основаніе смотрѣть на христіанство Запада, какъ крайне одностороннее. Но Западомъ не исчерпывается еще все христіанство: есть еще христіанскій Востокъ, съ его нетронутой полнотой, гармоничностью и стройной цѣлостностью. Въ такомъ видѣ и нынѣ содержитъ христіанское ученіе вселенская православная церковь. Православіе, поддерживающее во всемъ мірѣ живой духъ борьбы съ сатанизмомъ сектантскаго большевизма вообще не допускаетъ того, чтобы придавать въ религіи челоѣческому элементу божественное значеніе и характеризуется, какъ полнота Наполняю-

шаго все во всемъ (Еф. 1, 23), состоящая въ гармоническомъ взаимодействіи всѣхъ ея сторонъ. Видя, что христіанское ученіе, отразившееся въ сознаниі латинянъ и протестантовъ односторонне и полагая, что ими оно и исчерпывается, „теософія“ упустила изъ вида, какъ въ свое время просмотрѣлъ это и Лютеръ со своими сторонниками, что на Востокъ христіанское ученіе вошло всецѣло, всѣми своими сторонами и во всей его гармоніи полноты и стройности въ христіанское греко-россійское, сербское, болгарское, румынское, ниппонское и др. православныя церковныя оформленія.

Православіе можетъ быть нынѣ полностью отвергнуто, или въ цѣломъ принято. Измѣнять здѣсь что-нибудь—это значитъ исказить истину, открытую Божественнымъ Разумомъ (1 Кор. 2, 16).

Но перейдемъ къ дальнѣйшему обзорѣнію теософіи въ произведеніяхъ ея адептовъ.

Однимъ изъ выдающихся теософовъ внѣ всякаго сомнѣнія является, избранный нами, д-ръ Рудольфъ Штейнеръ.

Шесть изданій его „Теософіи“ (Р. Штейнера) говорятъ, что мы имѣемъ дѣло съ частнымъ человѣчески-ограниченнымъ и переменчивымъ сознаниемъ, ищущимъ „мѣткое слово, соотвѣтствующій оборотъ выразить фактъ“..., а не съ твердымъ и неизмѣннымъ всеобщимъ сознаниемъ человѣчества во всей совокупности его членовъ. (см. введеніе.) Намъ возразятъ защитники теософскаго міровоззрѣнія, что и сама церковь не обладаетъ всей совокупностью всего человѣчества, проникнутаго ея единымъ сознаниемъ.

Но вселенское ея ученіе, хотя еще и не всѣми пока принято, но само по себѣ оно твердо и неизмѣнно, не ищетъ „мѣткихъ словъ“ и возвѣщается „не отъ человѣческой мудрости (какъ „теософія“) изученными (*мѣткими*) словами, но изученными отъ Духа Святаго“ (1 Кор. 2, 13). Отсюда каждая частная церковь чѣмъ болѣе отражаетъ въ себѣ характеръ вселенской церкви и чѣмъ болѣе придерживается вселенскаго ученія, тѣмъ стоитъ ближе къ полнотѣ и чистотѣ истины. Вселенское же ученіе церкви

есть то, которому вѣровали и которое признавали за божественное всѣ истинные христіане, повсюду и на пространствахъ всѣхъ вѣковъ, или, по выраженію Викентія Лиринскаго, вселенское ученіе есть то «quod semper, quod ubique, quod ab omnibus», т. е. что всегда, вездѣ и всѣми признавалось за истину... („Облич. Богосл.“ Е. Успенскій, стр. 285.). Въ теософическихъ же кругахъ „все зависитъ отъ путей, по которымъ идетъ душа“ индивида.

Какая душа? „Грѣшная“, или „святая“? „зрячая“, или „слѣпая“? Какіе пути? „Прямые“, или „кривые“? „Широкіе“, или „узкіе“?

Объ этомъ теософія—умалчиваетъ. Она только говоритъ, что „на этихъ путяхъ“, когда „настало время“, само собой является *выраженіе*, которое напрасно ищутъ, когда хотятъ преднамѣренно его найти“. А гдѣ критерій—основаніе того, что найденное „выраженіе“ истинно, а не ложно, точно, а не „приблизительно“ точно.

ГЛАВА XXVII.

Теософія и дуализмъ.

Авторъ „Теософій“ д-ръ Р. Штейнеръ вездѣ въ своемъ произведеніи подчеркиваетъ, что въ ней („теософій“) нѣтъ ничего, чего не могъ бы признать каждый, кто стоитъ на почвѣ современнаго естествознанія“. Онъ знаетъ, что можно отдать должное всѣмъ требованіямъ естествознанія и именно потому признать обоснованнымъ примѣненный здѣсь способъ изображенія сверхчувственнаго міра“. (XI—предисловіе къ III изданію).

Насколько обоснованъ примѣненный здѣсь способъ изображенія сверхчувственнаго міра — покажетъ дальнѣйшій разборъ, а сейчасъ мы должны отмѣтить, что авторъ „Теософій“ слѣдуетъ методу (правилу, порядку, системѣ) раціоналистическаго синтеза англійской философіи.

Не напрасно Спенсеръ называется англійскимъ Гегелемъ.

Дерзая положительнымъ путемъ изъяснить абсолютное („познать въ самомъ себѣ Бога“), англійскій философъ пришелъ весьма близко къ дуализму Платона. По этому взгляду „древніе персы болѣе другихъ правильно изъясняли явленія міровой жизни, выходя изъ представ-

ленія двухъ началъ, вызвавшихъ міръ къ бытію и дѣйствующихъ въ немъ“. „Рядомъ съ Богомъ отъ вѣчности существуетъ матерія съ присущей ей силой. Богъ не есть творецъ міра, а лишь Образователь (Архитекторъ“). Изъ ограниченности Бога и изъ совѣчнаго Ему бытія матеріи выводится и существованіе въ мірѣ разныхъ нестроеній и вообще зла“... (Религ-филос. воззр. Милля. Городцевъ 1881 г. въ извл. по А. А. Соколовскому „Современные вопросы жизни“, стр. 28).

Спенсеръ, находя, подобно Спинозѣ, невозможнымъ усвоить Богу личность, чтобъ не лишить Его абсолютно-сти, неизбѣжно долженъ былъ софистически, устранивъ опредѣленные свойства и лишивъ всякаго содержанія Непознаваемого (Бога), превратить Его въ какое-то немислимое ничто.

Это „ничто“ лишено воли: хочеть оно вступить въ общеніе съ тобой, нашедшимъ Его, или нѣтъ — вопросъ этотъ не интересуеть эволюциониста теософа. Разъ ты „нашелъ въ себѣ Божество“. Ты же заставишь Его и „говорить, и мыслить, и дѣлать и думать“ чрезъ тебя. „Ты — копія Бога“...

Интересы науки требуютъ здѣсь отмѣтить, что подобное размышленіе подсказывается древнимъ крайне оптимистическимъ пелагіанскимъ взглядомъ на состояніе міра и человѣка. По этому воззрѣнію міръ и человѣкъ находятся въ нормальномъ состояніи: тотъ и другой — чистъ и добрѣ. Зло есть случайное пятно, легко устранимое средствами одного человѣка, его свободною волею. „Захотѣлъ, началъ созерцать; нашель Бога; заставилъ Его говорить, мыслить, дѣлать и думать черезъ себя“. Легко и... просто, но—истинно-ли?

Отсюда и грѣхъ понимается теософами „не какъ зло, не какъ преступленіе, а какъ ступень, по которой человѣкъ идетъ по пути къ добродѣтели“ (Ф. Гартманъ).

Слѣдовательно, нѣтъ нужды въ какихъ-либо чрезвычайныхъ, сверхъестественныхъ средствахъ для преодоленія мірового зла и для спасенія человѣка.

„Зло—въ недостаткѣ вѣдѣнія, въ необразованности, въ варварствѣ. Посему „наше время нуждается (для пре-

одоленія зла) въ развитіи сверхчувственныхъ познаній“... ибо все то, что человѣкъ узнаетъ о мірѣ и жизни обычнымъ путемъ пробуждаетъ въ немъ безчисленные вопросы, на которые отвѣтъ могутъ дать лишь сверхчувственные истины. Ибо въ этомъ не слѣдовало бы себя обманывать: то, что можетъ быть сообщено объ основахъ бытія внутри теперешняго духовнаго теченія, для *болѣе глубоко чувствующей души* является не отвѣтами, а вопросами о великихъ загадкахъ жизни и міра“.

„Но въ этихъ „сверхчувственныхъ истинахъ“ теософіи нѣтъ ничего, чего не могъ бы признать каждый, кто стоитъ на почвѣ современнаго естествознанія“. „По даннымъ же современнаго естествознанія и избранъ здѣсь способъ изображенія сверхчувственнаго міра“ (Р. Штейнеръ).

Здѣсь мы должны для полноты и объективности привести и слова образованнаго по своему времени римскаго гражданина, Апостола Павла, говорящаго о сверхчувственныхъ истинахъ въ иныхъ выраженіяхъ: „не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человѣку“... т. е. невидимое—непознаваемо въ условіяхъ земного бытія (1 Кор. 2, 9). Какъ въ силу давности (I в.), такъ и въ соотвѣтствіи съ общечеловѣческимъ (вселенскимъ) разумомъ, принявшимъ это свидѣтельство Павла, мы отдаемъ ему предпочтеніе предъ сравнительно молодымъ (20 в.), хотя и смѣлымъ заявленіемъ теософа д-ра Р. Штейнера о *раціоналистическомъ познаніи* „сверхчувственныхъ истинъ“.

Эта вѣра во всеисцѣляющую силу научнаго знанія является основой теософическаго міропониманія людей „вѣка сего“. Но неосновательность этой вѣры самымъ беспощаднымъ образомъ разбиваетъ сама, исповѣдующая эту вѣру интеллигентная среда, тѣ „братства“, „ложи“, „союзы“, „лиги“ и пр. нечуждые такому взгляду масонскія организаціи и партіи, завладѣвшія „ключами“ современнаго мірового неустройства, чтобы не сказать — ада.

„Имена“, „свѣтила науки“, „авторитеты“, даже „святѣйшій“, вся „просвѣщенная Европа“ и „новый Свѣтъ“ обнаружили нынѣ во всей неприглядной наготѣ отталки-

вающее, крайнее своекорыстіе, безпокойную зависть, черную неблагодарность, даже открытое издѣвательство надъ погибающей національной Россіей, коей обязанъ весь цивилизованный міръ очень и очень многимъ...

Въ виду нагляднаго примѣра примѣненія указаннаго міровоззрѣнія на судьбы русскихъ „лишенцевъ“ многіе какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ приходятъ уже къ мысли, что распространеніе „научныхъ знаній“ и „сверхчувственныхъ истинъ“ безъ нравственнаго перерожденія, возможнаго только въ опредѣленныхъ условіяхъ истинной церковности, не въ состояніи нравственно улучшить людей и никакое „созерцательное житіе“ внѣ Церкви Христовой не поможетъ „найти въ себѣ Бога“. А мысль заставить Его „говорить, мыслить, дѣлать и думать чрезъ насъ“ — принадлежитъ „древнему змѣю“, обѣщавшему прародителямъ: „будете, какъ боги, знающіе добро и зло“ (Быт. 3, 5). Не для подавленія авторитетомъ Библіи привели мы справку изъ книги „Бытія“, но для показанія характера теософскаго ученія. Не напрасно и теософія принимаетъ оккультизмъ въ его „лучшихъ“ проявленіяхъ — бѣлой магіи, по мысли теософовъ, способствующей человѣку выяснить въ себѣ Божество.

Но посмотримъ, посредствомъ какихъ силъ теософія обѣщаетъ человѣку „выяснить въ себѣ Божество“.

ГЛАВА XXVIII.

„Познаніе въ самомъ себѣ Бога“.

„Основною задачею человѣка теософы считаютъ „познаніе въ самомъ себѣ Бога“ („я есмь Я“). „Такъ какъ Богъ вездѣ, то Онъ есть и въ тебѣ, а потому твоя задача должна заключаться прежде всего въ томъ, чтобы найти въ себѣ Бога. Разъ ты это сдѣлалъ — говорятъ теософы: нашелъ Его, ты имѣешь право жить“.

Докторъ теософіи Рудольфъ Штейнеръ въ своей книгѣ „Теософія“ пишетъ: „во время дѣтскаго развитія въ жизни человѣка наступаетъ моментъ, когда онъ впервые чувствуетъ себя, какъ самостоятельное существо по отношенію ко всему остальному міру. Для людей тонко ощущающихъ это является значительнымъ переживаніемъ. Писатель Жакъ-Поль рассказываетъ въ своемъ жиз-

неописаніи: никогда не забуду я то, еще никому изъ людей мною не рассказанное событіе во мнѣ, когда я присутствовалъ при рожденіи своего самосознанія; я помню даже время и мѣсто. Однажды утромъ, будучи еще всѣмъ ребенкомъ, я стоялъ у двери дома и смотрѣлъ влѣво на сложенные дрова, какъ вдругъ внутреннее зрѣніе я есмь Я, какъ бы лучъ молніи съ неба упалъ на меня и съ тѣхъ поръ осталось сіяющее: тутъ впервые мое Я увидѣло себя само и навѣки“.

„Значить, продолжаетъ Р. Штейнеръ, когда человѣкъ говоритъ „Я“ въ немъ начинается говорить нѣчто, что не имѣетъ ничего общаго ни съ однимъ изъ міровъ, изъ которыхъ были взяты его тѣлесныя „оболочки“. „Я“ становится все болѣе и болѣе властелиномъ—тѣла и души. И это тоже находитъ выраженіе въ аурѣ. Чѣмъ больше Я становится властелиномъ тѣла и души, тѣмъ расчлененнѣе, разнообразнѣе, богаче красками аура (для „видящаго“—аура—есть образованія, среди которыхъ чело-вѣческое тѣло является какъ бы въ облакѣ). Это вліяніе Я на аурѣ можетъ воспринимать „видящій“. Само „Я“ невидимо также и ему; оно поистинѣ заключено въ „сокровенномъ святая святыхъ человѣка“. Но Я вбираетъ въ себя лучи свѣта, который вспыхиваетъ въ человѣкѣ, какъ вѣчный свѣтъ. Какъ человѣкъ соединяетъ въ „Я“ переживанія тѣла и души, такъ же даетъ онъ вливаться въ „Я“ и мыслямъ истины и добра. (А лживымъ мыслямъ полуистины и зла закрываетъ входъ?) Чувственные явленія раскрываются для „Я“—съ одной стороны; духъ (?)—съ другой стороны. Тѣло и душа отдаются „Я“, чтобы служить ему, а „Я“, въ свою очередь, отдается духу (?) для того, чтобы онъ наполнилъ его. „Я“ живетъ въ тѣлѣ и душѣ, духъ (?) же живетъ въ „Я“. И то, что есть въ „Я“ отъ духа (?), то вѣчно. Потому что „Я“ получаетъ суть и значеніе отъ того, съ чѣмъ оно связано“. (Р. Штейнеръ. Теософія, стр. 33-35. Москва 1915 г.).

Достаточно, по теософскому міровоззрѣнію, путемъ созерцательной жизни найти въ себѣ Божество, чтобы вступить въ непосредственное общеніе съ Нимъ; чтобы Оно говорило, мыслило, дѣлало и думало чрезъ такого Своего избранника.

„Послѣдній въ этомъ случаѣ долженъ разсматриваться, какъ носитель Божества, какъ копія Бога. Каждое его слово должно быть живымъ закономъ. Каждое его изреченіе есть изреченіе Самого Бога, переданное чрезъ него“ (Францъ Гартманъ). Не отсюда ли „сверхъ-человѣкъ“?

Когда читаешь хитросплетенныя басни теософскія, то невольно предносятся души лѣнивыя, отвергающія по слѣпотѣ указанный Самимъ Богомъ Путь (Іоан. 14, 1-6), а въ безумствѣ своемъ надѣющіяся на какое-то „перевоплощеніе“, могущее, будто бы, привести ихъ къ желанной цѣли.

Такія безпечныя души, по словамъ Макарія Египетскаго, „лѣнивыя, не терпящія трудовъ, когда еще находятся въ тѣлѣ, не стараются постояннымъ терпѣніемъ и великодушіемъ, не отчасти, но вполне здѣсь пріять святыню сердца, не надѣются съ полнымъ чувствомъ и удовольствіемъ вступить въ общеніе съ Духомъ Утѣшителемъ, а чрезъ Него освободиться отъ вредныхъ страстей“. И чистымъ сердцемъ „узрѣть Бога“. Ибо человекъ мысленно и въ волѣ своей не иначе охватываетъ себя и свою личность, какъ совместно съ Богомъ и въ Богѣ“.

„Если принято будетъ чье покаяніе, то будетъ ему послана и Божественная благодать... найдетъ онъ себя сокрушеннымъ сердцемъ, смиреннымъ, себѣ внимающимъ, умиленнымъ и кающимся о всѣхъ худыхъ дѣлахъ, какія надѣлалъ смолodu. И тогда — посредствомъ устроения внутри, познаетъ онъ, какъ велика немощь его и какъ непотребны и срамны грѣхи его. Такова первая благодать и первое просвѣщеніе, подаемое отъ Бога“. (Сим. Нов. Бог. ч. 1, стр. 164).

ГЛАВА XXIX.

„Перевоплощеніе“ и теософія.

Теософія учитъ: „Послѣ работы надъ собой по развитію высшихъ силъ интеллекта, дойдешь до извѣстной стадіи, когда для тебя открывается память о прошлыхъ жизняхъ“, а съ нею и „истина“, которая „утеряна изъ первоначальнаго ученія Христа“. „Остатки этой истины онъ находитъ въ принятомъ въ христіанствѣ Евангеліи.

Такъ теософы говорятъ: „При исцѣленіи слѣпорожденнаго ученики спрашивали Иисуса Христа, за какіе грѣхи онъ страдаетъ, за свои, или грѣхи родителей (Іоан. 9, 2-5)“. „Если возможенъ былъ вопросъ о наказаніи за грѣхи рожденнаго въ слѣпотѣ, то не значитъ ли, говорятъ теософы, что грѣхъ этотъ могъ быть совершенъ въ иной, прошлой жизни“. Этимъ и подобными мѣстами изъ текста Св. Писанія теософы стремятся утвердить свою теорію „перевоплощенія“, утверждающую, что „человѣкъ живетъ на землѣ много разъ, всякій разъ проходя всѣ семь сферъ бытія и всякій разъ возвращаясь чрезъ нихъ же, все время исправляя старыя ошибки и эволюционируя (улучшаясь, измѣняясь къ лучшему) въ духѣ, до тѣхъ поръ, пока не возсоединится съ Богомъ“, „сдѣлавшись совершеннымъ человѣкомъ“.

Но нужно сказать на всѣ эти „домыслы“: что, отвѣчая на вопросъ учениковъ, Господь показываетъ вмѣсто причины цѣль, для которой этотъ человѣкъ родился слѣпымъ: „не согрѣшилъ ни онъ (слѣпорожденный), ни родители его, но это для того (встрѣча и исцѣленіе), чтобы на немъ явились дѣла Божіи“. „Мнѣ должно дѣлать дѣла Пославшаго Меня, доколѣ есть день: приходитъ ночь (смерть), когда никто не можетъ дѣлать“ (Іоан. 4, 34; 12, 35). „Доколѣ Я въ мірѣ, Я свѣтъ міру“ (Исаія 42, 6; Іоан. 1, 5; 8-12).

На Христа и Церковь Его возложено Богомъ просвѣщеніе человѣчества, пребывающаго въ слѣпотѣ духовной (2 Кор. 3, 14), образомъ которой является слѣпоты тѣлесная. Соотвѣтственно сему, слѣпорожденный прозрѣлъ потомъ не только тѣломъ, но и духомъ, когда сказалъ Христу: вѣрую, Господи, и поклонился Ему, какъ своему Творцу-Богу (ст. 38).

„Мнѣ должно дѣлать дѣла Пославшаго Меня“, дѣла Божіи, „доколѣ есть день“—говоритъ Господь, разумѣя время Своего видимаго пребыванія на землѣ (Лук. 17, 22; Іоан. 8, 56). Солнце сіяетъ только днемъ. „Приходитъ ночь, к^огда никто не можетъ дѣлать“, т. е. приближается Мое отшествіе отъ міра (смерть, Воскресеніе и Вознесеніе на небо), когда дѣйствія въ мірѣ Христа, какъ Цѣлителя человѣческихъ недуговъ, (при противодѣйствіи

міра) не будетъ такъ замѣтно и непререкаемо для людей, какъ оно можетъ быть теперь. Хотя Я (Господь Іисусъ Христосъ) и всегда былъ и буду Свѣтомъ міру, но Я долженъ быть Свѣтомъ міра въ особенности теперь, когда Я видимо пребываю въ мірѣ“.

Іудеи, по наущенію своихъ „слѣпыхъ вождей“ фарисеевъ, употребили всѣ усилія, чтобы затмить это чудо, но не могли.

И нынѣ масоны—духовные сыны фарисеевъ употребляютъ всѣ усилія, чтобы затмить чудеса, совершаемыя въ Церкви и чрезъ церковныя таинства, противопоставляя имъ „данныя науки“, „очевидные факты“, „непредубѣжденный разумъ“, „авторитеты“ и „свѣтила“, но не могутъ, какъ и ихъ богоборные праотцы.

„И сказалъ Іисусъ: на судъ пришелъ Я въ міръ сей, чтобы невидящіе (простецы) видѣли, а видящіе (мудрецы вѣка сего) стали слѣпы“ (Матѣ 11, 25; 2 Кор. 3, 14).

„Услышавъ это, нѣкоторые изъ фарисеевъ, бывшихъ съ Нимъ, сказали Ему: неужели и мы (еврейскіе вожди) слѣпы?“

„Іисусъ сказалъ имъ: если бы вы были слѣпы, то не имѣли бы *на себѣ* грѣха, но какъ вы говорите, что *видите*, то грѣхъ (богоборчества) остается на васъ“ (Іоан. 15, 22,—9, 40-41).

Подъ судомъ разумѣется здѣсь то неизбѣжное раздѣленіе, которое происходитъ между людьми со времени пришествія Христа (Сына Божія) на землю, однако не по намѣреніямъ Его Самого („Я пришелъ не судить міръ, но спасти міръ“ Іоан. 12, 47 отъ власти, овладѣвшаго умами и сердцама вождей народа еврейскаго — діавола Іоан. 8, 44), а по различію человѣческихъ расположеній, умонастроеній (Лук. 2, 35; Матѣ. 10, 34-35). Такъ одни чувствуютъ свою „слѣпоту“, ищутъ свѣта міра и потому прозрѣваютъ („Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ“!.); а другіе не чувствуютъ слѣпоты. настолько увѣрены въ своемъ „европейскомъ просвѣщеніи“, что и прочихъ хотятъ руководить, а потому не идутъ ко Христу (въ Его Церковь православную) и остаются во тьмѣ лжи и полустинъ, въ безцерковности. Фарисеи тогдашніе и нынѣшніе говорятъ Христу всѣмъ своимъ гордымъ само-

утвержденіемъ: „неужели и мы слѣпы“. Господь отрицаетъ это именно потому, что Онъ называетъ людей не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ (Онъ пока еще не произноситъ окончательнаго судебного приговора), а такими, какими они себя считаютъ, а фарисеи (масоны всѣхъ странъ и временъ) считаютъ себя „видящими“, имѣющими „око духа“ (стр. 3). „Если бы вы были слѣпы (т. е. считали бы себя, по смиренію, слѣпыми), то вы увѣровали бы въ Меня и „не имѣли бы на себѣ грѣха“ (богоборчества и богоубійства), но какъ вы говорите, что „видите“, то грѣхъ остается на васъ, вы въ немъ сами коснѣете, закрывая глаза на правду Жизни — Христа и другихъ вводя въ заблужденіе своей теософіей“... (Кол. 2, 8).

Исходя изъ своего основного заблужденія, что „Исусъ Христосъ—не Сынъ Бога Живаго“, какимъ Его исповѣдуетъ вселенская церковь, а „одинъ изъ многихъ пророковъ“, теософы идутъ далѣе. „Всѣ религіи—равны; существуютъ по Промыслу Божию и даны (откровеніемъ?) онѣ каждому народу сообразно его запросамъ духа, условіямъ жизни („духу времени“) и національному міровоззрѣнію (какъ будто, въ основѣ міровоззрѣнія до сего дня лежало религіозное воззрѣніе, а у теософовъ наоборотъ), ибо Онъ лучше знаетъ, кому что нужно (кому Истина, а кому ложь). „Въ нашъ вѣкъ, говорятъ теософы, атеизма и матеріальнаго направленія цивилизаціи такое содружество религій (и синтезъ философіи и религіи) внесло бы большое очистительное омовеніе въ отношеніи вѣрующихъ людей, народовъ различныхъ расъ“.

„Дѣло синтеза соединить разрозненные куски истины въ настоящій рельефный образъ и вложить въ него (какъ Богъ вложилъ въ человѣка?) дыханіе жизни, которымъ будетъ существовать человѣчество“.

Но, выставляя своею задачею извлеченіе, путемъ будто бы безпристрастнаго изученія и изслѣдованія всѣхъ религій и вѣрованій, теософическое движеніе увлекаетъ умы въ самый мрачный матеріализмъ.

Да иначе и быть не можетъ.

Если точка отправленія неправильна, то дальнѣйшая

цѣпь умозаключеній, путемъ простой логики, приводитъ къ „геркулесовымъ столбамъ“ лжи и вымысла. Какъ и въ данномъ случаѣ, отвергнувъ Божественное Откровеніе, какъ источникъ истиннаго Богопознанія, теософія приводитъ своего „адепта“ къ беспочвенной бессмыслицѣ. Здѣсь расчетъ на принудительную власть мнѣній авторитетовъ, стоящихъ на основаніи „досто вѣрныхъ научныхъ опытовъ“. Авторъ „Теософіи“ съ докторскимъ апломбомъ заявляетъ въ предисловіи къ III изданію: „подлинный научный образъ мышленія и долженъ былъ бы почувствовать себя какъ дома въ этой книгѣ“.

Что же служитъ основаніемъ автору „Теософіи“ и его коллегамъ къ такому докторальному тону?

То, что нынѣ уже „принято“ относиться къ религіознымъ истинамъ или слишкомъ самонадѣянно, или легкомысленно. Одни игнорируютъ ихъ совершенно, ограничиваясь кое-какими свѣдѣніями школы; другіе увлекаются безъ контроля разными теоріями, довѣрчиво принимая гипотезу (предположенія) за положительныя данныя науки, третьи являются односторонними объективными эмпириками, опасаясь даже объясненія фактовъ, и ограничиваясь однимъ систематизированіемъ въ предѣлахъ чистаго опыта, безъ всякаго разумнаго оправданія ихъ умозрительнымъ анализомъ; четвертые боятся тайнъ природы, отрицая все чудесное сверхъестественное Библіи, какъ мистическое измышленіе, хотя всюду окружены непроглядной тьмой быстро смѣняющихся призраковъ; наконецъ, пятые довѣряютъ разрушительнымъ ученіямъ, не брезгующимъ и областью „чудеснаго“ въ оккультной обстановкѣ, и во имя ея отказывающимся отъ всего святаго и завѣтнаго, незамѣтно для себя, погружаясь въ безотрадную нирвану пессимизма и отчаянія, единственно изъ нежеланія разумной повѣрки тенденціозной лжи того, что „принято“, и „духовной лѣни“ „изслѣдовать писанія“ (Іоан. 5, 39).

Что же могутъ дать мнѣ ваши св. Писанія?— спросить увѣровавшій въ „видимую неудачу“ Христовой земной миссіи.

Никакая наука помимо св. Писанія не можетъ дать намъ возможность познать истинное назначеніе человѣ-

ка: чѣмъ онъ долженъ быть по существу. Изъ обыкновенныхъ звѣньевъ въ цѣпи существъ природы его выдѣляетъ сознаніе себя существомъ свободно-разумнымъ и отвѣтственнымъ не только за свои дѣла, но и за „помышленія“.

Онъ обладаетъ критической способностью ума своего, позволяющей ему судить не только о внѣшнемъ порядкѣ существованія, но и о своемъ устроеніи, о всеобщей и постоянной природѣ вещей и избирать лучшее,—то, что слѣдуетъ, что добро, и воздерживаться отъ того, что не должно, что зло. Онъ имѣетъ приказъ искать (Матѹ. 6, 33;—7, 7; Лук. 11, 9;—12, 31) и познавать истину (Іоан. 8, 32) и благо (Матѹ. 11, 30) и стремиться къ нимъ свободно, не автоматически и безсознательно (по сказкѣ эволюцій), какъ животныя,—по существу своему человѣкъ сотворенъ быть царемъ природы. Въ его произволеніи осуществить, или не осуществлять эти силы—таланты (Матѹ. 25, 18, 25, 28) въ дѣйствительности. Такое назначеніе указывается и составомъ (Псал. 102, 14; Евр. 4, 12), организаціей человѣка: высокимъ развитіемъ его нервной системы, и особенно головного мозга, посредствующаго въ регулированіи чувственной природой, его даромъ слова, стройностью и взаимной гармоніей его органовъ, высоко выдвигающихъ его надъ животнымъ царствомъ. Въ силу этихъ данныхъ онъ способенъ безгранично простираетъ, развивать и укрѣплять въ ширь и глубь сознаніе и соображеніе, предвидѣть, обобщать и судить о всѣхъ вещахъ и явленіяхъ вселенной, какъ разумно-свободное существо силою смысла, а не силою вещей, какъ ложно представляютъ адепты теософіи. Что дано ему въ возможности, онъ можетъ проявить въ дѣйствительности.

Правда, мудрецы вѣка сего, начиная съ Огюста Конта, отказываютъ разуму въ познаніи высшихъ идеальныхъ истинъ, ограничивая его только областью объективнаго міра въ предѣлахъ наблюденія и опыта, отказываютъ даже и въ правѣ на свободу, увѣровавъ въ детерминизмъ и подчинивъ человѣка слѣпому эволюціонному прогрессу. Слѣдствіемъ чего являются заблужденія и отказъ въ подчиненіи Высочайшей волѣ, открытой въ св. Библіи, ими

отвергнутой. На мѣсто долга, обольщенный разумомъ и „знаніемъ“ ставить, какъ мотивъ для дѣятельности, удовольствіе, пользу и житейскій расчетъ, полагая здѣсь и счастье и благо.

ГЛАВА XXX.

Теософы—матеріалисты.

Хотя теософы и отказываются отъ связи съ матеріалистами, ссылаясь на свои „метафизическіе“ опыты „пробужденія тѣхъ способностей, которыя дремлютъ въ каждомъ человѣкѣ, внутри области познанія“, тѣмъ не менѣе они—законченные матеріалисты, когда при объясненіи процессовъ духа, бросаются въ разныя нервныя жидкости. По ихъ ученію „тѣло строится изъ минеральныхъ веществъ, оживляется эфирнымъ (гипотеза, придуманная наукой) тѣломъ“. „Эго есть тѣло душевное или тѣло ощущеній“. „Можно также сказать, одна часть эфирнаго тѣла тоньше (разжиженнѣе), чѣмъ остальное, и эта болѣе тонкая (жидкая) часть эфирнаго тѣла образуетъ единство съ душой ощущающей, между тѣмъ какъ болѣе грубая (густая) часть образуетъ родъ единства съ физическимъ тѣломъ“. „То, что называется ощущеніемъ, есть лишь часть душевнаго существа. Къ ощущеніямъ примыкаютъ чувства удовольствія и неудовольствія, влеченія, инстинкты, страсти. Все это носить тотъ же характеръ личной жизни, какъ и ощущенія, и подобно имъ зависитъ отъ тѣлесности“ (сгущеннаго эира). „Такъ же, какъ съ тѣломъ, душа ощущающая находится во взаимодѣйствіи и съ мышленіемъ, съ духомъ“. (Р. Штейнеръ, „Теософія“, стр. 26 и дал.).

Вотъ, взятая для анализа, крупница теософическаго ученія о составѣ человѣка, сразу показываетъ природу сего ученія.

На первый взглядъ, какъ будто „все обстоитъ благополучно“: „тѣло и душа“, „душа и духъ“, „ощущенія“, „чувства“ и пр., только о „волѣ“—замалчивается...

Но при вдумчивомъ подходѣ, оказывается, что теософія эта „поднимающаяся волна легкаго философскаго раціонализма“, подобно „морской волнѣ, вѣтромъ поднимаемой и развѣваемой“ (Іак. 1, 6), смывая вѣру въ

Божественное откровеніе и ставя на мѣсто вѣры въ Откровеніе—„плоскую вѣру въ разумъ“, презрѣвъ „образъ и подобіе Божіе“ (Быт. 1, 27), творитъ внѣшній видъ и жизненное отношеніе... посвоему собственному подобію“.

Поставивъ предъ собой это „подобіе“, теософія, исходя изъ положенія, что „отъ одинаковыхъ слѣдствій слѣдуетъ умозаключить къ одинаковымъ причинамъ, пришла къ тому глубокому выводу, что на человѣка воздѣйствовали нѣкогда одинаковыя причины съ общимъ космосомъ“.

Но какія это причины? Оставивъ въ сторонѣ богословскую философію, видящую во всемъ мірѣ съ момента его бытія „перстъ Божій“, теософія поставила на мѣсто Личнаго Бога, Творца и Промыслителя — какую-то „сило-сущность“. „Кто причина того, что въ животномъ проявляется самочувствіе, а въ человѣкѣ самосознаніе“? „Въ животномъ духъ чувствуетъ себя душой; она еще не воспринимаетъ себя, какъ духа. Въ человѣкѣ же духъ познаетъ себя, какъ духа, хотя—познавая чрезъ физическій аппаратъ—только какъ тѣневой отблескъ духа, какъ мысль“.

„Тройственный міръ расчленяется по теософіи слѣдующимъ образомъ: 1) царство первообразныхъ, лишенныхъ формы существъ (элементарное царство); 2) царство существъ, творящихъ облики (второе элементарное царство); 3) царство душевныхъ существъ (3 элементарное царство); 4) царство созданныхъ обликовъ (облики кристалловъ); 5) царство, которое становится чувственно-воспринимаемымъ въ обликахъ, но надъ которымъ работаютъ существа, творящія облики (царство растений); 6) царство, которое становится чувственно-воспринимаемымъ въ обликахъ, но въ которомъ кромѣ того дѣйствуютъ еще существа, творящія облики и изживающія себя душевно (животное царство), и 7) царство, въ которомъ облики чувственно воспринимаемы, въ которомъ еще дѣйствуютъ и существа, творящія облики, и изживающія себя душевно, въ которомъ самъ духъ образуется въ формѣ мысли внутри чувственного міра (царство человѣческое)“.

Отсюда можно видѣть, какъ связаны съ духовнымъ

міромъ основныя составныя части живущаго во плоти челоуѣка. (Припомнимъ 19 стр.: „челоуѣческое тѣло обладаетъ строеніемъ, соотвѣтствующимъ мышленію. Тѣ же вещества и силы, что находятся въ минеральномъ царствѣ, находятся въ челоуѣческомъ тѣлѣ въ такомъ сочетаніи, что чрезъ это сочетание можетъ *проявляться мышленіе*“).

Физическое тѣло, эѣирное тѣло, ощущающее душевное тѣло и душу разсудочную разсматриваютъ, какъ уплотнившіяся въ чувственномъ мірѣ праобразы страны духовъ. Физическое тѣло возникаетъ оттого, что праобразъ челоуѣка уплотняется настолько, что можетъ проявляться чувственно. Согласно этому, физическое тѣло можно также назвать существомъ перваго элементарнаго царства, которое уплотнилось настолько, что стало доступнымъ чувственному воспріятію“... (стр. 134 и дал.).

„При пониманіи чувственнаго міра, т. о., открываются также и пониманіе существъ иного рода, чѣмъ тѣ, которыя имѣютъ свое бытіе въ вышеназванныхъ четырехъ царствахъ природы. Какъ образецъ такихъ существъ, возьмемъ то, что называется *духомъ народа*“.

„Онъ не проявляется непосредственно, чувственнымъ образомъ. Онъ изживается въ ощущеніяхъ, чувствахъ, склонностяхъ и т. д., которыя можно наблюдать, какъ общія одному извѣстному народу. Онъ есть *существо*, которое не воплощается чувственно, но подобно тому, какъ челоуѣкъ образуетъ свое тѣло чувственно-воспринимаемымъ, такъ и это существо образуетъ свое тѣло изъ вещества міра душъ. Это душевное тѣло духа народа подобно облаку, въ которомъ обитаютъ члены народа, вліянія котораго появляются въ душахъ данныхъ людей, но которыя происходятъ не изъ самихъ этихъ душъ. Тотъ, кто представляетъ себѣ духъ народа не такимъ образомъ, для того онъ остается призрачнымъ мысле-образомъ, безъ жизни и содержанія, пустой отвлеченностью.—Подобное же можно бы сказать и относительно того, что мы называемъ *духомъ времени*. Такъ нашъ духовный взоръ распространяется на многообразіе иныхъ низшихъ и высшихъ существъ, которыя живутъ въ окружающемъ челоуѣка мірѣ, но не могутъ быть восприняты

имъ чувственно. Обладающіе же способностью духовнаго зрѣнія могутъ воспринимать такихъ существъ и могутъ ихъ описывать. Къ низшему роду такихъ существъ принадлежатъ всѣ тѣ, кого воспринимающіе духовный міръ называютъ саламандрами, сифами, ундинами, гномами". (стр. 136-137).

ГЛАВА XXXI.

Теософія—вымыселъ.

Теософія, подобно неоплатонической школѣ, строя свою систему на началахъ греческой философіи, особенно Платона, Пифагора, Аристотеля взяла изъ религіозныхъ вѣрованій всѣхъ временъ, что ей нужно и на собираемомъ въ вѣкахъ „матеріалѣ“ сочиняетъ „непосредственную религію“, т. е., ту ступень религіи, когда, какъ говоритъ Гегель „уже имѣется необходимая идея о существованіи абсолютнаго божественнаго существа"... Но, очевидно, человѣкъ не хочетъ еще „взыскать Бога“, который „взыскающимъ Его мздовоздатель бываетъ". (Евр. 11, 6).

И въ силу своей инертности (неподвижности) онъ, скользя по поверхности, но не углубляясь въ сущность вещей, удовлетворяется въ теософіи, простите за грубое сравненіе, религіозной селянкой, состоящей изъ оккультныхъ знаній вавилонскихъ и египетскихъ и др. маговъ, религіи Конфуція, индѣйскаго браманизма („религія фантазіи"), восточнаго буддизма (религіи въ себѣ бытія); персидской „религіи свѣта"; культа ваала („религіи страданія"); египетской „религіи загадки"; если что теософія и взяла отъ конечной религіи духовной индивидуальности—„религіи возвышеннаго"—иудаизма; и древнихъ: греческой „религіи красоты" и римской государственной „религіи цѣлесообразности", то отъ абсолютной религіи, созданной самимъ Богомъ (Матѣ. 16, 18)—христіанской религіи теософія не могла ничего взять, ибо христіанская религія есть служеніе Новаго Завѣта, не буквы, но духа. (2 Кор. 3, 6).

Буквы теософія могла позаимствовать у христіанства, но дѣйственный духъ его нельзя пріобрѣсти посредствомъ одного „знанія".

Ибо не тотъ Іудей, кто таковъ по наружности, и не то обрѣзаніе, которое наружно, на плоти (Рим. 9, 6, 8). Древнее прошло (2 Кор. 5, 17) „Но тотъ Іудей, кто внутренно таковъ, и то обрѣзаніе (Кол. 2, 11), которое въ сердцѣ, по духу, а не по буквѣ: ему и похвала не отъ людей, но отъ Бога“. (Втор. 30, 6; Рим. 4, 12; Фил. 3, 3; Рим. 2, 28, 29).

Людвигъ Фейербахъ въ своихъ работахъ „сущность христіанства“, и „сущность религіи“ къ взглядамъ Гегеля прививалъ нѣкоторыя причинныя воззрѣнія французскаго философскаго масонскаго матеріализма и такимъ образомъ приходитъ къ тому, что совершенно разрушаетъ все идеологическое сооруженіе гегелевской философіи религіи.

Фейербахъ отвергаетъ гегелевскую исходную точку домировое существованіе духа (абсолютной идеи), независимаго отъ матеріи; чувственно воспринимаемый міръ для него—единственно дѣйствительное, а человѣческое сознаніе—исключительно функція мозга. Духъ, мышленіе это только высшій продуктъ матеріи. Человѣкъ со всѣми его психическими способностями тоже продуктъ исключительно природы, и потому его сознаніе обуславливается и опредѣляется его матеріальной сущностью (его природой). Но если человѣкъ можетъ мыслить лишь то, что соотвѣтствуетъ способностямъ создавать представленія, обуславливаемые его существомъ, то и его представленія о Богѣ, его сознаніе Бога есть не что иное,—какъ лишь сознаніе его собственнаго существа, и так называемое познаніе Бога есть лишь самопознаніе. Такимъ образомъ Фейербахъ (а съ нимъ и его „братья масоны“) пришелъ къ тезису (положенію-утвержденію): абсолютное существо, богъ человѣка есть его собственное существо“. (Г. Куновъ. „Возникновеніе религіи и вѣры въ Бога“ стр. 21-22. 1925 г. Л.-град).

Отсюда и вѣщанія теософическаго адепта, д-ра Р. Штейнера: „познаніе подразумѣваемаго въ этой книгѣ („Теософія“) духа вѣдѣнія можетъ самъ пріобрѣсти себѣ каждый человѣкъ. Описанія вродѣ тѣхъ, что даются въ этой книгѣ, рисуютъ мысленную картину высшихъ міровъ. И въ извѣстномъ отношеніи они являются первымъ ша-

гомъ къ самостоятельному созерцанію. Ибо человѣкъ есть мысле-существо. Онъ можетъ найти свои познанія тогда, когда исходитъ изъ мысленія“, (145 стр.) Правъ Аристотель: „человѣкъ творитъ внѣшній видъ и жизненные отношенія своихъ боговъ по собственному подобію“.

Но не права теософія, какъ доктрина претендующая на значеніе міровой религіи.

Она нанесла, какъ яицъ, подобно ядовитой мухѣ, повсюду общихъ началъ, запутавшихъ нашу жизнь, совсѣмъ отрѣшившихъ отъ нея церковное и государственное законодательство и самую науку ставящихъ нерѣдко въ противоположность съ жизнью и ея явленіями.

Вслѣдъ за адептами теософіи идетъ толпа „учениковъ“. Общія положенія въ невзыскательныхъ головахъ приобрѣтаютъ значеніе непререкаемой истины, борьба съ коею, по наблюденію еще К. П. Побѣдоносцева „становится все тягостнѣе, а подчасъ и совсѣмъ невозможна“. Что же остается дѣлать въ этомъ затруднительномъ положеніи?

Прежде всего—не унывать.

„Ибо у злобы всегда одно и тоже ухищреніе ввергать насъ въ уныніе..., чтобы лишить упованія на Господа“. (Макарій Егип.)

Задонскій затворникъ Георгій въ своемъ обращеніи къ одному Боголюбцу, жаловавшемуся на подобнаго рода затрудненія писалъ: „Долгъ нашъ—опасаться всего того, что бывает не по Христѣ (противно св. Писанію), хотя бы то и подлинно сладкою любовію казалось намъ. Ради Христа храните сердце ваше отъ окрадывающаго лукаваго духа: онъ дѣйствуетъ... чрезъ покоряющихся ему служителей; являющихся въ видѣ блистающаго ангела, любезными и дружескими расположеніями, чтобы тѣмъ развратить непримѣтнымъ образомъ ваше доброе сердце и уклонить всю душу отъ любви Божіей въ любовь человекоугодную“ (2 Кор. 11, 14).

Чѣмъ „подкупаетъ“ въ свою сторону современнаго человѣка теософія? (Кол. 2, 8).

Тѣмъ, что „авторъ (теософической книги) знаетъ, что въ ней нѣтъ ничего, чего не могъ бы признать каждый, кто стоитъ на почвѣ современнаго естествознанія. Онъ зна-

еть, что можно отдать должное всѣмъ требованіямъ естествознанія и именно потому признать обоснованнымъ примененный здѣсь способъ изображенія сверхчувственного міра“.

Сверхчувственный міръ и — лабораторіи и кабинеты съ ихъ кислотами, таблицами и щелочами!

„Нѣтъ, говоритъ докторъ А. А. Соколовскій, никакія убѣжденія, никакая наука не въ состояніи вырвать изъ груди его сознаніе о человѣческой личности, которое въ немъ не отъ нервовъ, — не отъ мозгового вещества, — не отъ измышленія, а — только отъ того, что онъ по самому существу живетъ и дышетъ безконечностью, какъ дѣйствительный образъ Божій. А потому отрицать вѣчную истину (на что посягаетъ Теософія) отрицать душу человѣка, обращая его въ бессмысленную вещь и касаться къ нему насиліемъ, есть — убійство и невыносимое кощунство“.

„Положительная наука зиждется на экспериментѣ... отсюда выводы крайне узки и близоруки, — далекое со-всѣмъ теряется и почти пропадаетъ изъ виду, продукты такого мышленія отзываются не жизнью и смысломъ, а кислотами щелочами кабинетовъ, враждебныхъ всему живому“.

При дальнѣйшемъ же изученіи, оказывается: теософія расходится не только съ Божественнымъ Откровеніемъ, но и съ естествознаніемъ, хотя и именуется себя самозванно „божественнымъ знаніемъ“. По Откровенію: „создалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земнаго... (Быт. 2,7).

По теософіи: „подобно минераламъ, *человѣкъ строитъ* свое тѣло изъ веществъ природы; подобно растеніямъ, онъ растетъ и размножается; подобно животнымъ, онъ воспринимаетъ окружающіе его предметы и, на основаніи впечатлѣній отъ нихъ, слагаетъ свои внутреннія переживанія. И потому человѣку можно приписать бытіе минеральное, растительное и животное“ (стр. 13).

Въ Откровеніи говорится: „сотворилъ Богъ“... (Быт. I гл.).

А въ теософіи: „человѣкъ строитъ свое тѣло“... (стр. 13).

По Библии: „и вдунулъ въ лице его (человѣка) дыханіе жизни“ Богъ (Быт. 2,7).

По теософски: „граница души ощущающей не совпадаетъ съ границею физическаго тѣла“. Да и различіе между тѣломъ и душой, по теософски, только въ степени плотности: душа „болѣе тонкая часть эфирнаго тѣла“.

По Откровенію: Первопричина Бытія — Творецъ — Личное Существо — Господь Богъ.

По теософіи: — „Жизненная сила“ „Архитектор“ — абсолютное ничто.

Какъ бы глубокомысленно теософія не объясняла человѣческое существо, она стоитъ около непонятнаго механизма органической фабрики. Что направляетъ дѣйствующія въ ней (фабрикѣ) силы къ охранѣ и поддержанію бытія въ извѣстномъ типическомъ видѣ — это непосильно естествовѣднію и научно необъяснимо.

Здѣсь мы считаемъ нелишнимъ привести на справку изъ нашей университетской жизни слѣдующее.

Мы, студенты-медики, слушали профессора гистологии Смирнова. Рѣчь шла о протоплазмѣ. Протоплазменная клѣтка, въ соотвѣтствующей средѣ выделяетъ изъ себя кислоту, подъ дѣйствіемъ которой часть наружной матеріи разлагается. Полученное отъ этой реакціи протоплазменная клѣтка всасываетъ въ себя чрезъ мельчайшія поры чѣмъ поддерживаетъ свое существованіе.

Процессъ этотъ для невооруженнаго глаза незамѣтенъ.

Подъ микроскопомъ же наблюдается слѣдующее. Сѣрозный оползень, встрѣчая на пути предметы, обволакиваетъ ихъ всѣмъ своимъ тѣломъ, окисляетъ его своими соками и, вытянувъ изъ него жизненные соки, непереваримое извергаетъ вонъ. Пищевые соки внутри тѣла микроорганизмовъ подвергаются окисленіямъ, вырабатываемымъ особыми желѣзами, для того, чтобы дать новый родъ пищи, потому что микроорганизмъ (амеба, протоплазма), при кажущейся простотѣ и однородности, на самомъ дѣлѣ состоитъ не изъ однихъ желѣзъ, но и изъ другихъ первичныхъ органовъ, требующихъ иного состава пищи, а для сего должны быть добавочныя желѣзы, или органы, замѣняющіе органы пищеваренія.

Для „обывателя“ это „слизнякъ“, на который онъ и не обращаетъ вниманіе.

Для естествоиспытателя — это научный опытъ наблюденія за развитіемъ первичной клѣтки.

Для вѣрующаго — это свидѣтельство о Творческомъ словѣ: „да произведетъ вода пресмыкающихся, душу живую“... (Быт. 1,20).

„Разумъ человѣка, просвѣщаемый Высшимъ Разумомъ нынѣ составить полнаго человѣка со всѣми органами его, но одного только разумъ человѣческій не можетъ дать: это — *жизнь организму*. Вотъ здѣсь то, заключилъ профессоръ, наука должна смиренно склониться предъ Личнымъ Разумомъ Творца“.

Ни „нервное электричество Дюбуа (отрицательныя колебанія), ни „химическія эксплозіи и нервныя толчки Спенсера, ни „особая форма эфирныхъ колебаній, или субъективная форма общей міровой субстанціи Рибо не даютъ дѣйствительно научнаго объясненія, ощущенія, какъ основы сознанія“.

„Можетъ ли ощущеніе (т. е. по теософски „вспыхиваніе „Я“) какъ основа сознанія, быть ни чѣмъ инымъ, какъ движеніемъ? Объективный звукъ, свѣтъ или теплота все не то, что субъективный, т. е. ощущаемый „мною“, моимъ „я“. Звукъ, свѣтъ, теплота, понимаемые объективно, суть только колебанія разнаго рода. Только наше ощущеніе или сознаніе переводитъ эти колебанія въ звуки, цвѣта, краски, холодъ, теплоту и пр. Пусть мысль есть колебаніе—движеніе, но не будь сознанія, переводящаго это колебаніе въ ощущеніе состояніе мысли, и мы не будемъ имѣть понятія о мысли собственно, такъ какъ мы знали бы только движенія, обуславливающіе мысль. Ясно, что есть *нѣчто*, отличное отъ движенія. И этого мало: въ насъ существуетъ еще переводъ этого движенія на символическій субъективный языкъ, звуковъ, цвѣтовъ и пр. До нашего сознанія никакихъ собственно колебаній не доходитъ, мы звукъ отъ тепла, отъ свѣта отличаемъ не потому, что бы ощущали, что одно колебаніе быстрѣе, или его движенія перпендикулярны къ направленію, а другое тише и его волны параллельны, третьяго—кругообразны и т. д., нѣтъ; мы ничего этого не

сознаемъ, мы прямо сознаемъ звукъ, свѣтъ, теплоту, т. е. наши субъективные символы, или ощущенія разнородныхъ движеній. Значить, если бы мы, паче чаянія когда нибудь добрались до способа, какимъ образомъ наше „я“ сознаетъ движенія, происходящія въ организмъ и возбуждаемыя виѣшними движеніями, мы еще ровно ничего не знали бы о томъ, какъ это самоощущеніе передѣлываетъ колебанія въ чувственные символы“.

Вотъ какъ сложенъ вопросъ о сознаніи.

А теософія внушаетъ своимъ ученикамъ чисто матеріалистическое міровозрѣніе.

Не даромъ она при началѣ же своего распространенія нашла сразу большое сочувствіе на Западѣ и Востокѣ. Уже въ Америкѣ къ теософическому („освободительному“) движенію пристало множество „спиритовъ“, членовъ масонскаго „Королевскаго Общества“ въ Лондонѣ, членовъ „Психическаго Общества“, профессоровъ, политиковъ, причастныхъ къ масонству.

Но какихъ бы „именъ“ теософія не вплетала въ свою „свѣтъ“ ей не рѣшить, при помощи современнаго естествознанія, вопроса о томъ, какимъ образомъ вибраціи дѣлаются ощущеніемъ. Психифизика отказывается дать отвѣтъ на сей вопросъ.

„Образованіе органической ячейки, говоритъ Хвольсонъ, передачу нервами впечатлѣній до мозга, можно еще надѣяться когда нибудь понять въ смыслѣ движенія; но появленіе въ этой ячейкѣ самосознанія, чувства—никогда“.

Всякая передача депеши, пишетъ ученый мужъ Мейеръ, требуетъ электрическаго тока, т. е. растворенія цинка въ кислотѣ. Это раствореніе сопровождается передачу депеши; но она не можетъ служить исходной точкой для объясненія *смысла, содержанія* депеши. Точно такъ движенія въ мозгу и нервахъ, можетъ быть сопровождають проявленія души, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить для ихъ объясненія. Душа (безсмертная субстанція) освобождаетъ только скрытую энергію, какъ искра производитъ пожаръ, играя роль освободителя скрытой энергіи“.

Итакъ сознаніе не есть объективное движеніе, а осо-

бое субъективное свойство, непереводимое на движение, а на оборотъ *сознающее* его.

Движеніе, какъ движеніе, т. е. какъ простая перемѣна мѣста, не можетъ ощущать. Это безсмыслица такая же, какъ сказать, что качаніе маятника ощущаетъ бой часовъ. Ощущать можетъ только одушевленный предметъ, а не дѣйствіе (движеніе). Сознаніе должно заключаться въ одушевленномъ предметѣ, а не въ его дѣйствіи, слѣдовательно и не въ движеніи, хотя можетъ обуславливаться движеніемъ, но оно есть состояніе, свойство, а не дѣйствіе, и притомъ свойство и состояніе не объективное, т. е. не физическое, ибо всѣ физическія состоянія суть—движенія, а особое субъективное состояніе, неимѣющее однородности и тождества съ движеніемъ, а потому не имѣющее однородности и тождества ни съ какой изъ извѣстныхъ намъ силъ чисто физическихъ, т. е. объективныхъ (двигательныхъ) явленій.

Въ чемъ состоитъ сущность этой силы,—это остается тайной для науки. „Матеріалисты, говоритъ Льюніа, такіе же метафизики, когда пускаются в разныя нервныя жидкости и вибраціи. Будь, какъ хочешь, изобрѣтателемъ, а этими вибраціями не объяснишь сущность воспріятія, которое и остается главнымъ фактомъ вѣчной тайны“. (А. Соколовскій).

ГЛАВА XXXII.

Теософія нашихъ дней.

„Теософія нашихъ дней, въ современной теософической литературѣ, занята болѣе всего эволюціей жизни. Но и знаніе, вѣдающее эволюціей формъ, имѣющееся въ любомъ отдѣлѣ современной науки, составляетъ также часть Древней Мудрости. Въ обоихъ *отдѣлахъ существуютъ и пробѣлы*, которые нужно заполнить, но, рассматривая ихъ правильно, легко убѣдиться, что одинъ отдѣлъ дополняетъ другой“. „Какъ въ каждомъ научномъ произведеніи, такъ и въ этомъ изложеніи Теософіи, должны быть два элемента. Авторъ излагаетъ то, что было признано за истину *всѣми учеными изслѣдователями*, или большинствомъ изъ нихъ, но въ то время онъ *вставляетъ и результатъ* труда *немногихъ*, или своего

собственного труда, который нуждается еще въ пересмотрѣ и подтвержденіи. По мѣрѣ развитія темы, онъ можетъ незаметно, или по недостатку научной тренировки не раздѣлять этихъ двухъ элементовъ. Такъ же и въ моемъ трудѣ, пишетъ теософъ С. Джинараджадаса, хотя его основныя идеи можно считать вполне „теософическими“, совершенно точно излагающими знаніе открытаго Учителя Мудрости, въ немъ могутъ быть и такія мѣста, которыя не имѣютъ столь высокаго источника. Но истину *каждый* долженъ раскрыть самъ для себя, другіе могутъ лишь указать ему путь. *Научно утвержденныя истины и личныя, быть можетъ, ошибочныя, сужденія должны быть одинаково провѣрены*“.

„Хотя въ основныхъ своихъ идеяхъ Теософія и есть *откровеніе*, но она не желаетъ быть авторитетомъ для того, кто внутренне не соглашается съ нею. Зная, что самое дорогое и самое необходимое для человѣка это—имѣть такую благородную гипотезу жизни, которая могла бы удовлетворять и сердце, и умъ его, трудъ написанъ мною съ тѣмъ, чтобы показать, что *такая гипотеза содержится* въ Теософіи“¹⁾.

ГЛАВА XXXIII.

Эволюція жизни формы.

Изучая труды адептовъ Теософіи, поражаешься на первыхъ порахъ и незаурядной ихъ начитанности и сверхъчеловѣческому дерзанію. Въ самомъ дѣлѣ, сознавать въ тайникахъ своей души и даже открыто заявлять о томъ, что Теософія вся не больше, какъ „гипотеза“, т. е. предположеніе, догадка и въ то же время говорить о „космической эволюціи“ съ такимъ видомъ и тономъ, какъ будто видимая природа, в данномъ случаѣ не только земля съ ея стихіями, а вся необъятная вселенная со всѣми міриадами ея міровъ и системъ находится въ какомъ то иномъ отношеніи къ человѣку, помимо опредѣленнаго Судомъ Божиимъ, произнесеннымъ надъ царствами неразумныхъ существъ за вину и нравственное растлѣніе человѣка.

¹⁾ Курсивъ нашъ.

Что видимая природа стала находиться въ иныхъ отношеніяхъ къ человѣку, по его грѣхопаденію, чѣмъ какія должны и могли быть—къ нему несогрѣшившему, и что пользованіе человѣка землею и тѣмъ, что съ нею соединено, подвергалось измѣненію (эволюціи) въ неблагопріятномъ и худомъ для человѣка смыслѣ, на это ясно указываетъ, не „теософическое“, а Божественное Откровеніе, т. е. указаніе тогда и того „что еще не было видимо“ (Евр. 11, 7). А теософическое „откровеніе“ зиждется на видимомъ, уже совершившемся; и правильнѣе его называть, не откровеніе, а „наблюденіе“.

Далѣе, когда теософія ссылается на „научныя данныя“, то это значитъ, что она беретъ все, что захватываетъ собою тѣ феномены, которые можно до нѣкоторой степени объяснить такими же, установленными, нормальными и ненормальными явленіями въ области фізіологіи и психологіи человѣка, в ихъ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи, какъ, напримѣръ: экстеріоризація, ясновидѣніе, телепатія, раздвоеніе личности, предчувствіе, работа подсознанія, сознанія и т. п.

Далѣе слѣдуютъ всѣ виды симуляцій, обмановъ, поддѣлокъ, мифоманія (ложь), натанимія (симуляція различныхъ явленій в области человѣческаго тѣла: судороги, рвота, икота, прекращеніе или усиленіе пульса и т. п.; различные формы т. н. подстрекательства. Словомъ всѣ тѣ явленія, которыми пользуются сознательно особы, одержимыя маніями къ различнымъ честолюбивымъ и корыстолюбивымъ стремленіямъ. Семья этихъ „ученыхъ маговъ“ настолько велика, что на съѣздѣ спиритовъ въ Бельгіи въ 1910 г. делегаты всѣхъ странъ свѣта вынуждены были подвергнуть обсужденію вопросъ о борьбѣ съ этою огромною позорною силою въ ихъ средѣ. (В. Н. Быков).

Итакъ, изъ нашего общаго критическаго обзора видно, что существо человѣка теософія исказила, ставъ на матеріалистическую точку зрѣнія. Всѣ ухищренія д-ра Р. Штейнера дать понятіе о „духо-человѣкѣ“ (стр. 43) заводятъ читателя в дебри фантазіи, т. е. того, что „не можетъ быть воспринято физическими чувствами“ (стр. 45).

„Образованіе міра душъ и страны духовъ (оказы-

вается) не могутъ быть предметами внѣшняго, чувственнаго воспріятія" (стр. 126). Да, не могутъ. Это область, отвергаемой теософіей вѣры. Такъ, къ чему же весь этотъ „огородъ“?

На какой путь познанія можно разсчитывать у теософіи, допускающей лишь доказательства, соотвѣтствующія ея „теософическому“ складу мышленія, опирающагося на пространство между небомъ и землей.

Если какой-нибудь наивный г. теософъ, или г-жа теософка заподозрятъ насъ въ стремленіи къ парадоксамъ, то мы отошлемъ ихъ къ тексту ихъ „апостола теософіи“ д-ра Р. Штейнера. Пусть они потрудятся прочитатъ, хотя указанную нами 126 стр. книги „Теософія“ и сопоставятъ съ предыдущей 109 страницей. На коей возглаголено: „когда на своемъ пути между двумя воплощеніями человѣческой духъ прошелъ черезъ „міръ душъ; то она вступаетъ въ „страну духовъ, чтобы пребывать тамъ пока онъ не созрѣетъ для новаго тѣлеснаго бытія. Смыслъ этого пребыванія „въ странѣ духовъ“ становится понятенъ лишь тогда, когда мы сумѣемъ правильно истолковать задачу жизненнаго паломничества человѣка чрезъ его воплощенія“... (Стр. 109).

Здѣсь мы должны сказать, что истерію одного паломничества души мы слышали во Владивостокскомъ Теософическомъ обществѣ въ 1919 г.

Во Владивостокѣ, на Набережной ул., в домѣ № 14 собиралось мѣстное теософическое общество. Насъ пригласила одна знакомая дама теософка на одно изъ засѣданій этого общества.

Когда мы съ единомышленницей Р. Штейнера вошли въ залъ засѣданія, то, при всемъ желаніи, намъ не могли предложить мѣста, чтобы сѣсть. Пришлось стоять почти у порога. Лекцію кончилъ среднихъ лѣтъ „профессоръ“ къ нашему приходу. Судя по вопросу, поставленному при насъ одной юной слушательницей по поводу прослушанной ею лекціи, можно было догадаться, что лекція была о „перевоплощеніи“.

Что заинтересовало юную совопросницу въ этой лекціи?

„Скажите, профессоръ:—кто же услѣдилъ и подсчи-

талъ, что эта душа, о которой вы сейчасъ намъ говорили перевоплощалась тридцать пять тысячъ разъ?“ Ни юный возрастъ совопросницы, ни невинный тонъ ея не давали даже малѣйшаго повода заподозрить въ вопросѣ „подвохи“, а между тѣмъ, еврей-докладчикъ (какъ намъ потомъ сказали: инженеръ изъ Верх-Исетскаго завода, съ Урала) при всей своей развязности почему то поперхнулся, закашлялъ и послѣ неловкой паузы сказалъ, вѣрнѣе, пролепеталъ отвѣтъ, что объ этомъ случаѣ онъ читалъ въ одной, толстой.. англійской книгѣ, которой, къ сожалѣнію, у него въ распоряженіи сейчасъ не имѣется“...

Отвѣтъ „профессора“ можно было уподобить кляксѣ, чернильному пятну, положенному неожиданно на чистенькую, хотя и безсодержательную переписку...

Но, оставивъ наблюденіе за аудиторіей, я рѣшилъ самъ предложить докладчику нѣсколько вопросовъ. Благо, что за толпой ему видна была всего лишь одна моя лысина, а кто я—этого онъ не могъ узнать въ толпѣ; ибо, по одежкѣ встрѣчаютъ, а ее то, какъ разъ, и не было за толпой видно ему.

—„Скажите, г. докладчикъ, началъ я спокойнымъ тономъ, не знаете ли вы, кромѣ упомянутой вами сейчасъ „толстой англійской книги“, такую книгу, которая бы была принята большей частью просвѣщеннаго чловѣчества?

—Какъ бы даже обрадовавшись, что кто-то прерываетъ это неловкое молчаніе, докладчикъ охотно отвѣтилъ на мой вопросъ.

—Такой книгой является Библія.

—Благодарю васъ, поспѣшилъ я закрѣпить нашъ разговоръ благодарностью за желательный для меня отвѣтъ.

—А скажите, пожалуйста, г. докладчикъ, въ Библии нѣтъ ли данныхъ для вашихъ докладовъ о перевоплощеніи душъ?..

Полагая, что кто-то положительно пришелъ къ нему... „на выручку“ даетъ даже „наводящіе“ вопросы, докладчикъ съ довольной улыбкой и прежнимъ докторальнымъ тономъ началъ снова поучать „свою“ публику, позволившую по отношенію къ нему нѣкоторую „вольность“...

Въ Евангеліи отъ Маттея въ 11 главѣ въ 14 стихѣ

можно видѣть, что Іоаннъ былъ никто иной въ прежнемъ своемъ существованіи, какъ Ілія, отчеканилъ онъ...

У „профессора“ оказалась подъ руками Библія и онъ, открывъ ее, прочиталъ: „И, если хотите принять, онъ есть Ілія, которому должно придти“...

Видя, что эта выдержка из Библіи возымѣла свое дѣйствіе на слушателей, „профессор“ хотѣлъ еще что-то сказать: Но я боясь, что меня скоро „расшифруютъ“ и не дадутъ болѣе говорить здѣсь, поспѣшилъ попросить его открыть Евангеліе отъ Луки 1 главу съ 13 по 17 стихи.

Зналъ ли онъ содержаніе этого текста, мной указаннаго, или то обстоятельство, что дотолѣ дружественный, спокойный голосъ начиналъ угрожающе крѣпнуть, а вопросъ за вопросомъ ставилъ его, докладчика, въ положеніе провѣряемаго „ученика“ ..., докладчикъ, приподнявшись на свои носки очевидно захотѣлъ узнать, кто же, наконецъ, его собесѣдникъ, но толпа по-прежнему, хранила мою особу.

Тогда на помощь „профессору“ пришелъ еврей Минскій. Сказать прямо: „берегись, дорогой собратъ, съ тобой говорить попъ гойскій“,—онъ, конечно не могъ, ибо это бы вышло не въ „академическомъ тонѣ“. И съ чисто-еврейской изворотливостью онъ все-таки сказалъ своему сородичу по-крови то, что тому и требовалось знать. „Да, прежнее духовенство, было образованіе нынѣшняго. Вотъ, напримѣръ, Оригенъ училъ о перевоплощеніи.

— „Положимъ, возразилъ я, Оригенъ училъ только о предсуществованіи“ душъ, да и за это былъ осужденъ Вселенскимъ соборомъ“.

„Профессор“ понялъ изъ этой дѣйствительно уже дружественной реплики, что съ нимъ говоритъ „попъ“.

Все быстро разрѣшилось. вмѣсто того, чтобы прочитать мной указанный текстъ, его посрамляющій, „профессоръ“ сталъ поспѣшно собирать со стола листки и брошюры, служившія ему для доклада.

Тогда я перешелъ уже въ открытое наступленіе. Если вы, г. докладчикъ, не рѣшаетесь прочесть указанный мной текстъ, то я самъ прочту его. На его попытку — не дать мнѣ читать—публика отвѣтила внушительнымъ

гуломъ недовольства. И онъ, съ видомъ пойманнаго на-мѣстѣ преступленія любителя чужой частной собственности, стоялъ за своимъ столомъ, съ недоумѣвающимъ видомъ, говорившимъ, что „всѣ труды его пропали даромъ“...

Я же прочелъ: „Ангель сказалъ ему: не бойся, Захарія; ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родить тебѣ сына, и наречешь ему имя: Іоаннъ. И предъидетъ предъ Нимъ (Христомъ) *въ духъ и силу Іліи*“...

Вотъ, что евангелистъ повѣствовалъ, что Іоаннъ, будетъ такой же рѣшительный противникъ лжи діавольской, какимъ былъ Ілія, а не ваше, господа теософы, перевоплощеніе.

Тутъ поднялся невообразимый шумъ и крикъ.

Какой-то мужчина съ видомъ сектантскаго начетчика спросилъ меня.

—А скажите, батюшка, вы читали тибетскую библію?

Понимая, къ чему клонить совопросникъ, я на вопросъ отвѣтилъ вопросомъ же, а вы читали вятскую библію?

Растерявшійся начетчикъ былъ замѣненъ, какой-то старушкой съ малороссійской „мовой“—„балачкой“...

„Батюшки все забивали наши головы чудесами, да мощами“... истерически выкрикнула она...

—А теперь, чѣмъ забиваютъ ваши головы еврейскіе „профессора“, бабуса?

Собраніе стало расходиться.

Съ общимъ потокомъ былъ вынесенъ изъ зала засѣданія и я...

ГЛАВА XXXIV.

Теософы—новоіудеи.

Отрицаніемъ наличія священной истины теософы выдаютъ себя. Этимъ они открываютъ отчасти тайну беззаконія, о которой говорилъ Ап. Павелъ Солунянамъ (2 гл. 7 ст.) что „она уже въ дѣйствіи“... Руководство въ ней принадлежитъ тѣмъ, кто не признаетъ Божественнаго достоинства Мессіи, и кто жадно ждетъ „своего мессію“.

Иудейской христологіи совершенно чужда мысль о Божественномъ достоинствѣ Мессіи—Исуса Христа. Іудеи

подъ вліяніемъ своихъ „вождей”—книжниковъ и Фарисеевъ, какъ указано выше, исказили смыслъ пророчествъ о Христѣ и ждутъ встрѣтить въ лицѣ Мессіи не Богочеловѣка, а естественнаго потомка изъ рода Давидова, который возглавитъ всемірную іудейскую монархію и дастъ евреямъ первые мѣста въ государственномъ аппаратѣ.

Это еврейское теченіе отразилось въ христіанскую эпоху въ сектантствѣ, начиная съ древнихъ эвѣонитовъ и кончая нынѣшними адвентистами 7 дня. По сектантски:—Христосъ за свою добродѣтель (а не сверхъестественное происхожденіе отъ Дѣвы Маріи и Духа Св.) при крещеніи былъ надѣленъ чрезвычайными дарами, а послѣ Своей смерти (при чемъ нѣкоторые допускаютъ даже и воскресеніе Его) былъ прославленъ Богомъ и, по Своему человѣчеству, удостоился власти, какъ царь и правитель всего человѣчества. Это теченіе принимало самые разнообразные оттѣнки: 1) манихейской ереси, аріанства, несторіанства, соцініанства—предшественника современнаго раціонализма, получившаго оформленіе свое у Штрауса, Баура и др.

2) Докетической ереси, или смѣси: аріанства, въ нѣкоторыхъ его видахъ, монофизитства, а въ особенности гностицизма (прадѣда теософіи), въ силу своего общаго религіозно-философскаго міросозерцанія отрицающаго въ Іисусѣ Христѣ дѣйствительность человѣчества. Поэтому между Богомъ, Существомъ безпредѣльнымъ, и міромъ гностицизмъ проводитъ непроходимую пропасть, заполняемую зонами—истеченіями изъ сущности Божества.

Еще, какъ на прародительницу теософіи, можно указать на ересь Аполинарія (IV в.), послѣдователя Платоновской и Аристотелевской психологіи, дѣлившей человѣка на три части: тѣло, душа и духъ и видѣвшаго въ І. Христѣ „этотъ тройственный“ составъ человѣка (см. теософію). Въмѣсто души (нусъ) у І. Христа былъ Логось, такъ что І. Христосъ принялъ не всего человѣка изъ тѣла, души и духа, а не полнаго, состоящаго только изъ тѣла и души, т. е. по нынѣшнимъ воззрѣніямъ, человѣка, не имѣющаго души. (Подъ душой (психи) разумѣли собственно то, что теперь считаютъ жизненнымъ нача-

ломъ, началомъ органической жизни въ человѣкѣ). Въ протестантствѣ и сродныхъ ему ересяхъ это заблужденіе живо до сего дня.

3) Третью группу составляютъ ереси, отрицающія Божество или человѣчество въ І. Христѣ не прямо, а въ скрытой, лукавой формѣ: въ неправильномъ представленіи соединенія естествъ въ Лицѣ І. Христа. (Несторій и Евтихій.)

Съ точки зрѣнія Несторія І. Христосъ не есть воплотившееся Божество, но есть человѣкъ, съ которымъ Божество соединилось чисто внѣшнимъ образомъ. Иисусъ Христосъ здѣсь отличается отъ пророковъ лишь наибольшимъ обиліемъ благодати и близостью къ Богу. Но такъ какъ Божество соединилось внѣшнимъ образомъ съ Иисусомъ Христомъ, то Оно оставило при страданіяхъ І. Христа... Здѣсь же сказывается вліяніе іудейско-фарисейской философіи. Евтихій, стоявшій подъ вліяніемъ языческой философіи, пришелъ къ другому заключенію. Въ Иисусѣ Христѣ Божественная природа, какъ болѣе сильная, поглотила человѣческую природу. „Человѣчество распустилось, по мысли Евтихія, какъ медъ или соль в океанѣ“. Здѣсь уже чистый пантеизмъ, положенный въ основаніе теософическаго міросозерцанія.

Итакъ, Теософія, въ силу наслѣдственности традиціи сектантско-раціоналистической не имѣетъ ни малѣйшаго понятія ни о природѣ Божества, ни о природѣ человѣка. Въ силу чего она ставитъ своихъ послѣдователей въ ложное положеніе, ведущее не къ познанію въ себѣ Бога, что она неосторожно выставляетъ на своихъ знаменахъ, а къ хулѣ на Духа Святаго, т. е. къ тому смертному грѣху, который „не простится ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ“. (Матѣ. 12, 32).

Вся соль теософической попытки заключается въ примѣненіи ходячаго на половину матеріалистическаго и на половину спиритуалистическаго дуализма. Вотъ, тотъ „путь“, по которому „идетъ душа“ теософіи.

„Лишь черезъ познаніе сверхчувственнаго, говоритъ авторъ „Теософіи“ д-ръ Рудольфъ Штейнеръ, чувственно „дѣйствительное“ получаетъ смыслъ“.

Но въ томъ то и запятая, что авторы теософскихъ книгъ психическіе процессы познають по столько, по сколько считаютъ ихъ слѣдствіемъ тѣлесныхъ.

Но такіе ученые, какъ Вундъ, утверждаютъ, что „психическіе процессы не могутъ быть слѣдствіемъ тѣлесныхъ, иначе они имѣли бы сами матеріальный характеръ; фізіологическія нервныя функціи не суть явленія психическіе. Считать тѣ и другіе за атрибуты единой субстанціи, которая сама по себѣ непознаваема (монисты),—это значитъ, допускать ходячій на половину матеріалистическій и на половину спиритуалистическій дуализмъ“.*) Таково „откровеніе“ теософіи въ области психологіи.

Итакъ, по-христіанской идеологіи: человѣкъ—свободное разумное созданіе Бога, составленное изъ праха земнаго и безсмертнаго духа (Быт. 1, 21; 2, 7; Экл. 12, 7.)

По-теософски же: человѣкъ—эманация, частица Бога само-духъ.

По-христіански: „Тотъ, для Котораго все и отъ Котораго все“ (Евр. 2, 10) цѣлью творенья имѣлъ съ одной стороны, откровеніе Себя, славы и благодати Своей (Рим. 1, 20; Псал. 18, 1; Ис. 6, 3; Псал. 144, 9; 103, 24; 148, 1-13) съ другой—въ мірѣ неразумныхъ существъ цѣлью созданія твореній было безграничное развитіе жизни и бытія (Псал. 8, 10; Быт. 1, 22), въ мірѣ же разумныхъ существъ—въ мірѣ человѣческомъ цѣлью созданія было пріобщеніе человѣка къ радости и блаженству бытія въ Немъ Самомъ, т. е. Богъ—до сораздѣленія человѣкомъ Божественныхъ совершенствъ (Еф. 1, 4; 3, 16; 1 Іоан. 3, 1; Матѹ. 5, 48; Дѣян. 17, 28-29).

По-теософски: высшая цѣль—самая жизнь, ея поддержаніе и усовершенствованіе (эволюція). А это объектъ природы, а не человѣка. Этотъ объектъ относится къ области естественной исторіи онъ не можетъ составлять предмета человѣческихъ усилій. Отсюда и перевоплощеніе.

По-христіански: для спасенія „заблудившагося“ (Откр. 18, 23) сошелъ на землю Богъ—Іисусъ Христосъ нераздѣльно, несліянно, неразлучно и неизмѣнно соединилъ въ своемъ Лицѣ ипостаси Божество и Человѣчество, а потому былъ Единый и Богочеловѣкъ.

*) Д-ръ А. А. Соколовскій.

По-теософски: Иисусъ Христосъ — міровой учитель. Духъ Христа почилъ на Иисусѣ въ минуту крещенія, и этотъ же духъ почивалъ и будетъ почивать на другихъ мессіяхъ.

По-христіански: Иисусъ Христосъ „есть Желаемый всѣми народами“ (Аг. 2, 7), не отвлеченно, какъ Учитель истины, а дѣйствительно и дѣйственно для всякой души обращенной къ Богу и ищущей жизни въ Богѣ, такъ чтобы жизнь въ Божественныхъ началахъ сдѣлалась индивидуаль-но непрестающимъ благодатнымъ откровеніемъ Божиимъ въ людяхъ. Иисусъ Христосъ—раздѣляетъ Себя со всякимъ вѣрующимъ и, животворя человѣка и дѣйствуя въ немъ, т. е. обитая благодатно въ человѣкѣ, Онъ совершаетъ человѣческое спасеніе, какъ возродитель человѣка и Начальникъ новой жизни въ людяхъ: „мнѣ бо еже жити, Христосъ“ (Фил. 1, 21;) говоритъ о себѣ Ап. Павелъ: „живу не кому азъ, но живеть во мнѣ Христосъ“. (Гал. 2, 20) вотъ фактъ совершившагося и дѣйствовавшаго въ душѣ Апостола индивидуальнаго единенія со Христомъ. Это уже „Царствіе Божіе внутри васъ есть“ (Лук. 18, 20-21); но „безъ Мене не можете творити ничесоже“ (Іоанн 15, 5). „Азъ есмь лоза, вы же рождіе: и иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ много“. (Іоан. 15, 5; 17, 21-23).

Внутреннее индивидуальное соединеніе вѣрующей души со Христомъ въ таинствѣ причащенія (Іоан. 6, 48-55-57), а въ Немъ и черезъ Него съ Богомъ Отцемъ составляетъ реальную сущность жизни, рожденной „свыше“ въ христіанствѣ. (Рим. 6, 11; 14, 8; 1 Кор. 3, 16; Рим. 8, 11).

По-теософски: Каждый человѣкъ долженъ накопленную имъ сумму грѣховъ своихъ—Карму изжить путемъ перевоплощеній и исправленій своихъ ошибокъ въ новыхъ жизняхъ.

По-христіански: „человѣкамъ положено однажды умереть, а потомъ судъ“ (Евр. 9, 27). „Такъ и Христосъ, однажды принеся Себя въ Жертву, чтобы подъять грѣхи многихъ, во второй разъ явится на землю не для очищенія грѣха, а для ожидающихъ Его во Спасеніе“. (1 Петра 3, 18; Рим. 5, 6; Евр. 9, 28).

По-теософски: ни перваго, ни втораго пришествія Христа, въ сущности и не нужно, т. к. человѣкъ путемъ безконечныхъ „перевоплощеній“ самъ дойдетъ до „совершенства“.

Итакъ, даже ограничившись только этими тезисами, для всякаго непредубѣжденнаго человѣка видна несомнѣстимость и взаимная исключаемость христіанства и „теософіи“.

Ибо: „какая совмѣстность Храма Божія съ идолами“.

„Какое согласіе между Христомъ и Веліаромъ“.

И „какое соучастіе вѣрнаго съ невѣрнымъ“ (2 Кор. 6, 16-15 ст. ст.).

Смотрите, братія, чтобы кто не увлекъ васъ теософіею—этимъ пустымъ обольщеніемъ, ведущимъ свое начало отъ Веліара, а не отъ Христа!

Послѣсловіе.

Уже послѣ того, какъ настоящій трудъ былъ законченъ, появилась въ Харбинѣ книжка г. Клизовскаго „Правда о масонствѣ“. близко касающаяся какъ разъ той темы, которая была предметомъ нынѣ выпускаемой книги.

Откровенность г. Клизовскаго и ведомая имъ защита масоновъ и иже съ ними (а слѣдовательно и теософовъ) не должна остаться безъ отвѣта.

Надо надѣяться, что кто-нибудь еще вернется къ этой книгѣ г. Клизовскаго, ибо сказанное въ ней надлежитъ въ полной мѣрѣ использовать не для обличенія его враговъ, а для посрамленія его „подзащитныхъ“.

Не находя возможнымъ, дабы не отвлечься отъ основной темы, подробно останавливаться на упомянутомъ трудѣ г. Клизовскаго, мы все же не можемъ обойти молчаніемъ эту книгу, почему и помѣщаемъ, ввидѣ „послѣсловія“ свои краткія по поводу ея замѣчанія.

„ПРАВДА“ о масонствѣ.

„Умъ—хорошъ, а два—лучше“. Премудрая русская поговорка. Намъ Господь привелъ окончательно убѣдиться въ ея истинности на Соборѣ Московскомъ въ 1917-1918

г. г. На повѣсткѣ дня стоялъ вопросъ „возстановленіе патріаршества на Руси“.

Что сказать, съ чего начать? — Такіе и подобные вопросы давили мозгъ соборянъ въ Октябрьскіе кошмарные дни ..

А тутъ еще непрерывная канонада... Ходынка шлетъ снаряды въ Кремль.

„Звѣрь изъ бездны“ атакуетъ святое-святыхъ Русской земли...

— Господи, помоги! — въ молитвенномъ полушопотѣ обращались къ Виновнику всякихъ благъ многіе изъ членовъ Московскаго помѣстнаго Собора.

Пленарное засѣданіе. Напряженность всеобщая. Вотъ поднимается на кафедру соборной палаты крестьянинъ Уткинъ. Пермскъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, предварительно поцѣловавъ Св. Крестъ и Св. Евангеліе, подлежащіе на аналоѣ противъ „президіума“ и, окая по-пермски, началъ свою незатѣйливую рѣчь.

Привычный болѣе къ сохѣ, чѣмъ — ораторской трибунѣ, тѣмъ не менѣе онъ что-то „набросалъ“...

За нимъ поднимается профессоръ Титлиновъ. Небольшой, юркій брюнетъ: осторожно озирающійся на митрополита Антонія, находящагося за столомъ президіума, и какъ съ Олимпа, зорко слѣдящаго за битвой соборнаго христіанскаго ума съ дегенератами и одержимыми бунтарствомъ.

Бурно льется рѣчь профессора...

„Патріаршество—не нужно.. Это самая темная реакція... Это реставрація монархіи и пр. и пр.

Бьетъ въ одну точку.

— „Ну, думается, не бывать патріаршеству... Монархія опасалась патріаршества и не собирала собора; и революція, хотя и собрала Соборъ, но мѣшаетъ возстановленію патріаршества;—въ чемъ же дѣло?

На кафедре быстро поднимается епископъ Челябинскій—Серафимъ, бывший — Оренбургскій — епархіальный миссіонеръ (Александровъ).

Спокойнымъ, размѣреннымъ темпомъ, какъ на противосектантской бесѣдѣ, онъ прочиталъ блестящую тираду о необходимости патріаршества на Руси. Прочитавъ

и указавъ страницу изъ докторской диссертациі г. Титлинова онъ только сказалъ: — „комментаріи излишни“... Легкій смѣшокъ пробѣжалъ по Соборной палатѣ... Въ чемъ дѣло? — спрашиваетъ меня сосѣдъ, членъ Собора В. П. Антониновъ.

— Да, видите-ли: при монархіи вопросъ о патріаршествѣ былъ подъ нѣкоторымъ деликатнымъ запретомъ, а потому прогрессистъ Б. В. Титлиновъ, идя въ ногу съ наступательнымъ „освободительнымъ“ движеніемъ въ докторской своей диссертациі „игралъ“ на самыхъ нѣжныхъ струнахъ либерализма: „во что бы то ни стало“— „Вамъ патріаршество — страшно: да здравствуетъ всероссійскій патріархъ!“

Теперь „ненавистный монархическій строй“ палъ подъ ударами нѣкоей силы, а стало-быть и патріаршество болѣе не нужно, какъ нервирующая кой-кого идея и возможный для нѣкоей силы—таранъ въ борьбѣ съ царизмомъ: долой патріаршество!“

Вотъ, что и сказалъ Владыка Серафимъ своей „выдержкой“ изъ, сочиненія Б. В. Титлинова, удостоеннаго Петербургской Духовной Академіей за сей трудъ званія доктора церковной исторіи, отъ котораго онъ теперь позорно отказывается...

Вотъ, такъ по моменту, нынѣ и революціонеры „жгутъ свои корабли“ и масоны ставятъ памятники Царю-Мученику.

У нихъ все—по моменту...

По моменту, въ Ригѣ выпущена А. Клизовскимъ: „Правда о масонствѣ“ въ сорокъ пять страничекъ. „Одной изъ отличительныхъ особенностей масонскихъ организацій есть то, что они никогда не выступаютъ открыто, никогда ничего не опровергаютъ, никогда не отвѣчаютъ ни на похвалу ни на нападки“ — пишетъ на 8 страничкѣ А. Клизовскій*)

Откуда узналъ авторъ такую „правду о масонствѣ“ такіе дивные вещи сказать трудно т. к. онъ — авторъ — „не масонъ“. Про себя онъ скромно говоритъ; „если пишушій эти строки („правды“) выступаетъ въ защиту

*) Это мы знаемъ на примѣрѣ мѣстныхъ масоновъ, хотя бы г. Г.—ти

не масонства, но истины, то лишь потому, что онъ — не масонъ.“ Масоны, по его логикѣ, никогда не защищаютъ истины. „Принадлежность къ масонской организаціи лишила бы его этой возможности, ибо это противорѣчило бы масонской этикѣ“, (базирующейся, очевидно, не на истинѣ).

Если масоны про себя ничего не пишутъ, то конечно постороннему невозможно знать: кто—масонъ, а кто—не масонъ, какая у нихъ этика и тактика, какіе враги и союзники и т. д.

А такъ какъ г. А. Клизовскій—свободно отличаетъ „разные организаціи“ отъ подлиннаго масонства и разбирается въ сущности ученія масоновъ и „поддѣлкахъ“ подъ него, то остается заключить отсюда, что: или онъ —насыщенъ „божественною мудростію или теософіею“, какъ „посвященный — масонъ“, или онъ—ясновидящій—прозорливецъ, озаренный благодатью Св. Духа.

Но отъ перваго онъ энергично самъ отказывается, а второе допустить мы не можемъ, ибо, ознакомившись съ его „правдой“, мы боимся какъ бы не получилось, что авторъ „правды“ о масонствѣ не оказался принадлежащимъ, по своимъ убѣжденіямъ, къ категоріи лицъ, о которыхъ въ откровеніи говорится, что ихъ „участъ въ озерѣ“ (Откр. 21, 8), не о нихъ ли говорилъ Ап. Петръ (2 Пет. 3, 3)? Пусть читатель самъ скажетъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

При непроницаемой тайнѣ (2 Фесс. 2, 7), окутывающей масонство, автору тѣмъ не менѣ „точно извѣстно“ что орденъ масоновъ, также, какъ родственныи ему по духу и ученію орденъ Розенкрейцеровъ находились въ связи съ Источникомъ Свѣта, Руководителями нашей планеты, Старшими Братьями человѣчества. Сказано: „нѣкоторые Махатмы принимали участіе въ этихъ организаціяхъ“.

Помнится изъ прочитанной брошюрки, что г. А. Клизовскій страшно негодуетъ на В. Ф. Иванова за малое знакомство послѣдняго со Св. Писаніемъ.

Правда, испытанный криминалистъ, изучавшій въ теченіи двадцатипятилѣтней адвокатской практики душу

уголовнаго кліента, быть может, не въ такомъ совершенствѣ знаетъ Св. Писаніе, какъ авторъ „правды о масонствѣ“, но онъ этой области почти и не касается въ своихъ капитальныхъ трудахъ, получившихъ самое широкое распространеніе среди, какъ иностранныхъ, такъ и эмигрантскихъ круговъ.

Но, вотъ, укоряющій его въ невѣжествѣ, одержимости и прочихъ психофизическихъ недугахъ А. Клизовскій, что то тоже скромнѣе въ своихъ ссылакахъ на Св. Писаніе.

Позволительно и намъ спросить: изъ какого Откровенія онъ узналъ, что „нѣкоторые (а не всѣ) Махатмы принимали участіе“ въ масонскихъ и Розенкрейцеровскихъ организаціяхъ?

Судя по истерическимъ выкрикамъ „правды о масонствѣ“ можно заключить, что не все тамъ благополучно.

Въ концѣ концовъ „основаніе—для обвиненія противъ масоновъ и евреевъ въ ихъ стремленіи къ господству, имѣется, ибо опытъ жизни показываетъ намъ, откровенничаетъ г. Клизовскій, что такіе тенденціи со стороны, какъ масоновъ, такъ и евреевъ, въ дѣйствительности существуютъ“... (Стр. 10).

Вотъ это и раскрываютъ въ своихъ трудахъ С. А. Нилусъ, Н. Е. Марковъ, В. Ф. Ивановъ, Бутлинъ, Шмаковъ, кн. Горчаковъ, Бостуничъ, Комаровъ, Вершининъ, Ю. Н. Лукинъ и пр.

Правда, б. м. они „слишкомъ узко и односторонне, безъ знанія законовъ развитія жизни, безъ связи (съ масонствомъ) съ общимъ теченіемъ всей жизни, на нашей планетѣ подходятъ къ этимъ вопросамъ“. (Стр. 10) Вотъ г. А. Клизовскій—„въ этомъ отрицательномъ явленіи не видитъ ничего опаснаго для всего человѣчества“. Иудомасонская гегемонія, взятая подъ защиту авторомъ „правды о масонствѣ“, по его авторитетному окрику, — „не опасна“.

Она—фактъ—но... „не опасна“. (Стр. 11),

„На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ“, подтверждаетъ пословицей г. Клизовскій свое циничное положеніе.

Пожравъ „россійскихъ карасей“ эта щука подплываетъ сейчасъ къ сосѣднимъ берегамъ.

„Берегись, карасы!“—Кричатъ Нилусъ, Ивановъ и пр. друзья человѣчества.

„Не бойся, карасы!“—картавитъ фаланга іудо-масонскихъ мавровъ, смачно облизываясь и предвкушая „жаркое“.

—Вы ужъ слишкомъ, знаете-ли, нетерпимы—резонерствуютъ привратники масонскихъ „храмовъ“. Вотъ, Христосъ, Будда—смотрите, какъ они терпимы...

—„Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что очищаете внѣшность, между тѣмъ, какъ внутри...—полны хищенія и неправды“ (Матѣ. 23, 25), гремитъ Евангельскій голосъ въ отвѣтъ этимъ вкрадчивымъ голосамъ.

Начавъ съ пуританскаго отрицанія всякой связи съ масонской нечистью, авторъ перешелъ на тотъ „пріемъ“, который бываетъ, когда „захватываютъ на мѣстѣ преступленія“—„я—не я и лошадь не моя“.—„Масоны—разные—добрые и злые. Ивановъ какъ разъ задѣваетъ добрыхъ, а потому я, хотя и не масонъ, вступился за истину“... Вотъ какое впечатленіе получается отъ чтенія вашей брошюры г. Клизовскій.

Да и признаки „одержимости“ скорѣе подходятъ къ тому, кто вѣруетъ не въ Живаго Бога и Творца всяческихъ, а въ „космическій законъ причинъ и слѣдствій, направляемый Великими Силами Свѣта“. (стр. 26).

Ваши заглавныя буквы не придадутъ большаго значенія этимъ миѳическимъ „Великимъ Силамъ“.

„Бичъ современнаго человѣчества—одержимость, по авторитетному заявленію автора „Правды“, страшна именно тѣмъ, что она очень заразительна и что на одержимаго нельзя воздѣйствовать никакими доказательствами, доводами и убѣжденіями“. „Всѣ лгутъ, всѣ ошибаются“, не ошибается и говоритъ истину лишь защитникъ „истины“ г. Клизовскій (стр. 10).

Весь авторитетъ Священнаго Писанія, открывающаго намъ Виновника бытія, Спасителя и Духа Утѣшителя, вся премудрость Вселенской Церкви, подъ покровительство коей ставятъ себя В. О. Ивановъ, С. А. Нилусъ, Н. Е. Марковъ и др., — ничто въ сравненіи съ „боже-

ственной мудростью— теософією“, взятой подъ защиту г. А. Клизовскимъ.

Кромѣ того не забудемъ, что существованіе Вселенной основано на биполярности, вслѣдствіе чего, каждое явленіе жизни и каждое человѣческое начинаніе (какъ, напр., починъ В. Ѳ. Иванова снять маску съ „друзей и старшихъ братьевъ человѣчества“) тоже всегда имѣеть „отрицательную полярность“. Но авторъ „Правды о масонствѣ“—являющейся полярностью — „Міру въ лапахъ сатаны“ и др. противомасонскимъ книгамъ—этого не замѣчаетъ или умышленно замалчиваетъ.

Мурашки побѣжали по тѣлу, когда апологетъ масонства грозно началъ: „теперь посмотримъ, какими доводами оперируетъ авторъ „Православнаго міра и масонства“ В. Ивановъ для доказательства своей нелѣпой идеи“. И опять, занесенный мечъ безсильно опускается: „дѣйствительно, говоритъ другъ масонства, что общаго между ученіемъ масонства первыхъ вѣковъ (о которомъ и рѣчи ни у кого нѣтъ—всѣмъ извѣстно, что въ масонскихъ ложахъ сидятъ „иные“ братья) основаніе его, когда оно чтитъ Бога... и нѣкоторыхъ масонскихъ ложъ (о нихъ и рѣчь вся), которые объявляютъ войну Богу и всѣмъ религіямъ“ (стр. 21).

Въ заключеніе поблагодаримъ защитника „Правды о масонствѣ“ за признаніе общаго нашего утвержденія: 1) что съ нѣкоторыхъ поръ „управленіе міромъ... находится въ рукахъ старшихъ братьевъ“, что и требовалось доказать намъ.

2) что „процессъ фальсификаціи и замѣны истины ложью происходитъ въ теченіи вѣковъ... искаженіе... ученій — есть одинъ изъ пріемовъ борьбы тьмы со свѣтомъ“.

3) „Путь къ сатанизму начинается съ искаженія ученій свѣта (сектантствомъ, покровительствуемымъ масонами) и когда оно искажено уже настолько, что не удовлетворяетъ (какъ лютеранство) запросамъ духа ищущихъ людей, руководители (тайные масоны) человѣчества подсовываютъ „новое ученіе“ (въ родѣ теософіи) (стр. 21).

Г. А. Клизовскій! Міръ дѣйствительно существуетъ и держится тайной, но не вашей „тайной“, а „великой

благочестія тайной: Богъ явился во плоти, оправдалъ Себя въ Духъ, показалъ Себя Ангеламъ, проповѣданъ въ народахъ, принятъ вѣрою въ міръ, вознесся во славу" (1 Тим. 3, 16; Іоан. 1, 14; 1 Петр. 1, 12; Рим. 1, 4; 10, 18; Еф. 3, 10).

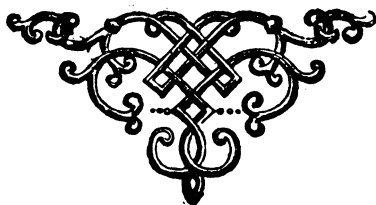
Но, конечно, обладаютъ и взятые Вами подъ защиту „братья“ масоны „тайной“, именуемой въ откровеніи „тайной беззаконія“ (см. 2 Тим. 2 гл. 7 ст.). Если ваши „законы Эволюціи“ требуютъ, чтобы тайное постепенно становилось явнымъ, то извольте спокойно отнестись къ сказанному въ этой главѣ и не спѣшите пріискивать мѣсто въ палатѣ для умалишенныхъ тѣмъ, кто съ Вами не во всемъ согласенъ.

Примите увѣренія въ нашемъ искреннемъ желаніи Вашего духовнаго исправленія.

Протоіерей Аристархъ Пономаревъ.

1936 г. 15 сентября.

г. Харбинъ.

Оглавление.

	Отъ Издателя	стр.	3
	Введение.	"	6
Глава	I. Pro domo sua.	"	17
"	II. Новоіудейство и Каббала.	"	19
"	III. Перевоплощеніе.	"	22
"	IV. „Каббала—выше Библии“	"	23
"	V. Принципы фарисейства въ теософіи.	"	26
"	VI. Откровеніе и „Теософія“.	"	27
"	VII. Когда появилось теософическое обще- ство.	"	29
"	VIII. Фарисейство и масонство.	"	29
"	IX. Что такое теософія?	"	32
"	X. Программа теософской обработки.	"	33
"	XI. Мировой заговоръ.	"	36
"	XII. Заграничный Архіерейскій Соборъ на стражѣ спасенія своей паствы.	"	38
"	XIII. Ереси и секты въ первые вѣка.	"	42
"	XIV. Еретики язычествующіе.	"	46
"	XV. Манихейство.	"	50
"	XVI. Ересь Антитринитаріевъ.	"	53
"	XVII. Предтечи теософіи.	"	55
"	XVIII. Единый фронтъ.	"	57
"	Западное вліяніе.	"	59
"	XIX. Мода.	"	61
"	XX. Еретики II и III в. в.	"	64
"	XXI. Позитивизмъ и теософія.	"	65
"	XXII. Спиритизмъ и оккультизмъ.	"	66
	Спиритизмъ.	"	67
	Оккультизмъ.	"	68
"	XXIII. Теософія и естествознаніе.	"	71
"	XXIV. Теософія и христіанская религія.	"	74
"	XXV. „Теософія“ и „синтезъ“.	"	81
"	XXVI. Первый признакъ истинности.	"	82
"	XXVII. Теософія и дуализмъ.	"	86
"	XXVIII. „Познаніе въ самомъ себѣ Бога“.	"	89
"	XXIX. «Перевоплощеніе» и теософія.	"	91
"	XXX. Теософы — матеріалисты.	"	97
"	XXXI. Теософія вымыселъ.	"	100
"	XXXII. Теософія нашихъ дней.	"	107
"	XXXIII. Эволюція жизни формы.	"	108
"	XXXIV. Теософы—новоіудеи.	"	113
	Послѣсловіе.	"	118
	„Правда“ о масонствѣ.	"	118

Опечатки.

Напечатано:

Слѣдуетъ читать:

Стр. 24. „Ефес. 7, 6“	— Ефес. 6, 1.
— 31. „2 Кор. 5, 15“	— 2 Кор. 3, 15.
Стр. 32 „носящимъ“	— носящими.
Стр. 33 „теософія“	— теософии.
Стр. 34 „Геоманія пр.“	— Геоманія.
Стр. 35 „Теургія“	— Теургія.
Стр. 38 „Вотъ, читатель, кто, при-
крываясь «доводами науки»,
отрицаетъ и Бога и сатану,
считая все это и „суевѣри-
емъ“, и вымысломъ“, а са-
ми (правда, тайкомъ) прини-
мають и навожденіе (всѣ
террористы дѣйствуютъ подъ
вліяніемъ навожденія) и пор-
чу, и одержимость (кто не
осторожно снимаетъ съ себя
крестъ и перестаетъ соблю-
дать христіанскій постъ и мо-
литву (и некроманію) въ
спиритическихъ сеансахъ
(чернокнижіе) въ теософи-
ческомъ міровоззрѣніи и да-
же черную мессу...“	Вотъ, читатель, кто, при-
крываясь „доводами науки“,
отрицаетъ и Бога и сатану,
считая все это и „суевѣри-
емъ“, и „вымысломъ“, а са-
ми (правда, тайкомъ) прини-
мають и навожденіе (всѣ
террористы дѣйствуютъ
подъ вліяніемъ навожденія)
и порчу, и одержимость (кто
не осторожно снимаетъ съ
себя крестъ и перестаетъ со-
блюдать христіанскій постъ
и молитву) и некромантію
(въ спиритическихъ сеан-
сахъ), чернокнижіе (въ тео-
софическомъ міровоззрѣніи)
и даже черную мессу...
Стр. 39 „удобопріемлимыя“	— удобопріемлемыя.
Стр. 43 „слушающіе“	— смущающіе.
Стр. 47 „Зон“	— Эонъ.
Стр. 48 „Мѡ. 7, 15“	— 1 Іоан. 4, 1;
Стр. 58 „Наоборотъ“	— наоборотъ.
— 76 „религии“	— религии.
— 77 строка 3 (Кор. 8, 1.)	— (1 Кор. 8, 1).
— — „ 7 (1 Кор. 13, 2)	— (1 Кор. 8, 2).
— — „ 8 (1 Кор. 8, 2, 3;)	— (1 Кор. 13, 2).
— — „ 3 снизу „христіанскую“	— христіанскую.
— 79 „ 7 сверху (Іан. 6, 57)	— (Іоан. 6, 57).

Стр. 79 строка 22 сверху (Матв. 16, 24)— (Матѣ. 16, 24).

— — „ 4 снизу (Кор. 13, 4-7)— (1 Кор. 13, 4-7).

— 80 „ „удовленіе“ — уловленіе.

— 81 „ 11 сверху „Восорова“ — Восорова.

— — „ 14 „ „произнося- — произнося надутое.
надутое“

— — „ 16 „ „отсталиотъ“ — отстали отъ.

— — „ 15 снизу (Іоан. 15, 22) — (2 Петра 2, 21).

— 82 „ 8 „ (28, 19) — (Матѣ. 28, 19).

— — „ 5 „ (ст. 20) — („ „ 20).

— 84 „во“ — въ.

— 85 „упустилаизъ“ — упустила изъ.

— 92 строка 17 снизу (Іоан. 4, 34)— (Іоан. 9, 4).

— — „ 16 „ (Іоан. 1, 5) — (Іоан. 9, 5).

— — „ 9 „ (ст. 38) — (Іоан. 9, 38).

— 100 „индѣйскаго“ — индійскаго.

— — „религія фантазіи“— религіи фантазіи.

— 113 „ 6-7 снизу (Солуня- — (2 Солунянамъ 2, 7).
намъ 2, 7)

— 116 „ 15 „ (Быт. 1, 21) — *уничтожитъ.*

— 117 „ 21 „ (Лук. 18, 20, 21)— (Лук. 17, 20-21).

— 125 „ 12 сверху „Вама“ — Вами.

